

А. Л. ШЕМЯКИН

РАДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В СЕРБИИ

Москва

1993

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Рекламно-информационное агентство
"Русская пресс-служба"

А. Л. ШЕМЯКИН

РАДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕРБИИ
Зарождение, становление, первые шаги
(1875–1883)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Я. ГРОСУЛ

Москва
1993

*Памяти профессора
Виктора Георгиевича
КАРАСЕВА*

Монография посвящена изучению сложных процессов, проходивших в недрах сербского социалистического движения после смерти его признанного лидера Светозара Марковича (1846–1875) и приведших в конечном итоге к его расколу и конституированию в 1881 г. сербской радикальной партии. В книге анализируется идеологическая доктрина партии радикалов в первый период ее истории, освещается ее место и роль в острой политической борьбе, развернувшейся в Сербии в 1881–1883 гг. Особо подчеркивается, что с рождением партии на национальной политической арене появилось поколение впоследствии видных политических деятелей и в первую очередь Николы Пашича (1845–1926) – крупнейшего политика Сербии и “первой Югославии”.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кандидат исторических наук **С. И. ДАНЧЕНКО**,
кандидат исторических наук **Л. В. КУЗЬМИЧЕВА**

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XIX в. в истории Сербии является эпохой чрезвычайно важной. Именно в этот период в ее экономике окончательно утверждаются товарно-денежные отношения. Под влиянием индустриального бума в Европе, в частности массивного железнодорожного проникновения, а также влекомая политическими и экономическими интересами своих могущественных соседей (в первую очередь Австро-Венгрии), страна втягивалась, правда, очень медленно и однобоко, в европейский рынок. Следствием этого процесса был мучительный разрыв пуповины, связывавшей сербского крестьянина с традиционным натуральным укладом; патриархальный коллективизм семейной общины-задруги постепенно уступал место хозяйственному индивидуализму товаропроизводителя. Росла и богатела торгово-купеческая прослойка, аккумулировавшая в своих руках значительные капиталы.

В политической сфере также происходили значительные изменения. Из полуассального княжества времен Александра Карагеоргиевича и уставобранителей Сербия в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и подводившего ее итоги Берлинского конгресса превратилась в полностью независимое государство, а в 1882 г. была провозглашена королевством. Принятая в 1903 г. демократическая конституция означала установление в стране парламентской системы, важнейшими элементами которой стали принцип разделения властей, ответственность правительства перед Народной скупщиной, широкое местное самоуправление, гарантия гражданских прав и свобод населения; это в сравнении с олигархическим режимом полувековой давности представляло собой гигантский шаг вперед.

Особенно усиливается во второй половине прошлого столетия динамика общественной жизни. Либерализм, социализм, радикализм (сербские варианты европейских аналогов), сменяя друг друга, определяют идейное развитие Сербии того времени. В 70-80-е годы политически активизируется сербское крестьянство — основной элемент населения страны. Апогеем его активности стало Тимококское восстание 1883 г.

Рост антагонизма между народными массами и бюрократическим государством привел к резкому обострению политической ситуации и фактическому расколу сербского общества. В начале 80-х годов в Сербии появляются первые политические партии. Ожесточенная борьба между ними и трудные поиски национально-политического компромисса стали основным содержанием сербской истории двух последних десятилетий XIX в.

"Майская революция" 1903 г., в результате которой на сербский престол была "возвращена" династия потомков легендарного Карагеоргия, способствовала достижению национально-го консенсуса; к власти в стране "всерьез и надолго" пришла сербская народная радикальная партия. Отныне участие Сербии во всех последовавших вскоре событиях балканской, европейской и мировой истории было теснейшим образом связано с этой влиятельнейшей национальной политической организацией. Именно сербские радикалы провели свою страну через коллизии Боснийского кризиса, Балканских и первой мировой войн. Именно им довелось стать главными "прорабами" в деле строительства первой Югославии (1918-1941). По словам современного сербского историка Милана Протича, "радикалы долго говорили: "Нет". На волне отрицания они и состоялись как партия. Но когда наступил решающий момент, они сумели сказать: "Да". В этом и есть их значение"¹.

Свое "нет" с разной степенью громкости и решительности, от крика до шепота, а когда и про себя, радикалы твердили свыше двадцати лет, с момента выхода их организации на сербскую политическую арену в январе 1881 г. и до "победного" 1903 г.

В задачу монографии не входит рассмотрение всего периода оппозиционной деятельности партии; автор ограничивается анализом лишь его первой фазы, когда радикальное "нет" звучало особенно оглушительно. Фаза эта, начавшись в первые дни 1881 г., завершилась в октябре 1883 г., когда в результате подавления Тимокского восстания радикальная партия была разгромлена и на некоторое время оказалась недееспособной. Осень 1883 г., таким образом, и стала верхней хроноло-

гической границей исследования.

Несмотря на кажущуюся краткость, этот менее чем трехлетний период истории радикальной партии, несомненно, заслуживает внимательного изучения. Причин тому несколько.

Во-первых, с образованием радикальной партии начался новый этап общественно-политической жизни страны. Впервые оппозиция проявила себя в качестве реальной силы в виде хорошо организованной, обладающей четкой программой, партии, что явилось принципиально новым явлением в сербской истории. Американский исследователь Гейл Стоукс прав, констатируя: "Радикалы стали первыми, кто создал местные партийные клубы и объединил их в единую национальную организацию. Они были первыми, кто связал крестьянство партийными билетами; им впервые удалось мобилизовать влиятельную избирательную армию на базе политической программы, а не с помощью полицейского давления"². В ответ на вызов радикалов все остальные общественные силы страны также были вынуждены перестроить свои ряды и организовать собственные политические организации. Политическая борьба в Сербии достигла, таким образом, своей высшей фазы — этапа борьбы политических партий.

Во-вторых, произошло изменение характера политической борьбы не только формальное, но и качественное. Радикалы первыми из сербских политиков сделали главную ставку на привлечение в свои ряды многотысячных крестьянских масс. "Вся их политическая стратегия, — читаем у М.Протича, — основывалась на вовлечении народа в политику, на стремлении добиться того, чтобы народ стал решающим ее фактором. Радикалы искали поддержки в глубинке, у крестьянства"³. И в своем поиске они немало преуспели. Зерна их антиправительственной агитации падали в благодатную почву и проросли добрыми плодами. В сербском крестьянстве, которое вынесло все тяготы двух сербо-турецких войн (1876 и 1878 гг.), а получило от независимой страны лишь усиление налогового гнета, призванного покрыть потребности постоянно разбухавшего государственного аппарата и способствовать выплате ог-

ромного внешнего долга, зрело недовольство и усиливалось брожение. Имея прекрасных агитаторов и "уйдя в народ", радикалы добились того, что крестьяне в массовом порядке вставали под их знамена. Именно в этот период также сформировался и устойчивый прорадикальный электорат, сохранявший верность своему выбору на протяжении всех последующих десятилетий.

Поворот сербских радикалов "лицом к деревне" имел в конечном счете решающее значение для всей дальнейшей истории страны, о чем подробнее речь пойдет ниже; пока же следует отметить, что "процесс национального и политического созревания сербского крестьянства совпал с рождением и развитием радикального движения"⁴, проходя в основном именно в рамках последнего.

И наконец, образование радикальной партии означало появление на национальном политическом небосклоне целого поколения будущих "звезд" сербской политики. Это Никола Пашич и Сава Груич, Стоян Протич и Лаза Пачу, Андра Николич и Милован Милованович. Спустя два с небольшим десятка лет именно они станут вершителями судеб Сербии. Причем, взойдя на политический Олимп, эта "радикальная генерация" будет строить сербский дом с тем же усердием и талантом, с каким она же его разрушала на заре своей деятельности.

Совокупность указанных факторов выделяет сам факт рождения сербской радикальной партии из пестрого круговорота событий второй половины XIX в., придает ему характер явления узлового, во многом рубежного для последующей истории страны.

Конституирование политической организации радикалов вызывает немалый интерес и в связи с необходимостью ответа на вопрос об исторических судьбах сербского социалистического движения. За шесть лет, прошедших после смерти его признанного лидера Светозара Марковича (1846–1875) до образования радикальной партии в 1881 г., политическая обстановка в Сербии и вокруг нее под воздействием Великого Восточного кризиса (1875–1878) и его последствий коренным образом изменилась,

что не могло не сказаться на взглядах и характере деятельности соратников и наследников С.Марковича, которые в основном и стали "отцами-основателями" новой партии.

Ее появление означало объединение обоих элементов сербской левой оппозиции второй половины 70 - начала 80-х годов XIX в. - участников социалистического движения и членов крестьянской парламентской группы, которая, начиная с 1874 г. под руководством Адама Богосавлевича (1844-1880) - этого "первого сербского популиста"⁵ - активно действовала в стенах Народной скупщины. Данный альянс, уходящий своими корнями еще в предвоенные годы, с образованием радикальной партии окончательно оформился.

Естественно, встает вопрос, на какой идейной основе произошло его оформление, ведь С.Маркович и А.Богосавлевич при одинаковой левой ориентации вовсе не были идеологически тождественными фигурами. Вопрос этот далеко не праздный, ибо предстория радикальной партии (1875-1881) - период, как представляется, исключительно важный с точки зрения формирования ее идеологической доктрины - изучена весьма слабо. Долгие годы при оценке событий января 1881 г. и анализе документов новой партии, по словам Латинки Перович, "считалось вполне достаточным просто объявить о предательстве программы Светозара Марковича частью его последователей"⁶. Под пером многих авторов организаторы радикальной партии выглядели заурядными ренегатами социализма. Лишь в последнее время в работах сербских историков зазвучали иные оценки, о которых говорится ниже.

Принимая во внимание пожелание Драгослава Янковича "более глубоко и всесторонне изучить этот переходный период"⁷, определяется автором нижняя временная граница исследования. Это дата смерти С.Марковича (февраль 1875 г.), когда движение его сторонников стало развиваться и эволюционировать самостоятельно.

Имея в виду высказанные предварительные соображения, можно сформулировать главную триединую задачу, поставленную автором данной работы - проследить развитие сербского

социалистического движения в период после смерти С.Марковича и до образования радикальной партии; проанализировать идеологическую доктрину ранних радикалов, стремясь обнаружить ее источники; рассмотреть практическую деятельность партии в первые годы ее истории, показав ее место и роль в острой политической борьбе, развернувшейся в Сербии в 1881-1883 гг.

х х х

Споры о характере сербской радикальной партии (особенно первых лет ее существования), то волнуемая, то угасая, продолжают в исторической литературе до сих пор и спектр оценок в них весьма широк.

Классовой крестьянской партией считал партию ранних радикалов Слободан Йованович⁸, подменив при этом, по сути дела, понятие "характер партии" формулировкой "социальная опора партии". В условиях сербского аграрного общества радикальная партия физически не могла стать массовой организацией общенационального масштаба, если бы не включала в свой состав не менее 80% крестьян. Однако нельзя забывать, что руководителями партии как в центре, так в значительной степени и на местах, равно как и создателями ее идеологии, были представители "иных" сословий - в первую очередь интеллигенции. Это обстоятельство верно подметил Г.Стоукс, подчеркнувший, что "радикальная партия не может считаться партией крестьянской, ибо ее создали и ею руководили представители интеллигенции и профессиональные политики"⁹.

Несмотря на это, ряд историков последующих поколений продолжает разделять точку зрения С.Йовановича. Петар Милосавлевич, к примеру, дословно повторяет ее, полагая, что радикальная партия до Тимоцкого восстания являлась "классовой крестьянской партией"¹⁰. Российская исследовательница С.И.Данченко также высказывает весьма близкое суждение: "В 1881-1883 гг. она (радикальная партия. - А.Ш.) играла прогрессивную роль. По своему характеру это была мелкобуржуазная партия"¹¹. Сербские радикалы, по ее мнению, в этот период выражали "интересы всего крестьянства"¹². Вторит ей

украинский историк О.В.Павлюченко, отмечая, что "партия радикалов отражала до поражения Тимоцкого восстания 1883 г. интересы всех слоев сербского крестьянства, мелкой буржуазии"¹³. Говоря о движущих силах радикального движения 80-х годов, автор видит их в крестьянстве¹⁴.

Следующая группа авторов считает, что сербская радикальная партия уже с момента образования, т.е. с 1881 г., являлась партией буржуазной, стоящей на позициях защиты капиталистических устоев в стране. Российский историк В.И.Короткова, характеризуя раннюю радикальную партию, писала: "К 80-м годам группа Богосавлевича, представлявшая в 70-е годы демократические слои общества, стремившиеся к социальному перевороту, переродилась в партию буржуазных реформаторов, вобрав в себя значительную часть зажиточного крестьянства, мелких промышленников, торговцев и мелкобуржуазную интеллигенцию"¹⁵. Авторы первого тома "Истории Югославии", несмотря на признание того очевидного факта, что радикальная партия "начала свою деятельность с борьбы против абсолютизма и реакции как партия прогрессивная и демократическая"¹⁶, в то же время подчеркнули, что "радикалы выступали как защитники буржуазного порядка и буржуазных институтов"¹⁷. Этот последний тезис явился, как представляется, логическим следствием содержащегося в том же обобщающем труде утверждения о том, что "духовным отцом партии был Адам Богосавлевич и его группа, действовавшая на политической арене Сербии с 1874 по 1880 год. В этот период и совершается переход от революционного демократизма Марковича к буржуазному радикализму"¹⁸.

Тезис о буржуазном характере только что основанной радикальной партии имеет широкое распространение и в сербской научной литературе. Васа Чубрилович в конце 1950-х годов утверждал, что радикальная партия была основана в 1881 г. как "первая, а может быть и единственная настоящая буржуазная партия"¹⁹. Вторит ему Джордже Станкович. По его мнению, радикальная партия - это "первая современная буржуазная партия"²⁰. Живота Джорджевич также отмечает по этому пово-

ду: "Радикальная партия не являлась организацией революционной... Она была относительно современной буржуазной партией, которая в сущности стремилась легальным путем прийти к победе парламентского строя"²¹. Похожее мнение высказывает Михайло Воеводиц, подчеркивая, что "радикалы ... отошли от идей Марковича и организовали чисто буржуазную партию. Программа партии, - по оценке автора, - ставила своей целью создание парламентского буржуазного государства"²².

И наконец, точка зрения Андрии Раденича, полагающего, что ранняя радикальная партия являлась "демократической буржуазной партией в рамках конституционной монархии"²³. И еще один вывод этого историка: "Радикальная партия с точки зрения идеологии и организации была в это время (накануне Тимокского восстания. - А.Ш.) партией единой с общими программными целями и прагматическими методами политической борьбы"²⁴. Это заявление представляется весьма спорным, если иметь в виду неоднородность ранней радикальной партии и ее руководства. С ним, кстати, созвучно и высказывание М.Протича, считающего, что "в период 1881-1883 гг. руководство (радикальной партии. - А.Ш.) было в основном едино и проводило согласованную политику"²⁵.

К этой же группе авторов следует отнести и Д.Янковича, по мнению которого превращение радикальной партии в партию типично буржуазную началось не после Тимокского восстания, а еще до него, т.е. в период 1881-1883 гг. В одной из своих последних статей он заметил, что "относительно быстрое развитие радикальной партии в сторону превращения ее в партию буржуазную характерно не только для периода после Тимокского восстания, как это считалось раньше. И до этого события существовали совершенно определенные признаки и симптомы, подтверждающие начало этого процесса, которые, правда, не всегда были легко различимы"²⁶.

Это утверждение историка противоречит его же выводу тридцатипятилетней давности о том, что "радикальная партия прошла в своем развитии две фазы, границей между которыми стало Тимокское восстание. До 1883 г. радикальная партия

была партией мелкобуржуазной с известными следами социалистического учения, которая боролась против буржуазно-бюрократических порядков в Сербии, за народное самоуправление"²⁷. Данный вывод представляется более точным, равно как и фактически продолжающее его высказывание американского исследователя Вудфорда Маклеллана: "Подавление Тимоцкого восстания означало конец подлинного радикализма радикальной партии. После восстания и общей амнистии... Никола Пашич и радикалы взяли на вооружение политику буржуазной *realpolitik* и национализма"²⁸. Что касается сроков перехода радикалов к национальной политике, то здесь с автором вряд ли можно согласиться, момент же их обращения к *realpolitik* "схвачен" им точно.

Еще одну точку зрения относительно характера ранней радикальной партии высказала в ряде своих работ Л.Перович. Характеризуя идеологию ранних радикалов, она подчеркнула, что "программа радикальной партии 1881 года находится между народническим социализмом и социал-демократией"²⁹. В другой работе она дополняет эту мысль: "Теоретическая и практическая деятельность радикальных лидеров до Тимоцкого восстания занимает промежуточное место между народничеством и социал-демократией"³⁰. Из этих высказываний следует, что автор определяет раннюю радикальную партию как прямую продолжательницу социалистической традиции С.Марковича и только Тимоцкое восстание, по ее мнению, "показало, что концепция народнического социализма окончательно исчерпала себя"³¹.

Развернутая дефиниция ранней радикальной партии содержится в исследовании Л.Перович, посвященном Мите Ценичу: "Партия не называла себя социалистической, но, имея в виду ее программу и организацию, никак нельзя утверждать, что она была партией буржуазной, и что ее создатели порвали с идеями Светозара Марковича"³². И еще: "Игнорирование социалистического происхождения партии, которую образовали ближайшие соратники С.Марковича..., отрицание наличия в партии социалистических элементов еще до того, как она сама отреклась от них, трактовка ее эволюции как сознательного пре-

дательства социализма... - рассуждения ненаучные"³³.

Подобный подход к оценке ранней радикальной партии, основанный на отказе от черно-белых представлений и более глубокой нюансировке, вообще характерен для сербской историографии последних лет. Так Васа Казимирович, автор первой и пока единственной научной биографии лидера радикалов Николы Пашича, подчеркивает в своем исследовании: "До того, как поднять радикальное знамя, Пашич участвовал в социалистическом движении. В свое время он был членом цюрихской секции Первого интернационала, затем принадлежал к узкому кругу ближайших соратников Светозара Марковича. А когда тот умер, стал во главе всего движения (светозаревцев) и был тем, кто определял его направление - в духе мыслей и идей Светозара - которое... и в момент образования радикальной партии не было противоположным социализму"³⁴. М.Протич также полагает, что "присутствие социалистических влияний в сербском радикальном движении заметно до конца Тимокского восстания"³⁵.

Следует отметить, что точка зрения на партию ранних радикалов как продолжательницу социалистической традиции высказывалась и ранее. Еще в конце XIX в. французский социалист Бенуа Малон отмечал, что радикальная партия является составной частью истории сербского социализма, а "Самоуправу" он считал "официальным органом сербской социалистической партии"³⁶.

Эти воззрения, однако, были уже вскоре подвергнуты резкой критике В.Викторовым-Топоровым, который заявил, что "только полнейшей неосведомленности можно приписать мысль, высказанную Бенуа Малонем о том, что "Самоуправа" - официальный орган сербской социалистической партии... Партия радикалов и их орган "Самоуправа", - по его мнению, - ... выступивши на широкую политическую арену, неизбежно должна была порвать с социалистическим мировоззрением своего духовного вождя (С.Марковича. - А.Ш.)"³⁷. Такие утверждения в традициях ранних антирадикальных филиппик Миты Ценича стали на долгие десятилетия господствующими в исторической литературе при оценке сербской радикальной партии.

Таким образом, в научной литературе существуют по крайней мере три характеристики партии ранних радикалов. Подобный "разброс" мнений исследователей объясняется тем, что до недавних пор оценки ее характера были весьма поверхностными, так как содержались в обобщающих трудах и в монографиях, посвященных смежным сюжетам политической истории Сербии второй половины XIX в., и основывались главным образом лишь на анализе социального состава партии. Только в работах последних лет – в первую очередь в трудах Л.Перович, а также А.Раденича, М.Протица, В.Казимировича – делаются первые попытки всесторонне характеризовать раннюю радикальную партию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Протић М.Ст. Радикали у Србији. Идеје и покрет. 1881–1903. Београд, 1990. С.184.
2. Stokes G. The social origins of East European Politics. Eastern European Politics and Societies. Published by University of California Press. P.63.
3. Протић М.Ст. Указ.соч. С.86.
4. Там же. С.129.
5. Карасев В.Г. Революционно-демократическая идеология и балканский социализм (60–70-е годы XIX в.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С.86.
6. Perović I. Srpski socijalisti XIX veka. Beograd, 1985. Knj.2. : S.33.
7. Јанковић Д. О политичким приликама и односима у Србији уочи "Црвеног Барјака" // Социјалистички покрет у Србији и "Црвени Барјак". Крагујевац, 1977. С.185.
8. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ.2. С.222. Књ.3. С.3.
9. Stokes G. Op.cit. P.66.
10. Милосављевић П. Тимочка буна 1883 године // Тимочка буна 1883. и њен друштвено-политички значај за Србију XIX века. Зборник радова са научног скупа, одржаног от 18 до 20 октобра 1983 г. у За чару. Београд, 1986. С.7.
11. Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи. (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С.157.
12. Данченко С.И., Писарев Ю.А., Чепыжева Е.Ю. Сербия на пути от автократии к конституционализму // Балканы в конце XIX – начале XX в. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С.14.
13. Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987. С.9–10.
14. Там же. С.10.
15. Короткова В.И. Тимокское восстание и радикальная партия // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1953. № II. С.145.

16. Историја Југославије. М., 1963. Т. I. С. 497.
17. Там же. С. 494.
18. Там же.
19. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 368, 448.
20. Станковић Ђ. Никола Пашић и југословенско питање. Београд, 1984. Књ. I. С. 72.
21. Ђорђевић Ж. О узроцима Тимочке буне // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С. 50-51.
22. Војводић М. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 9.
23. Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зајчар, 1988. Књ. 2. С. 581.
24. Там же. С. 730.
25. Протић М. Ст. Указ. соч. С. 136.
26. Јанковић Д. О настајању и нешто о унутрашњим односима радикалне странке у њеним првим годинама 1881-1883 // Анали Правног факултета у Београду. Београд, 1986. Бр. I-3. С. 78.
27. Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951. С. 230.
28. McClellan W. Svetozar Marković and the origins of Socialism. Princeton, 1964. P. 271-272. Balkan
29. Перовић Л. Цера Тодоровић. Београд, 1983. С. 103.
30. Перовић Л. Српски социјалисти и Тимочка буна // Тимочка буна 1883 ... Зборник радова са научног скупа. С. 128.
31. Там же. С. 127.
32. Перовић Л. Димитрије Мита Ценић. Уводна студија // Ценић Димитрије Мита. Изабрани списи. Београд, 1988. Књ. I. С. 65.
33. Там же. С. 146. См. такође: Perović L. ^{misao u} Socijalistička Srbiji u drugoj polovini XIX v. // Zgodovinski časopis, 1990. Broj 3, str. 427-434; Перовић Л. Друштвене идеје у Србији у другој половини XIX века (либерализам, социјализам, радикализам). Специјални курс на Катедри за историју јужних и западних словена, Московски Државни Универзитет, септембар 1991. Београд, 1992. С. 123.
34. Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. 1845-1926. Београд, 1990. Књ. I. С. 87.
35. Протић М. Ст. Указ. соч. С. 62.
36. Malon Benoit. Svetozar Markovitch et le ^{serbe} socialisme // Revue socialiste. Paris, 1888. V. VIII. P. 594.
37. Викторов-Топоров В. Светозар Маркович (страница из историје общественных движений Сербии) // Голос Минувшего. 1913. № 3. С. 48.

ГЛАВА I

СЕРЕБСКИЙ СОЦИАЛИЗМ НА ПЕРЕЛОМЕ. 1875–1881 гг.

I. Краткий очерк истории социалистического движения в Сербии до 1875 г.

Главной отличительной чертой сербского общества XIX в. была его неполная социальная структура. В стране отсутствовала потомственная аристократия, истребленная еще в пору османского завоевания. Не было и крупной буржуазии с ее неразлучным спутником – пролетариатом. Развитие Сербии – социальное, экономическое, политическое и культурное – происходило в чисто крестьянской патриархальной среде. Процесс социальной стратификации общества шел крайне вяло, хотя и несколько активизировался к концу столетия в связи как с попытками экономической модернизации страны, так и с ее медленным "вползанием" в европейский рынок. Важно заметить, что сербское крестьянство политически и экономически являлось весьма гомогенной социальной группой. Сербия была страной свободных мелких собственников, традиционно пользовавшихся немалыми правами. Именно в этом корни того, что "демократизм был характерной, имманентно присущей сербскому обществу XIX века особенностью"¹. Это обстоятельство в свою очередь обусловило тот факт, что демократическая идеология в различных ее формах получила в Сербии в последней трети прошлого столетия самое широкое распространение.

х х х

Экономическая и культурная отсталость, а также неразвитость общественных отношений оказывали заметное влияние на специфику идейно-политической борьбы в Сербии. В первой половине XIX в. борьба эта определялась двумя различными подходами к вопросу о характере сербского государства (абсолютистского и олигархического). Носителям первого выступал князь и его окружение, второй представляли сначала областные старейшины, а затем – знаменитые уставохранители. Немалой ее особенностью было и то, что зачастую она имела чисто династическую окраску. Сербский народ был отстранен от по-

литики, его "голос" звучал лишь в бунтах и восстаниях, которые в те времена случались нередко. Так продолжалось до 1858 г., когда на Свято-Андреевской скупшине впервые открыто заявила о себе немногочисленная группа сербских либералов.

Члены группы, получившие образование в университетах Запада и вдохновленные идеями европейского либерализма, по возвращении на родину стали требовать предоставления больших властных полномочий скупшине, как органу народного представительства, что позволило ей стать определяющим фактором сербской политики. Их оппоненты, называвшие себя консерваторами, выступали за уважение традиций и постепенность во всем.

В течение десятилетия либералы находились в оппозиции монархическому режиму князей из дома Обреновичей (до 1860 г. — Милоша, с 1860 до 1868 г. — Михаила), понемногу при этом эволюционируя вправо и становясь все умереннее². Осенью 1869 г. они достигли компромисса с Регентством, образованным после убийства князя Михаила вследствие несовершеннолетия нового князя — Милана Обреновича, выразившегося в принятии новой конституции, по которой всенародно избираемая скупщина становилась постоянно действующим органом с законосовещательными и контрольными функциями. Компромисс с Регентством открыл либералам путь к власти, и на протяжении 70-х годов (за малым исключением) Сербией управляли либеральные кабинеты.

Именно 1869 г. положил начало эмансипации нарождающейся социалистической идеологии от господствовавшей либеральной традиции. Это освобождение, а также окончательное оформление сербского социалистического движения проходили под руководством и при непосредственном участии Светозара Марковича, который в статье "Сербские обманы" первым подверг критике конституцию 1869 г., определив ее как обман, узаконивший власть монарха и бюрократии³. Статья, а также открытое письмо министру просвещения и церковных дел Дмитрию Матичу знаменовали окончательный разрыв С. Марковича с идеологией и практикой либерализма. Весной 1870 г. в Цюрихе состоялась его встреча с видным идеологом либерализма, бывшим кумиром сербской молодежи Владимиром Ивановичем, на которой Мар-

кович решительно отверг все попытки Йовановича защитить компромисс либералов с Регентством⁴. Точки над "і", таким образом, были расставлены окончательно.

Вернувшись на родину в 1870 г. после учебы в России и Швейцарии, Светозар развернул пропаганду своих идей сначала на страницах созданной им газеты "Раденик" (Работник) – первого издания социалистической направленности на Балканах – затем в газетах "Явност" (Общественность) и "Глас Явности" (Голос общественности), а также в журнале "Рад" (Труд). Вокруг печатных органов Марковича сложился кружок его ближайших единомышленников, в который входили: П.Тодорович, Н.Пашич, Р.Милошевич, М.Ценич, Л.Пачу, Джура Лётич, Павле Михайлович, Пера Велимирович, Владимир Лётич, Андра Николич и др.⁵ При жизни Марковича все они полностью разделяли идеи своего учителя, чей авторитет в кругах социалистически настроенной интеллигенции был очень высок⁶. Однако после его смерти начался процесс постепенной эволюции взглядов большей части его последователей в сторону радикализма, важным этапом которого стало образование в январе 1881 г. сербской радикальной партии.

Из бывших соратников Марковича лишь М.Ценич остался верным букве его социалистического учения. Сразу же по образовании радикальной партии он начал против нее борьбу в печати, обвиняя ее лидеров в предательстве дела социализма⁷.

Для понимания сути эволюции большинства марковичевцев и ее датировки целесообразно обратиться к деятельности С.Марковича последних лет его жизни.

В 1873 г. начала выходить его вторая газета – "Явност", в которой по сравнению с "Радеником" (1871–1872) у Марковича появились новые акценты. Последовательно социалистические, в основном теоретического плана публикации сменяются критическими выступлениями "на злобу дня": против всевластия бюрократии, антинародных действий правительства; во время сессий Народной скупщины Маркович критикует вносимые правительством законопроекты, выступления депутатов – сторонников кабинета. Все более его внимание привлекают вопросы, связанные

с демократизацией, дебиюкратизацией существующей политической системы. В это же время в Сербии спонтанно возникает крестьянское движение, лидеры которого во главе с А. Богосавлевицем впервые в 1874 г. избираются депутатами скупщины и вступают в борьбу с властью бюрократии. Сербские социалисты сразу оценили это новое явление и оказали группе Богосавлевича самую широкую поддержку в своих газетах "Явност", "Глас Явности", "Ослободжење" (Освобождение).

Некоторые исследователи усматривали в переориентации Марковича на практическую борьбу с бюрократическим режимом, на поддержку оппозиционно настроенных депутатов скупщины отход от социалистических идей⁸, переход "с почвы теории на почву политической практики"⁹, делая вывод, что "Маркович - отец радикальной партии", что партия существовала уже в 1875 г.¹⁰ Большинство же историков придерживается иного мнения. Они считают, что речь может идти исключительно об изменении методов, тактики борьбы, но не ее целей¹¹. В исследованиях последних десятилетий утверждается, что "нельзя согласиться с точкой зрения Скерлича об отказе Светозара от социалистической линии", что "ненаучны попытки девальвировать социалистический характер деятельности Светозара Марковича"¹².

Если же говорить в целом о социалистическом движении, а не только о его идеологе, то здесь спектр оценок более широкий. Наряду с утверждением, что, "без сомнения, это движение до самой его (С. Марковича. - А.Ш.) смерти в 1875 г. имело выраженный социалистический характер"¹³, существует мнение, что "... среди большинства социалистов уже в 1873 г. началось тихое, поначалу неприметное, сползание от социализма к мелкобуржуазному радикализму и демократизму. С середины 70-х годов это движение убыстрилось, как следствие сближения молодых образованных социалистов и лидеров крестьянской демократии в Народной скупщине"¹⁴. Интересна точка зрения Велизара Нинчица о политической ориентации виднейших соратников Марковича - Н. Пашича и П. Тодоровича: "Пашич совершил свой политический поворот еще в

конце пребывания в Цюрихе (в 1872 г. он покинул Цюрих по завершении обучения в Высшей Политехнической школе. - А.Ш.), превратившись из бакунинца в ярко выраженного политика демократической ориентации. Пера (Тодорович. - А.Ш.) же в Цюрихе только развил свой революционный запал. Его переориентация произошла позже...¹⁵. И наконец, еще одно мнение в трактовке движения социалистов: "В этот момент (1874 - начало 1875 г. - А.Ш.) Светозар Маркович остается на социалистических позициях... в то время как большинство его последователей все больше приближается к группе Богосавлевича"¹⁶. В данном случае автор полагает, что искусственно отделять С.Марковича от его соратников при его жизни вряд ли целесообразно.

Что же касается деятельности Марковича в последние годы его жизни, то она, как справедливо полагает большинство исследователей, по своим целям носила социалистический характер. "Наша задача не уничтожить капиталистическое производство, которого на деле и не существует, а превратить мелкую собственность в коллективную с тем, чтобы таким образом перескочить через целую историческую эпоху - эпоху капиталистического хозяйства", - писал Маркович своему племяннику Николу 18 февраля 1873 г.¹⁷ Эта же мысль выражена и в его книге "Принципы народной экономики или наука о всеобщем благосостоянии по Н.Г.Чернышевскому", первая часть которой была опубликована в 1874 г.: "... мы хотим сказать, что общество может преобразовать свое хозяйство, основанное на мелкой собственности, и при этом не проходить через "чистилище" (пургаториум) капиталистического производства"¹⁸.

Тактику движения Маркович в ноябре 1873 г. определил так: "Мы (социалисты. - А.Ш.) взяли за основу нашей практической деятельности то, чего можно достичь в данный момент и что может способствовать дальнейшему переустройству общества. Это обычная тактика в борьбе: сначала необходимо захватить один решающий плацдарм, с которого впоследствии будет открыта дорога к полной победе"¹⁹. А о методах достижения цели он писал в упомянутом письме племяннику: "Разуме-

ется, что дело не обойдется без революции, ломки, но эта ломка будет носить характер политической революции, а не социальной... Если огромное количество пропагандистов было бы людьми образованными, специалистами своего дела, людьми предприимчивыми, опытными и притом честными и стойкими и, как таковые, вошли бы в гущу народа, они смогли бы снизу организовать производство и все сербское общество на социалистической основе. Поэтому мы считаем необходимым работать в двух направлениях: готовить пропагандистов и бороться с бюрократией..."²⁰.

Именно борьбе с бюрократией и была подчинена вся деятельность печатных изданий Марковича по поддержке демократической оппозиции в скупшине. Эта оппозиция – "троянский конь" главы сербских социалистов в борьбе за "политическую революцию", целью которой был слом бюрократического режима и провозглашение суверенитета народа через всевластие Народной скупщины. "Решающий плацдарм" для него – это завоевание Народной скупщины демократической оппозицией. Потом пришла бы пора "пропагандистов" за социализм. Таковы вкратце тактика и стратегия С.Марковича в 1873–1875 гг.

2. Сербские социалисты в 1875–1876 гг.

После смерти С.Марковича движение возглавили его ближайшие соратники П.Тодорович, Н.Пашич, П.Велимирович и др. Редакция "Освобождения", в которой, кстати, еще при жизни основателя газеты началось усиление влияния Пашича²¹, продолжала поддерживать демократическую оппозицию в скупшине и критиковать действия правительства. Непримиемая позиция газеты вызвала недовольство властей и привела к ее закрытию. Однако последователи Марковича не сложили оружия. Воспользовавшись очередной сменой кабинетов, они основали новую газету – "Старо Освобождение" (Старое Освобождение), само название которой свидетельствует о сохранении политической линии прежнего социалистического издания.

От времени "Ст.Освобождения"²² сохранилось несколько важных политических документов, которые позволяют проанализировать взгляды последователей Марковича, их тактичес-

кие и стратегические установки. Особое значение имеет письмо Н.Пашича брату С.Марковича Еврему. Е.Маркович, офицер запаса, был одним из лидеров демократической оппозиции в скупшине. Однако при обсуждении в парламенте вопроса о сроках военной службы он выступил в поддержку предложения правительства, чем обескуражил своих коллег по "фракции"²³. Как профессиональный военный, Е.Маркович был, вероятно, вправе возразить против предложения оппозиции о сокращении срока действительной военной службы с двух лет до одного года. Однако, выступая как специалист, он забыл о политической стороне дела и фактически "провалил" проект оппозиции (против проекта высказалось 55 депутатов, за него – 53²⁴). Этот неожиданный "фальшивый" звук в довольно стройном "хоре" оппозиции и заставил Пашича взяться за перо.

Пашич корректно, но твердо выразил Е.Марковичу неудовольствие по поводу занятой им позиции: "Нам, которые смотрят со стороны за развитием ситуации, совершенно непонятна эта твоя тактика, тем более, что мы считаем, что радикалы (в скупшине. – А.Ш.) не должны стремиться нейтрализовать какого-нибудь отдельного представителя власти (в данном случае – М.Пирочанца. – А.Ш.), жертвуя при этом своими принципами во вред народу, интересы которого они должны защищать"²⁵. Для Пашича попытки бороться с отдельными, хотя и враждебно настроенными депутатами – дело уже далекого прошлого. В конце же 1875 г., главная задача оппозиции, по его мнению, – любыми путями ослаблять государственную власть в целом, "вбивать клин за клином, подталкивать, вставлять палки в колеса, чинить всяческие препятствия и вообще делать все возможное, чтобы способствовать краху режима". А по-военному прямолинейный Еврем объективно встал на сторону правительства и, тем самым, нанес немалый вред оппозиции. Этот прецедент и опасные последствия, которые он мог повлечь за собой, заставили Пашича напомнить ему о существовании прямой зависимости между пребыванием в рядах оппозиции и обязательностью соблюдать общие "правила игры" и предостеречь его от дальнейших сепаратных действий, даже если бы их

необходимость была вызвана "объективной" пользой государству²⁶.

Как видим, Пашич впервые поднимает вопрос о дисциплине в рядах оппозиционных депутатов скупщины и подчинении их деятельности законам политической борьбы. Дисциплинированность и синхронность в действиях необходимы Пашичу, так как он, выражая общую линию "Ст.Освобождения", вынашивает далеко идущие планы: вносить предложение за предложением, запрос за запросом, использовать всякую возможность для критики правительства и даже прямую обструкцию и выход оппозиционных депутатов из скупщины с тем, чтобы вынудить князя распустить парламент и объявить новые выборы, которые, по мнению Пашича, должны принести значительно большее представительство участников оппозиционной фракции и, следовательно, большие возможности в борьбе против режима²⁷. Уже здесь, в "лекции" Е.Марковичу, он выступает как главный "режиссер" действий скупщинской оппозиции. А это важная подвигка. Ранее социалисты ограничивались поддержкой и защитой крестьянских депутатов в прессе, когда их главной задачей было создание оппозиционерам благоприятного общественного мнения в стране. Теперь же сотрудничество социалистов, группировавшихся вокруг "Ст.Освобождения", и оппозиционных депутатов скупщины становится теснее. Причем инициатором этого сближения выступили социалисты в лице Пашича. Он становится как бы координатором действий, разрабатывает тактику оппозиции — одним словом, желает привнести элемент сознательности в эмоционально-прагматическую по форме борьбу оппозиции, состоящую по большей части из крестьян.

Очевидно, таким образом, что сербские социалисты в конце 1875 г. по-прежнему видят свою непосредственную цель в "политической революции", которая должна была через Народную скупщину привести к падению бюрократического режима, т.е. к решению первой части двуединой задачи, сформулированной Марковичем в 1873 г. Подтверждение этого вывода мы находим у Пашича: "Еще когда Светозар был жив, до того как появилась "Явност", мы почти все согласились с

тем, что программу, напечатанную в "Раденике", нужно кое в чем изменить с тем, чтобы приблизить ее к реальным условиям жизни. Мы решили все наши политические и экономические теории связать непосредственно с насущными проблемами, стоящими на повестке дня, а также своими действиями стремиться к тому, чтобы народ смог взять законодательную и исполнительную власть в свои руки и, опираясь на этот плацдарм, смог смести со своего пути все, что ему мешает. Нам и тогда казалось и сейчас кажется, что всего этого можно достичь с помощью скупщины"²⁸. То есть, очевидно, преемственность все еще соблюдается свято. Сверх того, Пашич переходит от простой поддержки и пропаганды взглядов парламентской оппозиции в прессе к практической работе по достижению поставленных Марковичем "промежуточных" целей, пытается организовать достаточно аморфную оппозицию в единую фракцию и разрабатывает для нее тактику борьбы, вытекающую из конкретных условий.

Пашич не упускает из вида и стратегические цели социалистов: "После того, как будет введено самоуправление и гарантированы народные права, могут быть проведены и социальные реформы"²⁹. Он не расшифровывает понятие "социальные реформы", но само упоминание о них весьма значительно. Впрочем, говоря о предшествующей деятельности социалистов, Пашич заметил, что "вместо капиталистического хозяйства мы считали необходимым основывать ассоциации трудящихся"³⁰. Надо полагать, что и под "социальными реформами" он понимал экономические преобразования народного хозяйства Сербии на некапиталистической основе, через ассоциации и объединения непосредственных производителей, т.е. согласно "рецепту" С.Марковича.

Таким образом, есть все основания полагать, что к концу 1875 г. сербские социалисты оставались твердыми приверженцами народническо-социалистической теории С.Марковича. Хотя они и поддерживали самые тесные связи с демократической оппозицией в скупщине, отождествлять их с ней вряд ли возможно. Перед нами блок союзников, имевших на определенном эта-

пе одни и те же цели, которые для одних были всего лишь тактическими, для других же являлись стратегическими.

Далее целесообразно обратить внимание на события, происходившие в 1875–1876 гг. вне стен скупщины, причем не только в Сербии, но и за ее пределами и проанализировать участие последователей С.Марковича в этих событиях, их отношение к ним с точки зрения верности "учеников" наследию "учителя".

В июле 1875 г. вспыхнуло Боснийско-Герцеговинское восстание, положившее начало Восточному кризису 1875–1878 гг. К организации восстания "приложили руку" социалисты, сторонники идей С.Марковича: М.Хрвачанин, В.Пелагич, К.Угринич и др.³¹ Однако им не удалось сохранить в нем руководящую роль из-за вмешательства правительств Сербии и Черногории в боснийско-герцеговинские дела³². Несмотря на это, восстание постоянно интересовало сербских социалистов, видевших в нем истоки социальной революции, которая должна была привести к установлению экономических порядков в духе С.Марковича. В корреспонденции из Сербии, вышедшей из социалистических кругов и опубликованной в органе П.Л.Лаврова газете "Вперед" 3 ноября 1875 г., указывалось: "В самом деле здесь есть элементы для социальной революции, тут самая плодотворная почва для осуществления революционно-социальных идей; тут легче всего после политического устройства устроить экономические отношения, базисом которых служил бы общественно-полезный труд...: Тут легче, чем где бы то ни было, положить основание общинному землевладению, усвоить принципы обработки земли сообща..., тут совершается социальная революция"³³. Совершенно очевидно, что в этом документе желаемое преобладает над действительным³⁴, однако он интересен с точки зрения преемственности.

Пашич с воодушевлением воспринял весть о восстании³⁵. По оценке Йована Радонича, "молодое поколение и Пашич вместе с ним было твердо уверено, что пришел час освобождения и объединения"³⁶. Он подал в отставку с должности окружного инженера города Крушеваца и попытался выдвинуть свою кандидатуру на выборах в скупщину, состоявшихся 3 августа

1875 г., чтобы как депутат парламента, "активно участвовать в политике"³⁷. Однако консервативное правительство Даниила Стефановича не удовлетворило его просьбу об отставке и, тем самым, дорога в скупшину на этот раз была для Пашича закрыта³⁸. Его отпустили со службы уже после выборов 3 августа. Политическая направленность этого шага правительства очевидна. Однако, не попав в скупшину, Пашич не выпускал из вида ее деятельность.

В самой скупшине господствовали воинственные настроения; большинство депутатов было едино в своем стремлении помочь восставшим в Боснии и Герцеговине, невзирая на риск военного столкновения с Турецкой империей. В обстановке всеобщего патриотического подъема члены группы А. Богосавлевича, входившие в комитет по выработке ответа на тронную речь князя, произнесенную при открытии скупщины, предложили свой вариант, отличный от проекта большинства комитета³⁹, в котором наряду с полной поддержкой восставших и призывом оказать им всяческую помощь, содержались требования "изменения и дополнения конституции в смысле увеличения роли народа в области законодательства, более широкой ответственности министров, неограниченной свободы печати, контроля над государственной казной, коренной реорганизации судов..., переустройства всей системы государственного управления путем введения народного самоуправления". Другими словами, в проекте Богосавлевича четко прослеживается взаимосвязь между помощью восставшим в Боснии и Герцеговине и необходимостью радикального улучшения условий жизни народа в Сербии, ибо "было бы лишено всякого смысла помогать нашим братьям освободиться от угнетения и насилия, когда мы сами внутри своей страны терпим величайшие притеснения и находимся под тяжелым бюрократическим ярмом". Более того, для решения этой взаимосвязанной задачи радикальные парламентарии потребовали передать всю полноту власти в тех критических условиях Народной скупшине, чтобы "освободить правительство от всякой ответственности", чтобы "содействием самого народа был найден выход из той тяжелой внутри- и внешнеполитической ситуации,

в которой оказалась Сербия".

Й.Радониц считает, что, "судя по стилю проекта меньшинства, Никола Пашич принимал участие в его разработке"⁴⁰. Трудно говорить об этом с полной уверенностью, так как прямых свидетельств участия Пашича в подготовке документа нет, однако само его содержание в какой-то степени позволяет согласиться с выводом историка. Главное в документе – идея утверждения и гарантии суверенитета народа через полномочие Народной скупщины, что созвучно идеям из письма Пашича и, соответственно, точке зрения на Народную скупщину С.Марковича. Демократическая оппозиция при всех несомненных способностях ее лидера А.Богосавлевича, вряд ли сама могла подняться до подобных обобщений, оставаясь в основном на уровне конкретно-прагматического протеста⁴¹.

Кроме того, сам факт "увязывания" внешнего освобождения с внутренним опирается на идею Марковича о взаимосвязи национального и социального освобождения сербского народа, которую в это время разделял и Пашич. И вообще за проектом меньшинства чувствуется умелая рука "режиссера". Проект был спешно разработан и внесен с целью "воспользоваться деликатной ситуацией, в которой правительство оказалось накануне возможной войны"⁴². А наличие "режиссерского" таланта у Пашича четко прослеживается в цитированном выше письме Е.Марковичу. Надо отметить, что верно выбранный момент и некоторая зависимость правительства от скупщины в это напряженное время привели к тому, что отдельные положения проекта меньшинства были приняты. Отказавшись от идеи предоставления скупщине чрезвычайных полномочий на случай непредвиденных обстоятельств, правительство было вынуждено санкционировать создание специального контрольного комитета из девяти депутатов, который должен был "постоянно находиться при правительстве" и заниматься "контролем финансовой деятельности". Вместе с тем комитет имел право вносить свою оценку деятельности правительства на суд депутатов⁴³. Положение о создании этого комитета было одобрено на закрытом заседании скупщины 6 сентября 1875 г.

Князь Милан Обренович, все еще не принявший решения отно-

сительного вступления Сербии в войну с Турцией, встретил весть о создании парламентского комитета "в штыки". Он охарактеризовал его как комитет общественного спасения времен французской революции и отказался утвердить решение скупщины⁴⁴. В конце концов все закончилось уходом в отставку первого "министерства действия" Йована Ристича-Стевчи Михайловича-Еврема Груича.

Как видим, косвенные данные позволяют с определенной долей уверенности принять тезис Й.Радоница об участии Пашича в разработке проекта меньшинства. Таким образом, и не став депутатом скупщины, Пашич все-таки старался "активно участвовать в политике" и как-то влиять на государственные решения, все еще разделяя старую концепцию Марковича о "политической революции".

Развитие событий в областях, охваченных восстанием, вызвало у Пашича живейший интерес. По договоренности со своими коллегами из редакции "Ст. Ослободженья" Пашич в сентябре 1875 г. отправился в Герцеговину. Он отвез средства, собранные в пользу восставших на митингах и собраниях, и вступил в контакт с одним из лидеров движения воеводой Пеко Павловичем⁴⁵. Сам факт посещения Пашичем восставших областей свидетельствует о том огромном значении, которое он придавал этому широкому народному движению, видя в нем "начало национальной революции, в результате которой Босния и Герцеговина будут освобождены от турецкого владычества и объединяются с Сербией"⁴⁶. С другой стороны, выступая за всеобъемлющую помощь восставшим вплоть до объявления войны, участники социалистического движения и демократическая оппозиция в скупщине рассматривали предстоящую войну не только как в высшей степени патриотическое предприятие, но и как "инструмент", который "если не уничтожит, то намного ослабит ненавистный бюрократический режим"⁴⁷.

Итак, можно констатировать, что деятельность сербских социалистов, и в первую очередь Пашича, в критические месяцы лета-осени 1875 г. была попыткой, используя определенную зависимость правительства и монарха от внешних условий, реа-

лизовать первый пункт "двуединого" проекта С.Марковича - добиться победы "политической революции", т.е. краха бюрократического режима.

Зависимость правящих кругов страны от внешних условий привела к довольно неожиданным результатам. Князь Милан, боявшийся войны из-за ее непредсказуемости, как уже упоминалось, уволил в отставку "министерство действия" Й.Ристича. В поисках нового премьера монарх столкнулся с большими трудностями - никто из политических деятелей не желал брать на себя ответственность в столь серьезной обстановке. Наконец ему удалось "угговорить" председателя скупщины Любомира Кальевича принять мандат на формирование кабинета. Князь не разделял взглядов Кальевича, но для того, чтобы отвлечь общественность и скупщину от войны, он решил проявить терпимость к либеральным проектам премьера. Кстати говоря, "готовность" монарха к предстоящим реформам была главным условием согласия Л.Кальевича занять пост главы правительства⁴⁸.

8 октября 1875 г. была принята новая, предложенная правительством Л.Кальевича, редакция "Закона об устройстве общин и общинных властях". Дополнения и изменения, внесенные в закон, значительно усилили самостоятельность общин и расширили компетенцию выборных органов местной власти. С другой стороны, они фактически ликвидировали право органов исполнительной власти вмешиваться в дела общин и во многом ограничили права полиции⁴⁹.

Возможностями, предоставленными новым законом, успешно воспользовались участники социалистического движения и представители демократической оппозиции в Крагуеваце. На выборах в местные органы власти победу одержали их кандидаты: депутат скупщины и член группы А.Богосавлевича Павле Вукович был избран председателем общинной управы, а один из лидеров социалистов П.Велимирович стал кметом.

В ознаменование "первой победы на ниве политической практики"⁵⁰, по инициативе социалистов 15 февраля 1876 г. в Крагуеваце была проведена знаменитая демонстрация - "Црвени Барьяк" (Красное знамя). Манifestация с участием сотен людей

сопровождалась пением "Марсельезы" и требованием самоуправления в масштабах всей страны, и хотя она не переросла в нечто большее, "впечатления от нее ассоциировались по своим масштабам с бунтом"⁵¹. Власти отреагировали незамедлительно: в город были введены войска, организаторы этой акции арестованы и в результате судебного процесса подвергнуты суровым репрессиям. Здесь не место анализировать различные аспекты демонстрации в Крагуеваце. Ей посвящена значительная литература⁵². В данном случае более интересны взгляды "наследников" С.Марковича в период "Црвеного Барьяка".

Для их оценки целесообразно воспользоваться материалами судебного процесса над организаторами демонстрации. В своем "последнем слове" П.Тодорович так сформулировал программу движения: "Самыми важными задачами на данный момент мы считаем: отменить долги ростовщикам; вернуть заложенную у ростовщиков землю общинам без всякой компенсации с тем, чтобы община сама разделила эту землю среди тех своих членов, которые остались без земли; облегчить бремя, лежащее на народных плечах, чего можно добиться лишь при условии уничтожения всеисилия чиновников (бюрократии) и введения народного самоуправления на всех уровнях".

"Когда же эти задачи будут решены, — продолжал далее оратор, — на повестку дня встанет следующее: утверждение экономических отношений на основе совместного труда и совместных средств производства; утверждение этих отношений должно будет основываться на моральном принципе — от каждого по способности, каждому по потребности; государственная система должна строиться на принципе решающей роли народа, а целью государства должен стать народный прогресс"⁵³. Совершенно очевидно, что программа П.Тодоровича предусматривала, наряду с решением общедемократических задач на первом этапе, выход в перспективе и на орбиту социалистических преобразований сербского общества, опираясь почти дословно на "двуединный" проект С.Марковича.

Еще больший интерес вызывает письмо Н.Пашича возводинскому либералу Мише Димитриевичу от 4 апреля 1876 г.

Следует заметить, что Пашич, по всей видимости, не принимал непосредственного участия в событиях в Крагуеваце, так как иначе трудно было бы объяснить, почему он — один из лидеров социалистов — остался на свободе. Лишь 25 февраля он вернулся в город, чтобы взять в свои руки редактирование "Ст. Ослободжњња", оставшегося в результате ареста почти всех его сотрудников фактически брошенным на произвол судьбы⁵⁴. Примечательно, кстати, отношение Пашича к событиям 15 февраля. По словам Р.Милошевича, "во время его пребывания в Белграде мы разговаривали о предприятии наших товарищей в Крагуеваце..., и он осудил демонстрацию с красным знаменем. Это было, по его мнению, несерьезным поступком, который омрачил нашу победу на выборах в общинную управу"⁵⁵. Весьма красноречивая оценка.

Возглавив "Ст. Ослободжњње", Пашич стал энергично отстаивать арестованных организаторов демонстрации. В газете появилось его обращение к сербским адвокатам и политическим деятелям Воеводины с призывом взять под защиту обвиняемых, которые законно победили на выборах и пришли к власти в общине Крагуеваца. Между тем ответ воеводинских либералов, напечатанный в органе Светозара Милетича — газете "Застава" (Знамя), разочаровал Пашича. "Вместо ожидаемой помощи пришел ответ, написанный явно недружественным тоном"⁵⁶, отметил Й.Радонич. Этот ответ и явился поводом для написания Пашичем обширного послания ближайшему сотруднику Милетича М.Димитриевичу, где он сформулировал систему взглядов последователей С.Марковича, которая в совокупности с "последним словом" П.Тодоровича довольно объективно отражает их идеологию в тот момент.

В своем послании Пашич подчеркнул: "Программа радикалов (в тот период это все еще самоназвание социалистов"⁵⁷. — А.Ш.) проста и состоит примерно в следующем: народ является носителем суверенитета, поэтому ему принадлежит право определения политического и экономического устройства страны. Политические права граждан могут быть обеспечены и защищены лучшим образом, когда община, срез, округ и государство в

целом устроены на принципах самоуправления. Экономической свободы, т.е. независимости, можно достичь только объединением труда, в том случае, если средства на развитие промышленности и сельского хозяйства будет получать не индивидуум, а какая-нибудь община, которая покажет свою способность в управлении капиталом и развитии производства. Другими словами, мы хотим демократическую свободу, децентрализацию, хотим охранить народ от ошибок западного индустриального общества, где образуется пролетариат и прослойка богачей, хотим поднять уровень развития производства на основе объединения труда..."⁵⁸. Как видим, "социальная сторона программы, которую Пашич сформулировал в своем письме М.Димитриевичу, была все еще в духе идей Светозара Марковича"⁵⁹.

О национальном вопросе Пашич писал: "Что касается "освобождения и объединения" внешнего, мы всегда решительно выступали "за", только, по нашему мнению, лучшим решением этого вопроса было бы освобождение революционным путем.., что привело бы к объединению по воле народа, а не монархов. Мы за союз сербско-болгарского народа, а, по возможности, и за создание Дунайской конфедерации..."⁶⁰.

Нельзя не заметить в этом фрагменте письма Пашича прямых параллелей с высказываниями С.Марковича, подчеркивавшего, что "практический смысл социализма с точки зрения... национального развития сербского народа содержится в следующем: ... революция в Турции и федерация на Балканском полуострове"⁶¹. Однако для Пашича это не только общетеоретическое рассуждение о решении национального вопроса, как это было у Марковича, но и практический рецепт достижения "освобождения и объединения" в конкретных условиях Боснийско-Герцеговинского восстания; именно это восстание Пашич считал революцией. К этому следует добавить, что и о союзе "сербско-болгарского народа" Пашич упомянул, по всей вероятности, под влиянием Апрельского восстания в Болгарии, которое являлось для него составной частью "революции в Турции".

В связи с этим вспомним отношение сербских социалистов к восстанию в 1875 г., попытки Пашича добиться взаимосвязи

процессов национального освобождения восставших провинций "революционным путем" и уничтожения бюрократического режима внутри самой Сербии. Как уже говорилось, то была практическая попытка реализовать первую часть двуединой задачи преобразования Сербии на социалистических началах, поставленной С.Марковичем, увязав это с национальным освобождением Боснии и Герцеговины, причем именно восстание-революция должно было сыграть роль детонатора и в деле слома бюрократического режима в Сербии. В апреле 1876 г. национальная программа Пашича по-прежнему остается руководством к действию: восстание в Боснии и Герцеговине продолжается, война с Турцией не за горами, тем более, что правительство Л.Кальевича тайно к ней готовилось и "в обстановке чрезвычайной секретности оказывало помощь восставшим"⁶². Таким образом, не гаснут надежды на эти важнейшие внешние катализаторы. Что же касается положения внутри страны, всячески укреплялся блок социалистов с левой парламентской оппозицией, свидетельство чего - совместное выдвижение кандидатур на выборах в Крагуеваце; разрабатывались тактика и требования оппозиции в новых условиях.

Итак, есть основания предположить, что с началом Боснийско-Герцеговинского восстания сербские социалисты поставили перед собой конкретную и реальную, как им казалось, задачу - используя восстание, способное, по их расчетам, привести к объединению Боснии и Герцеговины с Сербией "по воле народа", и его колоссальное влияние на все слои сербского общества, постараться добиться победы "политической революции" через завоевание Народной скупщины. В тех довольно сложных условиях, в которых оказались правящие круги страны летом-осенью 1875 г., борьба за решение этой задачи, по их мнению, вступила в решающую фазу. Пашич стремился полностью использовать затруднения правительства, чтобы заставить его пойти на уступки. В этой связи понятно возможное негативное отношение Пашича к демонстрации в Крагуеваце, ибо она, с одной стороны, привела к резкому ослаблению движения в результате репрессий, а с другой - фактически спровоцировала коренное изменение политики властей и привела тем самым, к невозмож-

ности извлечь все политические выгоды из самого факта перехода власти в Крагуеваце в руки скупщинской оппозиции и социалистов в условиях относительной либерализации в стране (тем более, что их приход к власти можно, вероятно, рассматривать, как пример "политической революции" локального масштаба). Но и после этого "недоразумения" внутри страны Пашич продолжал питать надежды на восстание в соседних провинциях, о чем писал М.Димитриевичу: "Чем быстрее придет освобождение, тем быстрее, мы надеемся, дело дойдет до выполнения нашей программы"⁶³...

События в Крагуеваце оказали большое влияние на дальнейшее развитие ситуации в стране. Они, как и другие проявления недовольства, способствовали переориентации в политике правящих кругов – на сей раз в пользу войны с Турцией, ибо таким образом можно было отвлечь внимание народных масс от внутренних проблем и сосредоточить его на борьбе с внешним врагом. Князь Милан, усмотревший в демонстрации открытое неповиновение, пришел к выводу, что в новых условиях "меньшим злом" становится война, а угроза престолу исходит как раз от внутренних коллизий. 6 мая 1876 г. он решился снова призвать к власти "министерство действия" И.Ристича – путь к войне был открыт. Основной целью смены кабинетов была необходимость "усмирения народа чрезвычайными военными законами"⁶⁴. Правительство Ристича ориентировалось весьма оперативно. Были отменены либеральные законы Л.Кальевича, введена жесткая цензура, произведен обыск в редакции "Ст.Освобождения" и в квартире Пашича и через некоторое время газету закрыли. Пашич был призван в армию. 18 июня последовало объявление войны Турции. Для Сербии начинался более чем двухлетний период военных побед и поражений, дипломатических успехов и разочарований.

Анализ деятельности последователей С.Марковича в 1875-1876 гг. наводит на следующие размышления.

Во-первых, очевидно, что в эти годы "ученики", если говорить о целях борьбы, все еще оставались на социалистических позициях своего учителя. Это относится и к их

взглядам на перспективы внутреннего развития страны, которое мыслилось ими пока исключительно в рамках "двуединой" задачи Марковича. То же можно сказать и об их проекте решения национального вопроса, в котором предпочтение отдавалось революционному пути, а перспектива виделась в создании конфедерации дунайских народов, что, как представляется, вписывается в рамки соответствующих идей Марковича о балканской федерации.

Во-вторых, вся практическая деятельность сербских социалистов, группировавшихся после смерти Марковича вокруг редакций "Освобождения" и "Ст. Освобождения", была направлена, как и во времена Светозара, на критику бюрократического режима и поддержку крестьянской демократической оппозиции в скупшине. Однако в рассматриваемые годы эта поддержка фактически переросла в прямое сотрудничество социалистов с оппозицией, что выразилось, в частности, в выработке Пашичем "инструкций" для фракции А. Богосавлевича, а также в первом "совместном предприятии" — выборах в Крагуеваце. Есть основания говорить о некоем тактическом блоке, в котором социалистам принадлежала роль "мозгового центра".

В-третьих, именно путем совместных с парламентской оппозицией действий социалисты замыслили создать условия для победы "политической революции", главным из которых являлся, по их мнению, контроль над Народной скупщиной. Установление такого контроля стало важнейшей практической задачей социалистов. Кроме того, восстание в Боснии и Герцеговине рассматривалось ими как катализатор демократических изменений в самой Сербии.

Таким образом, налицо переход от теоретической в основном деятельности С. Марковича непосредственно к практическим попыткам выполнения с помощью скупшинской оппозиции первого (политического) пункта его программы.

3. "Наследники" С. Марковича в 1878–1881 гг.

Ситуация, сложившаяся в Сербии после войн с Турцией и Берлинского конгресса, мало походила на ситуацию второй

половины 1875 – начала 1876 г. "Войны 1876–1878 гг. прервали деятельность движения С.Марковича. Эта деятельность не могла возобновиться в Сербии сразу же после окончания войн"⁶⁵, отмечает Я.Перович. Главной причиной этого были неблагоприятные внутриполитические условия. Современник (может быть, П.Тодорович. – А.Ш.) оставил следующее свидетельство о положении в Сербии в конце 1878 г.: "Как вступило в силу чрезвычайное положение во время первой войны 1876 г., так и действует до сих пор. Первая война закончилась, а чрезвычайные меры все действовали, было заключено перемирие, а они все так и не были отменены, заключен мир, началась вторая война, заключен новый мир, дарована независимость, собралась в конце концов скупщина "в независимой впервые со времен Косова Сербии", а реакция не только не утихает, но и все более усиливается – верный признак того, что нынешнее сербское правительство полно решимости сохранить такое положение вещей как можно дольше"⁶⁶. Показателем подобной решимости служит и тот факт, что скупщина отнюдь не случайно была созвана в Нише, обстановка в котором была еще хуже, чем в других крупных городах Сербии, так как "Ниш находится в освобожденных краях, куда оппозиция не смогла проникнуть; там до сих пор в силе осадное положение, город полон солдат, полиция организована по-военному", и вообще "сербские законы еще не действуют"⁶⁷.

Князь Милан, используя чрезвычайное законодательство военного времени, решил расправиться с политическими противниками. После неудачной попытки восстания в Тополе в ноябре 1877 г. был расстрелян подполковник Еврем Маркович, герой последней войны с Турцией и один из лидеров довоенной парламентской оппозиции. По убеждению князя, "в армии могли служить только слепо ему преданные офицеры. Он хотел показать примерную участь ему неверных или недостаточно верных военных"⁶⁸. Расправа с Е.Марковичем носила характер настолько откровенной мести, что ее осудили даже правительственные круги России. Руководители российского МИД рекомендовали дипломатическому представителю России в Белграде выразить

неудовольствие по поводу гибели Марковича и вообще обратить внимание сербского правительства, что участвовавшие казни производят отрицательное впечатление на Александра II⁶⁹. В связи с восстанием в Тополе пало подозрение и на Н.Пашича, который "чудом сумел избежать тюрьмы"⁷⁰.

Кроме того, активные участники демонстрации 15 февраля и лидеры (наряду с Пашичем) довоенного социалистического движения П.Тодорович и П.Велимирович были вынуждены фактически бежать из Сербии, так как их участие в войне с Турцией (а П.Тодорович был даже награжден орденом за личную храбрость⁷¹) никак не сказалось на смягчении вынесенного им приговора и, останься они на родине, им бы грозила многомесячная изоляция.

Движение последователей С.Марковича оказалось, таким образом, значительно ослабленным. Из его лидеров "в строй" остался один Пашич, но и его положение было шатким в условиях реакции. В этот критический момент, в сентябре 1878 г., он подал документы на кафедру геодезии Великой школы, баллотировавшись на должность ее профессора. Будучи единогласно избранным из пяти кандидатов на должность профессора, Пашич тем не менее не стал им. Решению Академического совета Великой школы требовалось утверждение правительства, а Йован Ристич, всемогущий премьер, приняв Пашича, решительно заявил, что не может утвердить его как социалиста в должности профессора Великой школы⁷². Реакция Пашича была молниеносной: когда 27 сентября был опубликован княжеский указ о проведении 29 октября того же года выборов в первую послевоенную скупшину, он выставил свою кандидатуру в родном городе — Заечаре и был избран депутатом парламента. Так, преодолев "с помощью" Ристича минутную слабость, Пашич вновь окунулся в политику.

Получив известие об избрании Пашича народным посланником, Ристич осознал, какую ошибку он совершил, не утвердив решение Академического совета Великой школы⁷³. В скупшине появился еще один депутат, который уже в первых своих выступлениях дал понять, что "ученные" министры будут иметь достойный отпор со стороны оппозиции. Желая нейтрализовать Па-

шича, премьер через доверенных людей предложил ему... портфель министра строительства в своем правительстве при условии, что тот "обавит обороты" своей оппозиционной деятельности⁷⁴. Пашич отказался от этого предложения и сохранил за собой "свободу рук"⁷⁵. Однако Ристич не сдался. Руководящие органы скупщины, большинство которой поддерживало правительство, при рассмотрении полномочий депутатов "обнаружили" в ряде случаев нарушения избирательного закона и отказались признать действительными мандаты восьми депутатов, в основном представителей оппозиции, в том числе А.Богосавлевича и Н.Пашича⁷⁶. Но и это не помогло правительству. В результате дополнительных выборов и Богосавлевич, и Пашич вместе с остальными оппозиционерами были вновь избраны, и на сей раз скупщина была вынуждена признать их полномочия⁷⁷.

По составу первая послевоенная скупщина отличалась стабильным проправительственным большинством, и ее работа, по крайней мере во время первой сессии, протекала без серьезных эксцессов. Йован Авакумович, видный деятель либеральной партии, вспоминал: "Заседания скупщины проходили в довольно спокойной обстановке. Оппозиция была малочисленная"⁷⁸. Действительно, оппозиция 1878-1879 гг. заметно отличалась от своей "предшественницы" 1874-1876 гг.

Первое и, пожалуй, главное внешнее отличие заключалось в том, что А.Богосавлевич перестал быть тем признанным лидером оппозиции, каковым он являлся перед войной. Это заметил еще С.Йованович: "Адам Богосавлевич находился в тени, его заслонили новые люди"⁷⁹. Складывается впечатление, что он перестал видеть смысл в самом ведении острой бескомпромиссной борьбы против правительства, ибо результаты войны показали, что те незначительные уступки, которые удалось у него вырвать перед войной, полностью свелись на "нет", а внутреннее положение страны после победы было еще более тяжелым, чем в предвоенные месяцы. Вышеупомянутое мнение о Богосавлевиче подтверждается дискуссией по проекту традиционного ответа скупщины на тронную речь князя. Говоря о предложении упростить и удешевить администрацию, А.Богосавлевич

заявил, что у него как у крестьянина нет времени подробно заниматься этим вопросом, и пусть правительство (!) изучит этот вопрос и внесет на рассмотрение скупщины проект соответствующего закона⁸⁰.

В этих неблагоприятных условиях на первые роли в оппозиции выдвигаются Милош Глишич и Ранко Тайсич. Их имена часто встречаются в протоколах скупщинских заседаний. Однако, как отметил С.Иованович, "Глишич и Тайсич в своих выступлениях больше отличались смелостью, чем аргументированностью". Историк не без иронии продолжал, что они "поднимали самый большой шум из всех оппозиционеров", а Р.Тайсич "вел себя так, как будто находился на ярмарке, а не в скупщине"⁸¹.

Все эти изменения "в верхах" оппозиции не могли, естественно, не сказаться на уровне ее деятельности. В ходе первой сессии скупщины не прозвучало практически ни одной новой идеи: все предложения оппозиционных депутатов были не чем иным, как перепевами прежних требований, причем далеко не самых радикальных. Иован Миличевич мог с полным правом констатировать: "Недостаточно сплоченная идеологически и слабо связанная организационно, она (оппозиция. - А.Ш.) под впечатлением результатов и последствий войны, несомненно, должна была оказаться в состоянии хотя бы кратковременного кризиса"⁸².

Причин этого кризиса, как представляется, три. Главная из них в том, что правительство Й.Ристича непосредственно после войны 1878 г. сохранило достаточно прочные позиции в стране, особенно во вновь присоединенных округах. Показателем этой прочности явилось и нежелание восстановить законы Л.Кальевича, отмененные первоначально якобы только "на время войны". А чтобы пойти на этот шаг, надо было обладать реальной силой. С другой стороны, и позиция князя объективно усиливала положение кабинета. Известно, что Милан Обренович не любил Ристича, он завидовал его несомненным способностям государственного деятеля, побаивался его независимого характера и диктаторских замыслов. Но, как от-

мечал П. А. Кулаковский в письме И. С. Аксакову, хотя "Ристича князь просто ненавидит, но князю больше пока не на кого опереться"⁵³. Это замечание наблюдательного современника примечательно, так как оно помогает раскрыть еще один источник прочности положения премьера. Как ни парадоксально, но стабильность режиму Ристича придавала не только поддержка присоединенных к Сербии округов, считавших его своим освободителем, но и тяжелая хозяйственно-финансовая и внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась страна. Противоречие здесь чисто внешнее, ибо в Сербии не оказалось достаточно ответственных политиков, способных возглавить страну в сложной экономической обстановке, особенно в восточной Сербии, при значительной внутренней и внешней задолженности, неопределенных отношениях с зарубежными государствами, в первую очередь, с Австро-Венгрией. В этом исток двух других причин кризиса оппозиции.

В момент, когда перед страной стояли задачи восстановления разрушенного войной хозяйства и освобождения от долгового бремени, требовать радикального изменения всей системы государственной власти и брать ответственность за успех восстановительных мероприятий члены оппозиции не хотели, да и не могли. То, что оказалось возможным на предвоенных скупщинах, в условиях патриотического подъема и бурного всплеска активности депутатов, а также некоторого смятения в рядах "правительственной" партии и определенной зависимости правящих кругов от внешних условий и от скупщины, теперь, когда многие проблемы утратили актуальность, а другие наоборот приобрели остроту, когда изменилась вся география Балканского полуострова, стало просто нереальным. И если в 1875-1876 гг. Пашич и Богосавлевич вслух мечтали о победе "политической революции" или хотя бы о серьезном ослаблении бюрократического режима, что в какой-то степени можно объяснить и понять, то в 1878 г. это выглядело бы открытой утопией.

И наконец, следует помнить, что в предвоенные месяцы у оппозиции был своего рода "режиссер" — Пашич, что тогда по-^{она}

лучала действенную помощь социалистической прессы. Теперь же, после войны, социалистическое движение, как уже упоминалось, фактически перестало существовать, вследствие чего оппозиция лишилась поддержки его печатных органов. Что же касается "режиссера", то, хотя Пашич был избран в скупшину, сразу включиться в ее работу в роли "ведущего" было не под силу даже ему. Прибегнем к авторитетному мнению; "Никола Пашич в тот год (1878. - А.Ш.) первый раз вошел в состав скупщины в качестве народного посланника, и, как новичок, он во время первой ее сессии еще ничем особенным не выделялся из среды остальных депутатов"⁸⁴. И это вполне естественно. Пашич проходил своего рода акклиматизацию в новых для него условиях, привыкал к новым реалиям. Чисто наблюдательный и изучающий характер поведения Пашича в это время убедительно иллюстрирует то обстоятельство, что он даже не посчитал для себя обязательным присоединиться ко всем "произведениям" оппозиции. На некоторых предложениях, в том числе внесенных и такими ее деятелями, как А.Богосавлевич и Р.Тайсич, нет подписи Пашича⁸⁵.

Итак, есть все основания утверждать, что оппозиция в первой послевоенной скупшине оказалась в состоянии "идейного" разброда и шатаний. Это и неудивительно, если учесть, что ее прежний лидер А.Богосавлевич, разуверившись в действительности борьбы, практически не играл уже роли центра оппозиции, а Н.Пашич - будущий ее лидер - еще не смог полностью адаптироваться в новых для него условиях. С другой стороны, и это представляется самым важным, к кризису оппозиции привели объективные условия политического развития страны. Причем, недостаточно констатировать лишь сам факт кризиса, как это сделал Й.Миличевич; в новой ситуации, сложившейся после войн с Турцией и Берлинского конгресса, предельно обнажилась историческая ограниченность старой скупщинской оппозиции на уровне "народных трибунов", то есть отдельных представителей крестьянского движения.

Объективно историческая заслуга группы А.Богосавлевича заключается в том, что "крестьянин страхнул с себя сос-

тояние многолетней неподвижности и, как самый многочисленный фактор в Сербии, поставил вопрос о своих политических правах и о своем месте в политической жизни страны"⁸⁶. Что же касается эффективности борьбы этой группы с режимом, то весь ее потенциал был практически исчерпан в драматические месяцы 1875–1876 гг. В условиях послевоенной Сербии старая оппозиция уже "не работала". И уход "в тень" ее лидера был очевидным симптомом ее обреченности.

Для эффективной борьбы с правительством нужна была коренная перестройка деятельности оппозиции. И эта перестройка оказалась связанной с Пашичем, что очень удачно выразил Растислав Петрович: "Огромное, если не сказать решающее значение для радикалов А. Богосавлевича имело то, что к нему присоединился Н. Пашич. То, чего не хватало Адаму как народному трибуну, а именно умения быть еще и настоящим лидером, радикалы (в скупщине. – А.Ш.) найдут в Пашиче. Этот инженер-строитель вместо того, чтобы строить здания и дороги, начал по избранию в скупщину строить радикальную партию из материала, который в парламенте и в народе собрал А. Богосавлевич"⁸⁷.

За два года Пашичу удалось "собрать" довольно разбросанную скупщинскую оппозицию, сплотить ее под едиными лозунгами, ввести элементы дисциплины и порядка в ее деятельность, словом, создать в скупщине в виде своего рода радикального депутатского клуба необходимый задел для дальнейшей быстрой и успешной организации радикальной партии в массах сербского народа.

Обратившись к убеждениям самого Пашича, отметим, что они интересны прежде всего потому, что теперь он уже не член редколлегии социалистической газеты, а лидер крестьянской радикальной "левой" в скупщине. По мнению С. Ивановича, "основные идеи его (Пашича. – А.Ш.) выступлений не отличались от идей Адама Богосавлевича: это была все та же крестьянская демагогия, которая требовала уменьшения содержания чиновников и государственных расходов вообще"⁸⁸.

Как представляется, историк прав лишь отчасти. Есте-

венно, став членом оппозиции, Пашич должен был, особенно на первых порах, выступать в духе ее исключительно прагматических задач и установок. Им он следует, к примеру, во время дебатов о бюджете, где требует все того же уменьшения содержания чиновников, отмены прибавки к жалованию премьер-министра и т.д. Он ставит свою подпись под аналогичными предложениями крестьянских депутатов, например, под внесенным А. Богосавлевицем 20 декабря 1879 г. и требующим, чтобы "чиновник, который становится депутатом скупщины, не получал бы содержание по должности и званию все время, пока продолжается работа парламентской сессии"⁸⁹.

Однако вряд ли только малкая крестьянская прагматика может ассоциироваться со взглядами Пашича. Его мысль работает на ином уровне, свидетельство чего можно увидеть в предложении от 26 декабря 1879 г. о необходимости помощи отечественной промышленности. Предвидя неминуемое в сложившихся после Берлинского конгресса условиях преобладание иностранного, и прежде всего австро-венгерского, капитала в слабо развитой сербской экономике, что обернулось бы роковыми, по его мнению, последствиями для прогресса страны, Пашич предлагает ряд неотложных мер, которые должны были бы стимулировать ускоренное развитие находившейся в зародыше сербской промышленности и сохранение, таким образом, экономической самостоятельности Сербии, грозящей стать под давлением Дунайской монархии все более призрачной. Меры эти следующие: "Регулярная армия и народное ополчение должны снабжаться обмундированием, производимым в стране; все, что необходимо государству, оно должно покупать внутри страны, только то, что не производится отечественной промышленностью, следует покупать за границей; государственные власти должны использовать рабочую силу, которая имеется в стране, и только тех специалистов, которых не хватает, можно приглашать из-за границы; Управа фондов (первый сербский банк. — А.Ш.) должна выделять деньги прежде всего промышленным предприятиям"⁹⁰. Выполнение этих конкретных требований явилось бы, по мнению Пашича, спасительным лекарством

для экономической, а следовательно, и для только что обретенной политической независимости страны. Если вспомнить довоенную деятельность Пашича, то нетрудно заметить, что уже в этом его предложении, содержащим фактически программу экономической модернизации Сербии, звучат новые, чисто национальные, мотивы. Отметим эту важную подвижку.

Немалое значение для Пашича имело появление нового оппозиционного издания – газеты "Видела" (Свет), первый номер которой вышел 1 января 1880 г. Это был орган оппозиционной группы младоконсерваторов, включавшей таких депутатов скупщины, как М.Пирочанац, М.Гарашанин, Милан Куянджич и некоторых других, которая начала оформляться еще осенью 1879 г. О деятельности этой группы и линии ее печатного органа Милан Миличевич – один из учредителей – записал в дневнике: "Прочитав проект программы новой газеты..., мы договорились, что она будет выступать за введение подлинного конституционного порядка, за свободу печати и за все то, что подразумевается под таковым порядком"⁹¹.

С выходом газеты новой оппозиционной группировки, между ней и радикальной оппозицией установились отношения близкого сотрудничества в борьбе против правительства. Этот блок был нужен и той, и другой фракции. По словам Слободанки Стоичич, "союзники по оппозиции имели пользу от этого союза: одни стали сильнее в глазах скупщины и электората, другие обрели вес в глазах правительства и князя. Это их и объединило в борьбе против либерального кабинета, хотя у них были... различные интересы и различные цели"⁹². К этому добавим, что для Пашича самым важным итогом этого союза была полученная возможность использовать страницы "Видела". После закрытия в 1876 г. "Ст.Освобождения" Пашич не смог основать свою газету, и поэтому связь с массами посредством "союзнического" "Видела" была для него поистине драгоценной.

В этой газете в промежутках между скупщинскими сессиями Пашич начинает разрабатывать программу, вокруг которой намеревался объединить радикальную парламентскую оппозицию, и которая чрезвычайно важна для характеристики его собствен-

ных взглядов. В одном из материалов "Видела" в конце апреля 1880 г. Пашич впервые употребил термин "радикальная партия". Здесь же он пояснил, что "радикальная партия – это принципиальные политические единомышленники покойного Адама"⁹³, что "радикалы в первую очередь борются за политические свободы"⁹³. Таким образом, Пашич открыто провозгласил, что нынешняя "радикальная партия" является радикальной не только по названию, но и по существу.

Несколько позднее в том же "Виделе" было опубликовано его письмо редактору этой газеты, в котором сформулирована краткая программа "радикальной народной партии". Программа гласит: "Чтобы облегчить народное бремя, необходимы реформы, которые должны будут заменить старые учреждения новыми, более дешевыми и дающими народу больше времени для труда и хозяйствования". Речь идет о коренной перестройке в духе самоуправления полицейских учреждений, системы просвещения, контрольных и финансовых органов, регулярной армии; об уничтожении окружных управленческих структур и роспуске Государственного Совета. "С другой стороны, – продолжает Пашич, – необходимо прилагать усилия к тому, чтобы состояние сельского хозяйства у нас постоянно улучшалось, чтобы развивалась отечественная промышленность, но, насколько это возможно, без пролетариата, и чтобы для торговли открывались новые мировые рынки... Исходя из этого, ближайшая программа народной радикальной партии, как я ее вижу, должна включать в себя борьбу за свободу печати, собраний... объединений, за утверждение общинного самоуправления, за созыв Великой народной скупщины... за общую амнистию всех политических преступников... Необходимо также решить финансовую проблему в стране, защитить народ от самовольных действий отдельных чиновников. Это необходимо сделать еще до введения принципа ответственности исполнительных властей. После выполнения всех этих задач необходимо приступить к реформе государственного устройства"⁹⁴.

Как видим, в этой первой (после письма М.Димитриевичу) попытке Пашича разработать цельную политическую программу также две части – "программа-минимум" и "программа максимум".

* Адам Богосавлович умер в марте 1880 г.

Однако, в отличие от вышеупомянутого письма, обе эти программы из "Видела" содержат в себе требования исключительно политических преобразований разной, правда, степени глубины. Социальный мотив (о характере собственности и т.д.) почти не затронут. Налицо, таким образом, известная абсолютизация первой (политической) фазы старого "двуединого" проекта С.Марковича. Вместе с тем, нельзя не заметить, что некоторая антикапиталистическая нота в программе 1880 г. продолжает звучать. Пашич по-прежнему выступает против западной модели либерального капитализма и не желает платить за экономическую модернизацию Сербии (а в том, что она необходима, у него сомнений нет) дифференциацией общества на западно-европейский манер, пролетаризацией немалой части его. Цель Пашича здесь – при всех экономических пертурбациях сохранить сербское общество в виде совокупности мелких собственников, отстоять его социальную гомогенность. Последнее представляется весьма важным. В какой-то степени это является ключом ко всей общественно-политической философии Н.Пашича...

Тем временем события в Сербии развивались стремительно. Летом и осенью 1880 г. основным вопросом сербской политики оставался вопрос о заключении торгового договора с Австро-Венгрией. Правительство Ристича выступало за экономическое равноправие Сербии и отказывалось подписать договор на кабальных условиях, предложенных Веной и гарантировавших значительные односторонние преимущества. Князь сначала поддерживал эту патристическую позицию и был готов даже "в случае необходимости вступить в экономическую войну с Австрией, если она не примет предложений Сербии"⁹⁵. Однако вскоре, особенно после посещения Вены, он резко изменил свою точку зрения на торговый договор и на сербско-австрийские отношения в целом. Став сторонником сближения с монархией Габсбургов, решив окончательно связать с ней судьбу своего престола и династии, князь, естественно, не испытывал более надобности в кабинете Ристича – 19 октября тот получил отставку. На смену ему пришел кабинет младоконсерваторов во главе с М.Пиротчанцем, готовый проводить австрофильскую политику.

Для того, чтобы окончательно вытеснить Ристича с политической арены, новое правительство распустило скупщину и назначило выборы. Предвидя их результаты, П.А.Кулаковский в письме Н.А.Попову писал: "Выборы в Сербии, кажется, против Ристича будут. Проехал я через Сербию... всюду что-то против Ристича. Внутри земли это был деспот, своенравный и грубый"⁹⁶. Готовясь к выборам, радикалы и младоконсерваторы заключили предвыборное соглашение, выставив кандидатов, выражаясь современным языком, по единому списку⁹⁷. Главной целью соглашения было не допустить в скупщину сторонников Ристича.

В рамках "предвыборной кампании" группа радикальных деятелей опубликовала в "Виделе" обращение "Друзьям народа", которое первым подписал Н.Пашич. Основное в этом документе – необходимость изменения конституции, ибо "...огромная и суверенная власть не принадлежит по праву народу и не ассоциируется с монархом; она осталась в руках министров, и они в союзе с бюрократией стали сильнее народа и монарха. Это неестественное разделение властей, закрепленное в конституции, и есть источник борьбы народа и народных предатавателей против неограниченного и неответственного положения министров"⁹⁸.

Снова, как видим, все сводится к политическим реформам, к необходимости утверждения суверенитета народа в политической системе страны. О каких-либо социально-экономических преобразованиях нет ни слова. Впрочем, от такого рода документов, наполненных, как правило, предвыборной риторикой, ожидать глубоких программных заявлений и не следует. Тем интереснее проследить процессы, проходившие непосредственно в среде "наследников" С.Марковича осенью 1880 г., когда из эмиграции вернулись П.Тодорович и П.Велимирович, а с каторги – М.Ценич*.

Первым вернулся Ценич, и Пашич предложил ему действовать вместе. Однако Ценич, который считал себя по-прежнему

* М.Ценич 19 февраля 1875 г. был осужден на 8 лет каторги и вышел на свободу лишь в июне 1880 г. по амнистии.

социалистом⁹⁹, не хотел и слышать о сотрудничестве¹⁰⁰. В октябре 1880 г. он сам попытался создать новую партию — партию "чистых социалистов"¹⁰¹, но "мир, — по его словам, — убит авторитетами. Услышав об этом, пришел Пашич и объяснил, что в данный момент целесообразнее действовать под вывеской радикализма. И некоторые присоединились к нему"¹⁰². Окончательный разрыв между бывшими "коллегами" произошел, вероятно, на встрече в Белграде 8 ноября¹⁰³. После этого разрыва и, видимо, вследствие того, что Пашич "увел" у Ценича большинство потенциальных "чистых социалистов", тот назвал радикалов в письме Е.Кочовичу "непорядочными людьми, для которых нет ничего святого"¹⁰⁴. Пусть эта оценка Ценичем радикалов, вызванная, без сомнения, уязвленным самолюбием¹⁰⁵, останется на его совести; для нас же интерес представляет то, что и в среде социалистов Пашич не скрывает своей новой ориентации.

Весьма важны в этом контексте и взаимоотношения Пашича с П.Тодоровичем в новых условиях. Сам Тодорович впоследствии вспоминал: "Как только я вернулся в Белград (в декабре 1880 г. — А.Ш.), мы сразу же занялись разработкой программы, вокруг которой должна была объединиться и организоваться молодая радикальная партия, в которой мы тогда видели будущее Сербии"¹⁰⁶. По словам С.Ивановича, "будучи изолированным в течение нескольких лет от политики, он (П.Тодорович. — А.Ш.) из всех последователей Марковича сохранил в себе более всего из его доктрины, и в то же время у него было меньше всего связей с виделовцами (самоназвание младоконсерваторов до формирования ими кабинета. — А.Ш.). По этой причине он больше всех настаивал, чтобы радикалы конституировались в самостоятельную со своими принципами партию, которая за доброе отношение к себе правительства не отступит ни на йоту от своей программы"¹⁰⁷. П.Тодорович, видимо, всерьез полагал, что радикальная партия, над программой которой он трудился, должна будет обходиться без всяких компромиссов, чтобы сохранить свою идеологическую "чистоту". Вряд ли это его желание в сложившейся ситуации

в полной мере соответствовало намерениям Пашича, который еще летом 1880 г. выдвинул принцип: "Политика измеряется только мерой успеха"¹⁰⁸.

Это противоречие приводило к известным сложностям в отношениях обоих лидеров радикальной партии между собой, у них случались столкновения по некоторым вопросам партийной тактики¹⁰⁹. Отметим и то, что Пашич неспроста предложил Тодоровичу "курировать" "Самоуправу" (Самоуправление) – орган радикальной партии. Тем самым Тодорович был фактически отодвинут от реального руководства партией, ибо "Пашич вовремя почувствовал, что его друг Пера повел бы партию иным путем, во всяком случае не тем, которым он сам хотел ее повести"¹¹⁰. Несмотря на это, по сообщениям австрийских военных властей из пограничного с Сербией городка Земуна, "... в редакции "Самоуправы" произошло серьезное столкновение между Пашичем и Тодоровичем по вопросу о политической линии газеты. Тодорович, который материально более всех способствовал ее выходу, хотел бы придерживаться социалистического направления, на что Пашич не соглашался. Сейчас страсти улеглись, ибо Тодорович пошел на уступку после того, как Пашич пригрозил выходом из редакции и заявил, что он будет вынужден основать новый орган, что привело бы "Самоуправу" к краху"¹¹¹.

Как видим, решающее столкновение, которым разрешилось тлевшее противоречие, снова закончилось в пользу Пашича. Это яркая иллюстрация того, что его новая доктрина, т.е. радикализм, стала господствующей в среде бывших сторонников С.Марковича. К ней присоединились почти все участники довоенного социалистического движения, за исключением М.Ценича, который тем самым остался практически изолированным. Его амбиции политического лидера реального подтверждения не получили.

Формальным подтверждением того, что эта доктрина у Пашича уже сложилась, может служить его письмо Р.Тайсичу, из которого явствует, что он четко разграничивает понятия "социалистическая" и "радикальная" партия, считая их стоящими рядом, но не подменяя одно другим. Уже говорилось, что М.Ценич

в своей газете "Радник" обвинял радикальную партию в предательстве дела социализма. Эта открытая критика в немалой степени вредила авторитету радикалов. Пашич, сообщая Тайси-чу о полемике в прессе, замечает: "Я не знаю, как на вас действует полемика с "Радником", но нам очень неприятно видеть социалистическую газету на службе у правительства. Со времени зарождения социалистической прессы она всегда боролась против правящих кругов и поддерживала ту партию, которая стояла к ней ближе всех. Теперь же все обстоит совершенно наоборот... "Радник"... весь свой арсенал бранных слов употребляет против радикальной партии"¹¹²...

Мы рассмотрели эволюцию воззрений Пашича с точки зрения перспектив внутреннего развития страны, определив, что его целью стала борьба за широкую демократизацию сербского общества и экономическую модернизацию страны, но без использования при этом "социального опыта" стран Запада. В связи с этим небезынтересно проследить и изменение взглядов Пашича на решение национального вопроса, тем более, что оба этих аспекта тесно взаимосвязаны.

Вспомним его письмо М.Димитриевичу. В нем автор стоит на позиции предпочтения революционного пути в деле "освобождения и объединения". Мало того, Пашич все еще остается интернационалистом с точки зрения исторической перспективы, выступая за создание Дунайской конфедерации. И эта приверженность революционным методам решения национального вопроса не была утопичной. Для Пашича эта революция уже началась в виде Боснийско-Герцеговинского восстания, и весь сербский народ стремился к объединению со своими соплеменниками, не взирая на риск военного конфликта. В условиях 1875-1876 гг. Пашич, как представляется, имел какую-то реальную опору для своих надежд.

Однако в 1878 г. внешнеполитическая ситуация резко изменилась. Берлинский конгресс не только даровал независимость Сербии и утвердил некоторое территориальное расширение княжества, он также дал санкцию Австро-Венгрии на оккупацию Боснии и Герцеговины и на введение ее гарнизонов в формаль-

но остающийся во власти Турции Новипазарский Санджак.

Пашич отозвался на это решение европейской дипломатии горькими словами, произнесенными на сессии первой послевоев-ной окупщины: "Наша идея освобождения и объединения получила на Берлинском конгрессе смертельный удар"¹¹³. Его можно по-нять, ведь еще в 1875 г. в Боснии он пришел к выводу: "Кем турки были для наших дедов и отцов, тем же самым станут для нас австрийцы, если мы не организуем отпор возможному окру-жению, которое для нас готовит Вена"¹¹⁴. Случилось самое худшее из того, о чем предупреждал Пашич. Причем он полностью отдавал себе отчет в том, что сам факт австрийской оккупации провинций привел к резкому ухудшению геополитического положен-ия Сербии; несмотря на некоторое территориальное приращение на юго-востоке, ибо на западных (Босния) и юго-западных (Но-випазарский Санджак) границах ей угрожала теперь "великая держава с глубокой традицией, современной и твердой системой управления, с гораздо более развитой экономикой и политичес-кими свободами по сравнению с тем, что имела Турция"¹¹⁵. Осо-знание этих объективных реалий и обусловило отход Пашича от идей федерализма и ограничения национальной проблематики иск-лючительно вопросами "объединения сербского племени".

Произошел также пересмотр возможных путей решения серб-ского национального вопроса – теперь акценты были перенесе-ны с требования "революции в Турции" на признание необходи-мости поэтапного решения проблемы "освобождения и объедине-ния". Это свое новое видение Пашич выразил в уже упоминав-шемся письме редактору "Видела": "Противник нашего народно-го освобождения и объединения изменился – место "прогнившей" Турции заняла Австро-Венгрия". Следовательно, главная задача момента теперь, по Пашичу, – коренное переустройство Сербии и превращение ее в демократическое, экономически самостоя-тельное государство, чтобы "благополучие и свободы в стра-не могли бы развивать достоинства гражданские и человечес-кие... и в то же время (что самое важное. – А.Ш.) служили бы притягательным примером для сербов и иных народностей, кото-рым бы вызвал у них стремление к объединению с нами"¹¹⁶. Под

"иными народностями" Пашич подразумевает хорватов и болгар¹¹⁷.

Как видим, после 1878 г. произошли важные изменения во взглядах Пашича на решение национального вопроса. Идея федерации фактически перестала звучать (последние ее отзвуки слышны, вероятно, в упоминании "иных народностей") и была заменена "прадедовской задачей сербского освобождения и объединения", о которой Пашич упоминает в предвыборном обращении "Друзьям народа"¹¹⁸. Задача революционного разрушения Турецкой империи была снята с повестки дня уже тем, что сама Турция была вытеснена более мощной Дунайской монархией с большей части сербских земель, и прежде всего, из Боснии и Герцеговины — этих "сербских Эльзаса и Лотарингии"¹¹⁹. Для борьбы с новым противником, несравненно более опасным, нужны были новые методы, и в первую очередь могучие покровители. Решение национального вопроса в новых условиях откладывалось.

Таким образом, можно заключить, что и в области внешнеполитической Н.Пашич в силу сложившихся после 1878 г. объективных условий был вынужден отойти от интернационалистических установок С.Марковича и перейти на узконациональные позиции.

Пример Н.Пашича позволил показать эволюцию последователей С.Марковича от социализма к радикализму. Вкратце уже затрагивался вопрос об условиях этой эволюции, однако необходимо, как представляется, более подробно рассмотреть причины процесса, показать его необратимый характер.

По словам Дж.Станковича, "военная служба в сербо-турецких войнах, прекращение боснийско-герцеговинского восстания и оккупация Боснии и Герцеговины Астро-Венгрией, провозглашение независимости Сербии на Берлинском конгрессе и ее территориальное расширение в 1878 г. притупили остроту революционной деятельности Пашича и направили его идейное развитие в направлении, соответствующем времени и реальности... Знаатоки жизни Пашича считали, что 1878 г. был самым значительным рубежом в его бурной политической карьере"¹²⁰. С этим тезисом нельзя не согласиться, однако он нуждается в допол-

нительной расшифровке.

Прежде всего необходимо отметить, что результаты тех событий, на которые рассчитывал Пашич, и которые он, как мы помним, рассматривал как пролог к "соответствующим" социальным изменениям в Сербии, не совпали с его ожиданиями. Так случилось с Боснийско-Герцеговинским восстанием. Области, движение в которых должно было привести к революционным и для Сербии последствиям, были в 1878 г. оккупированы войсками Австро-Венгрии. Объединения восставших провинций с Сербией "революционным путем" не произошло. Положения Сан-Стефанского договора и "приговор", вынесенный Боснии и Герцеговине на Берлинском конгрессе, как писал Пашич в одном из писем из эмиграции, "как громом поразили сербские идеалы"¹²¹. Далее. Сербия получила независимость "по воле монархов", однако ее провозглашение не сопровождалось никакими внутренними изменениями. Напротив, период 1878-1880 гг. характеризовался усилением в стране реакции. Реальные события нанесли, таким образом, сильный удар по иллюзиям сербских социалистов.

Другой причиной, поколебавшей "веру" Пашича в социализм толка С.Марковича, было резкое ослабление самого социалистического движения. Демонстрация 15 февраля 1876 г. в Крагуеваце была разогнана, ее организаторы подверглись репрессиям и были вынуждены покинуть страну. В Сербии воцарилась реакция. Пашич, как помним, отрицательно отозвавшийся об этой акции своих товарищей, не мог не видеть, что практическая эффективность борьбы социалистов оказалась крайне низкой: социалистическое движение фактически исчерпало себя как реальная сила демонстрацией 15 февраля. Надо отметить, что размах сербского социалистического движения и до февраля 1876 г., ассоциировавшийся в сознании Пашича с деятельностью небольшой группы приверженцев, начал его постепенно разочаровывать¹²². Он не мог не заметить, что крестьянство — эта преобладающая часть населения Сербии — пошло за А.Богосавлевицем. Видимо, именно поэтому он и отправился в Боснию и Герцеговину, возлагая последние надежды на массовое народное движение там. После неудачи демонстрации 15 февраля

Пашич все еще надеялся на благоприятный исход восстания и предстоящую войну с Турцией, однако практические результаты сербско-турецких войн и решения Берлинского конгресса стали катализатором в процессе крушения этих надежд.

Теперь в дело вступают внешнеполитические факторы. После окончания Великого Восточного кризиса (1875-1878) Австро-Венгрия начинает сильнейшее экономическое и политическое давление на Сербию. Сербский монарх, более озабоченный укреплением собственного престола, согласился удовлетворить все требования габсбургской монархии и, чтобы доказать Вене свою безграничную лояльность, заключил с правительством Франца-Иосифа знаменитую "Тайную конвенцию", всерьез поставившую под сомнение суверенитет Сербии. В подобных условиях краха Турции, наступления Австро-Венгрии и проавстрийской, объективно антинациональной, политики князя (а затем короля) Милана Обреновича перед прогрессивными силами страны остро встали проблемы: во-первых, сохранения и укрепления только что полученной Сербией независимости и во-вторых, имея в виду последствия тяжелейшего удара, нанесенного по национальным чувствам сербского народа, "реанимации" сербской национальной идеи. Таким образом, объективное изменение обстановки на Балканском полуострове обусловило, как уже упоминалось, переход Пашича на национальные позиции. Мечты о Дунайской конфедерации остались в прошлом. Символом национальных интересов и стремлений стало только что родившееся сербское независимое государство.

Естественно, что бороться с монархом и стоящей у власти бюрократией, проводившими политику, идущую вразрез с коренными интересами страны, без опоры на широкие народные массы, было немислимо. И Пашич это прекрасно осознавал. В результате он отходит от социализма с его минимальной (интеллигентской) массовой базой и переходит к борьбе за чистые политические преобразования, что обеспечило ему поддержку десятков тысяч уже политически "разбуженных" деятельностью А.Богосавлевича крестьян.

Причем, что немаловажно, в новых условиях, когда перед

страной встали иные задачи, когда в результате войн и их последствий особой остроты достиг конфликт между крестьянскими массами и правящей бюрократией, потенциал политического самовыражения сербского крестьянства, достигший своего апогея в борьбе "народных трибунов" на предвоенных скупщинах, был уже исчерпан. Показателем этого стал кризис "старой" оппозиции на первой же послевоенной скупщине. На повестку дня, таким образом, был поставлен вопрос создания оппозиции "нового типа", главным критерием которой должна была стать эффективность борьбы с правящими кругами страны, чего можно было бы достичь, лишь придав ей общенациональный характер. С другой стороны, чтобы заставить правящие круги с собой считаться, эта оппозиция должна была включить в свою программу наряду с чисто крестьянскими пожеланиями (как организация в основном крестьянская по социальной базе) требование решения общенациональных задач и защиты национальных интересов (как организация, противостоящая антинациональной политике бюрократической верхушки). Все это вряд ли было по силам "народным трибунам" из крестьян; здесь их дополнили бывшие социалисты во главе с Пашичем. Такая оппозиция "нового типа" в виде радикальной партии была создана, идеологию для нее разработал в основном Пашич.

В заключение следует сказать, что Пашич показал себя в новых условиях выдающимся тактиком. Он сразу же осознал, что ситуация в конце 70 - начале 80-х годов столь резко изменилась, что действовать, опираясь на старую доктрину, было уже невозможно. Причем изменения коснулись не только "географического" положения на Балканском полуострове; разительно переменялась психологическая обстановка внутри страны, о чем образно, но точно сказал Иован Скерлич: "Насколько в шестидесятые годы все летало по небу, настолько в восьмидесятые - все ползало по земле"¹²³. В таких обстоятельствах Пашич действовал в единственно возможном направлении. Его эволюция в сторону радикализма в практической политической деятельности соответствовала, таким образом,

конкретным общественно-историческим условиям и имела объективный характер.

Если же говорить в целом об истории движения С.Марковича, то, имея в виду все вышесказанное, "следует признать, что эволюция... от Светозара Марковича к Николе Пашичу является правилом, а развитие по линии Светозар Маркович - Мита Ценич... - исключением"¹²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карасев В.Г. Революционно-демократическая идеология и Балканский социализм (60-70-е годы XIX в.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С.86.
2. Об эволюции сербских либералов подробнее см.: Кузьмичева Л.В. Становление и развитие либерализма в Сербии во второй половине XIX в. // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С.71-85.
3. Маркович С. Избранные сочинения. М., 1956. С.87-117.
4. Архив Србије (далее - АС). Ф. VARIA. Бр.405 (Н.Пашић - Ј.Лочићу). Л.2-2 об.
5. Митровић Ј., Андрић С. Светозар Марковић и његово доба. Београд, 1987. С.110, 166.
6. Окица Глушчевич, впоследствии видный деятель радикальной партии, учившийся в начале 80-х годов в Петербурге, писал Е.Кочовичу: "В радикальной партии сербской скупщины (так в тексте. - А.Ш.) никогда не было лидера, а еще меньше можно сказать, что кто-то конкретный был таковым. Под лидером следует понимать личность, которая своими качествами превосходит всех остальных и решительнее всех отстаивает общие принципы. Такой личностью был, например, Светозар". /Государственный Архив Российской Федерации (далее - ГА РФ), Ф.1167. Оп.2, л.2072. Л.24 (Глушчевич О. - Кочовичу Е. 6. март 1881 г.)/.
7. Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951. С.243; Perović L. Srpski socijalisti XIX veka. Knj. I. S.262.
8. Скерлић Ј. Светозар Марковић. Његов живот, рад и идеје. Друго издање. Београд, 1922. С.94.
9. Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини XIX века. Београд, 1924. Књ.2. С.129.
10. Там же. С.113, 134.
11. Јовановић С. Светозар Марковић. Београд, 1902. С.234; Маслеша В. Светозар Марковић. Београд-Загреб, 1945. С.73; Карасев В.Г. Сербский революционный демократ Светозар Маркович // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1953. Т.7. С.293 и др.
12. Спасић Ж. Јавност Светозара Марковића. Крагујевац, 1976. С.29; Раденић А. Економска и политичка основа новог опозиционог покрета радикалног, радикал-социјалистичког и социјалистичког смера // Историјски часопис. 1984. Књ. XXXI. С.103.

13. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. С.354; Станковић Ђ. Никола Пашић и Југословенско питање. Београд, 1984. Књ. I. С.43.
14. Историја српског народа. Београд, 1983. Књ.6. Т. I. С.38.
15. Џинчић В. Пера Тодоровић. Београд, 1956. С.28.
16. Јанковић Д. Светозар Марковић и радикална странка // Научни скуп "Светозар Марковић. Живот и дело". САНУ. Научни скупови. Београд, 1977. Књ.5. С.437.
17. Марковић С. Избрание сочинения. С.832.
18. Марковић Светозар. Изабрани списи. Београд, 1965. Т.4. С.142.
19. Цит. по.: Скерлић Ј. Указ. соч. С.94.
20. Марковић С. Избрание сочинения. С.832.
21. Радонић А. Економска и политичка основа... // Историјски часопис. 1984. Књ. XXXI. С.105. О све возрастающем влиянију Пашича в среде сербских социалистов, особенно после смерти Марковича, писал и Д. Јанковић: "Подобно тому, как в 1869-1870 гг. Иован Ристич привлек многих либералов, так в 1874 г. и позже... социалисты присоединились к Пашичу" /Јанковић Д. О политичким приликама и односима у Србији уочи "Црвеног Барјака". // Симипозијум "Црвени Барјак". С.184-185. / О деятельности и мировоззрении Никола Пашича в данной монографии будет рассказано подробно.
22. Газета выходила с 20 августа 1875 г. до 14 мая 1876 г. (по ст.ст).
23. Стенографске белешке седница Народне Скупштине. 1875-1876. Књ. I. Б/г. С.671-672.
24. АС. Ф. Народная Скупштина. Фасцикла I. Бр. I (1875). Л. I-I об.
25. АС. Заоставштина Радослава Перовића (Н. Пашић - Марковићу Е.).
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Радонић Ј. Никола Пашић и босанско-херцеговачки устанак // Слике из историје и књижевности. Београд, 1938. С.213.
32. См.: Карасев В. Г. Буржуазно-национальные революции на Балканах и русско-турецкая война 1877-1878 гг. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX века. М., 1981. С.33.
33. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Сборник документов. М., 1961. Т. I. С.131-132.
34. Интересное мнение очевидца: "Социализма тут нет и тени... борьба чисто политическая - освобождение от турок" (из письма С. М. Степняк-Кравчинского П. Л. Лаврову) // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961. Т. I. С.94.
35. Аутобиографија Никола П. Пашића // Никола Пашић (10.12.1926 - 10.12.1936). Београд, 1937. С.65.
36. Радонић Ј. Никола Пашић и босанско-херцеговачки устанак // Слике из историје и књижевности. С.221.

37. Аутобиографија Николе П. Пашића // Никола П. Пашић. С. 64.

38. Согласно конституции 1869 г., государственный чиновник любого ранга не имел права баллотироваться и быть избранным в скупшину.

39. В монографии используется текст проекта, опубликованный в мемуарах Еврема Грујића /Записи Еврема Грујића. Београд, 1923. Књ. 3. С. 119-120/.

40. Радонић Ј. Никола Пашић и босанско-херцеговачки устанак // Слика из историје и книжевности. С. 220.

41. Говоря о самом значительном политическом проекте демократической оппозиции в скупшине 1874-1876 гг. - о реформах государственного управления, - внесенном на рассмотрение парламента 15 января 1876 г. Е. Марковичем, и подписанном многими видными оппозиционерами: А. Богосавлевићем, Р. Тайсичем, М. Глишићем, П. Вуковичем и др. /см. Продановић Ј. Историја политичких странака и струја у Србији. Београд, 1947. Књ. I. С. 397-401/, И. Миличевич отмечал: "Главное значение при разработке этого проекта придавалось самоуправленческому реформам. Предусматривался роспуск регулярной армии, а также выборность низших офицеров (ополчения. - А. Ш.) Однако проект не предполагал полного слома бюрократического аппарата, как это намеревался сделать Светозар Маркович" /Миличевић Ј. Прилог познавању србијанског парламентаризма // Сборник философског факултета. Београд, 1970. Књ. I. С. 620-621/.

42. Миличевић Ј. Еврем Грујић. Историјат Светоандрејског либерализма. Београд, 1964. С. 226. Деликатност ситуации состояла в том, что князь Милан с самого начала резко возражал против активных действий, направленных на помощь восставшим. Опасаясь за престол и судьбу династии, он выжидал и старался ориентироваться на позиции европейских держав, не принимая во внимание патристический подъем в народе, выразившийся в господстве в скупшине воинствующих настроений. Правительство же Ристича выступало за всяческое содействие восставшим и, тем самым, поставило себя как бы в "оппозицию" монарху. В подобной ситуации его жизнеспособность напрямую зависела от поддержки скупщины и, следовательно, кабинет был вынужден в данный момент считаться с мнениями депутатов.

43. Записи Еврема Грујића. Књ. 3. С. 133.

44. Миличевић Ј. Указ. соч. С. 227. Противодействие князя правительству и решениям скупщины было в большой степени вызвано давлением русской дипломатии. Российский дипломатический представитель в Белграде А. Н. Карцов сообщал в письме графу Н. П. Игнатьеву: "Вам не безызвестно, сколько трудов стоило мне с Мариновичем (Иван. Сербский государственный деятель, лидер консерваторов. - А. Ш.) отклонить его (князя. - А. Ш.) от постыдного отречения. С тех пор, как в скупшине обнаружилось воинственное брожение, я на все тоны поую ему, что после самых категорических наших советов оставаться в мире с турками и после его собственной мирной речи (тронной речи в скупшине. - А. Ш.), если бы он теперь увлекся происками либералов, стремящихся вовлечь Сербию в несвое-

временную и гибельную для нее войну, он тем навсегда утратил бы всякое к себе сочувствие нашего правительства. Князь обещал мне положительно, что предпочтет быть изгнанным революцией, чем поддаться на утверждение последних тайных постановлений скупщины" /ГА РФ. Ф.730. Оп. I. Д. 3094. Л. 47 об. (А.Н. Карцов - Н.П. Игнатьеву, 11 сентября 1875 г.)//

45. Аутобиографија Николе П. Пашића // Никола П. Пашић. С. 65; Радонић Ј. Никола Пашић и босанско-херцеговачки устанак // Сlike из историје и књижевности. С. 222.
46. Станковић Ђ. Указ. соч. Књ. I. С. 43.
47. Радонић Ј. Никола Пашић и његов радикални програм из 1876 године // Сlike из историје и књижевности. С. 245.
48. Калевин Ђ. Моје успомене. Београд, 1908. С. 12.
49. Спасић Ж. Крагујевачки Црвени Барјак 1876. Крагујевац, 1976. С. 41.
50. Живановић Ж. Указ. соч. Књ. 2. С. 137.
51. Радонић А. Карактеристичне црте бунтовних покрета у Србији // Из историје Србије и Војводине 1834-1914. Нови-Сад-Београд, 1973. С. 364.
52. См.: Јанковић Д. Прве радничке демонстрације у Србији // Историјски часопис. 1952. Књ. III. С. 157-188; Спасић Ж. Црвени Барјак 1876 г. Крагујевац, 1972; Он же. Крагујевачки Црвени Барјак 1876 г. Крагујевац, 1976; Он же. Под Црвеним барјаком. Крагујевац, 1987. и др.
53. Црвени Барјак 1876. Историјски архив Шумадије. Крагујевац, 1976. Т. I. С. 356.
54. Аутобиографија Никле П. Пашића // Никола П. Пашић. С. 65.
55. Милошевић Р. Први почеци Народне радикалне странке // Пашић. Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1927. Књ. 4. С. 91.
56. Радонић Ј. Никола Пашић и његов радикални програм из 1876 г. // Сlike из историје и књижевности. С. 254.
57. "То, что вместо названия "социалистическая партия" у нас появилось название "радикальная партия" произошло не по нашей воле... Так нас начали называть наши противники, и после этого так стали называть себя и мы. Говоря откровенно, в это новое название мы не вкладываем никакого нового смысла" /Ст. Ослобожденье. 1876. 10 април. Бр. 62/.
- Писмо Пашића М. димитријевичу хранится в Рукописном отделении Матицы Сербской /РОМС. Бр. 30039/. Текст писма вперве опубликовал И. Радонић в газете "Политика" 3, 4, 6, 7 декабра 1936 г., затем он был включен в сборник трудов историка "Сlike из историје и књижевности". Београд, 1938. С. 254-264.
58. Радонић Ј. Никола Пашић и његов радикални програм // Сlike из историје и књижевности. С. 259.
59. Станковић Ђ. Указ. соч. Књ. I. С. 45.
60. Радонић Ј. Никола Пашић и његов радикални програм // Сlike из историје и књижевности. С. 262.
61. Марковић С. Изабрани списи. Т. 4. С. 442.
62. Записи Еврема Грујића. Књ. 3. С. 152-154.
63. Радонић Ј. Никола Пашић и његов радикални програм // Сlike из историје и књижевности. С. 262.

64. Раденић А. Указ.соч. // Историјски часопис. 1984. С.121.
65. Perović L. Srpski socijalisti XIX veka. Knj.2. S.32.
66. Стража. Книга за науку, књижевност и друштвени живот. Нови Сад. 1878. Књ.1. Свеска за новембар-децембар. С.521.
67. Там же. С.525, 522. П.А.Кулаковский в письме И.С.Аксакову из Белграда подтверждает эту мысль: "... и князю и Ристичу хотелось бы отделаться от контроля скупщины, и поэтому скупщина была собрана в этом году в Нише, где область находится на военном положении" /Отдел рукописей Государственной Публичной Библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (далее - ОР ПИБ). Ф.14. Д.189. Л.3 об. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 12 февраля 1879 г.)/.
68. Раденић А. Тополска буна // Из историје Србије и Војводине 1834-1914. С.410.
69. Архив внешней политики Российской Империи (далее - АВПРИ). Ф. Главный Архив. Оп.181. Д.272. Л.34-35. См. также: Борбрик Г.И. Случай из сербской кооперации // Русская Старина. 1912. Т.149. Кн.2. С.296-302.
70. Раденић Ј. Пашићев избор на Великој Школи пре десет година // Слике из историје и књижевности. С.267.
71. Перовић Л. Пера Тодоровић. С.43.
72. Несторовић Ј. Почетак политичке каријере // Споменница Николе Пашића. (1845-1926). Београд, 1926. С.119.
73. Карло Сфорца заметил по этому поводу: "Можно с уверенностью утверждать, что правительство князя Милана само ликвидировало последнюю возможность отойти от политики человеку, который вскоре стал для него самым страшным врагом" /Сфорца К. Никола Пашић и уједињене Југословена. Београд, 1937. С.43/.
74. Несторовић Ј. Указ.соч. // Споменница Николе Пашића. С.119.
75. Там же.
76. АС. Ф.Народна скупштина. Фасцикла 2. Бр.1 (1878) Л.5-5 об.
77. Аутобиографија Николе П. Пашића // Никола П. Пашић. С.69-70.
78. Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее АСАНУ). Бр.9287. Мемоари Јована Авакумовића. Књ.2. С.131.
79. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ.2. С.282.
80. Стенографске белешке о седницама Народне скупштине 1879-1880. Београд, 1881. С.1883.
81. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.2. С.282.
82. Милићевић Ј. Опозиција у Србији уочи стварања организационих политичких странака // Историјски гласник, 1969. Бр.2. С.11.
83. ОР ПИБ. Ф.14. Д.189. Л.6 об. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 12 февраля 1879 г.)/.
84. Милићевић Ј. Указ.соч. // Историјски гласник. 1969. Бр.2. С.10.
85. См. АС. Ф.Народна скупштина. Фасцикла 2. Бр.19 (1878) Л.11-11 об. Бр.40 (1879). Л.3-4.

86. Тодоровић Д. Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С.122; Петровић Р. Адам Богосављевић. Београд, 1972. С.164; Никић Ф. Локална управа Србије у XIX и XX веку. Београд, 1927. С.183.

87. Петровић Р. Указ.соч. С.126.

88. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.2. С.283.

89. АС. Ф.Народна скупштина. Фасцикла I. Бр.42 (1879). Л.5-5 об.

90. АС. Ф.Народна скупштина. Фасцикла I. Бр.36 (1879). Л.9-9 об.

Коста Милутинович полагаєт, что это важное предложение внесла на рассмотрение скупщины "группа Богосавлевича" /Милутиновић К. Адам Богосављевић. Први селачки трибун Србије // Зборник за историју. Нови Сад, 1972. Књ.5. С.41/. Вряд ли с этим утверждением можно согласиться. В 1878-1880 гг. А.Богосавлевич уже не играл былой активной роли в политической жизни. Фактическим лидером оппозиции являлся Пашич. Авторство Пашича подтверждается, кстати, и тем, что оригинал предложения написан им.

91. АСАНУ. Бр.9327. Дневник Милана Милићевића. Свеска 10. Запись 4 декабря 1880 г. (Далее - Дневник М.Милићевића).

92. Стојичић С. Уставни развитак Србије 1869-1888. Лесковац, 1980. С.136.

93. Видело. 1880. 30 април. Бр.53.

94. Видело. 1880. 2 мај. Бр.54.

95. АСАНУ. Бр.9287. Мемоари Јована Авакумовића. Књ.2. С.143.

96. Отдел рукописей Государственной библиотеки им.В.И. Ленина (далее - ОР ГБЛ). Ф.239. Папка 12. Д.2. Л.32. (П.А. Кулаковский - Н.А.Попову, 25 ноября 1880 г.).

97. Владимир Джорджевич - один из сотрудников Пашича - писал Е.Кочовичу в Москву: "Как только новое правительство было образовано, оно пригласило Пашича и Таушановича (Коста. Один из лидеров радикальной партии. - А.Ш.), и на этом совещании была достигнута договоренность о совместной деятельности и утверждено соглашение, по которому на предстоящих выборах кандидаты радикалов не должны препятствовать правительственным кандидатам" /ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2811 (В.Зорзевић - Е.Кочовићу, 28 новембар 1880 г.)/.

98. Пријатељима народа // Милошевић Р. Тимочка буна. С.14.

99. Ценич в письме Кочовичу с пафосом писал: "... социализм - это часть моего организма, а без него нет и меня". /ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.2076. Л.2. (М.Ценић - Е.Кочовићу, 9 децембар 1880 г.)/.

100. ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2812. Л.109 (Ценић М. - Е.Кочовићу, 27 септембар 1880 г.).

101. ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2811. Л.14 об. (М.Ценић - Е.Кочовићу, 18 новембар 1880 г.).

102. Там же.

103. ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.2072. Л.5 (О.Глушчевић - Е.Кочовићу, 22 новембар 1880 г.).

104. ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.2076. Л.1 об. (М.Ценић - Е.Кочовићу 9 децембар 1880 г.). Письма М.Ценича Е.Кочовићу, хранящиеся в фонде 1167 ГА РФ, опубликованы: Очак И. Нова грађа о српском социјалисти Мити Ценићу // Новинарство. Београд, 1972. № 1-2. С.114-127.
105. О.Глушчевич писал Е.Кочовићу: "... ты приближаешься к мнению Митки (Ценича. - А.Ш.) о членах радикальной партии... Я знаю, Митка всегда говорит..., что все подлещы..., но я не могу дать Митке право так говорить, потому что тут проявляется скорее личная ненависть, чем холодная беспристрастность". /ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.2072. Л.28 об. (О.Глушчевич - Е.Кочовићу, 12 март 1880 г.)/. В письме от 16 апреля он же замечает: "Ты видишь в Митке человека, преданного душой и сердцем прогрессу, но не видишь озлобленного человека. И, замечая первую черту, ты можешь (совершенно естественно) поверить всему, что он тебе говорит и о других". /ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2812. Л.12/.
106. Тодоровић П. Огледало. Зраке из прошлости. Београд. 1903. С.98.
107. Јовановић С. Политичке и правне расправе. Београд, 1908. Књ.1. С.150.
108. Видело. 1880. 11 јули. Бр.83.
109. Тодоровић Д. Народни трибун Ранко Тајсић. С.127.
110. Нинчић В. Пера Тодоровић. С.73-74.
111. Раданић А. Полицијски извештаји о догађајима у Београду почетком осамдесетих година XIX века // Годишњак музеја града Београда. Београд, 1957. Књ.4. С.423 (донесение от 30 јула 1881 г.).
112. АС. Ф.Поклони и откупи. Кутија 100. Бр.33. Л.1 об. (Н.Пашић - Р.Тајсићу, 26 септембар 1881г.).
113. Цит. по: Радонић Ј. Никола Пашић и његов радикални програм из 1876 године // Слике из историје и книжевности. С.241.
114. Цит. по: Сфорца К. Никола Пашић и уједињене Југословена. С.40.
115. Станковић Ђ. Указ.соч. Књ.1. С.65.
116. Видело. 1880. 2 мај. Бр.54.
117. Станковић Ђ. Указ.соч. Књ.1. С.66.
118. Пријатељима народа // Милошевић Р. Тимочка буна. С.16.
119. Историја XIX века. (Под ред. Лависса и Рамбо). М., 1939. Т.7. С.453.
120. Станковић Ђ. Указ.соч. Књ.1. С.48. Младшии современник Пашича Милан Јовановић-Стоимировић дал следующую периодизацию первого этапа его политической карьеры: "С 1865 до 1875 г. он был политическим наблюдателем, с 1875 до 1878 г. - политическим агитатором и борцом, с 1878 до 1903 г. - великим политиком и великим политическим тактиком..." /Јовановић-Стоимировић М. Шта значи данас Никола П. Пашић после једне деценије од његове смрти? // Никола П. Пашић. С.407/.
121. Цит. по: Станковић Ђ. Указ.соч. Књ.1. С.65.
122. Активна учесница српског социјалистичког движения и близка сораћница С.Марковића Анка Нинковић пи-

сала из Цюриха 8 мая 1874 г. П.Д.Лаврову: "Правительство в Сербии уже бросило либеральную маску, преследует всех молодых людей - социалистов и рассылает их в противоположные концы Сербии. Этот факт сам по себе не значил бы ничего, но применяя его к сербским обстоятельствам, он очень вреден, потому что у нас эта партия очень слаба, т.е. малочисленна" /ГА РФ. Ф.1762. Оп.4. Д.86. Л.1-1 об./.

123. Скерлић Ј. Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С.344.

124. Карасев В.Г. Революционная демократия и социализм// Новая и новейшая история. 1988. № 3. С.85.

ГЛАВА II

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА СЕРБСКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ В 1881–1883 гг.

Радикальное движение в Сербии в начале 80-х годов находилось под влиянием двух основных факторов. Во-первых, оно испытывало на себе сильное воздействие европейских идейных и политических течений, а во-вторых, развивалось в условиях экономической и политической специфичности сербского общества того времени. Вследствие этого до того, как стать компонентом формирующейся идеологической доктрины радикализма "инострannое" идейное воздействие непременно должно было определенным образом преломиться в сербских общественных реалиях. Мало того, как представляется, именно от степени этого преломления или, говоря другими словами, от умения приспособлять политические идеи Запада и Востока к объективной общественно-политической ситуации Сербии во многом зависела реальная сила всякой партии, популярность и привлекательность ее политической мысли.

В научной литературе уже не раз делались попытки отыскать идейные истоки сербской радикальной партии. Причем, как правило, мнения авторов сталкивались именно при определении "удельного веса" внешнего и внутреннего влияния в идеологической доктрине ранних радикалов. Приведем некоторые из этих мнений.

Определяющее значение внешнему фактору придавал, к примеру, В.Нинчич, подчеркнувший, что "программа радикальной партии во многом заимствована у французских радикалов и приспособлена к нашим условиям ... Программа радикальной партии содержит: изменение конституции, выборность судей, непосредственное и прогрессивное налогообложение, самоуправление общин. Если к этому добавить требование отделения церкви от государства, тогда получите все основные положения предвыборной программы Гамбетты (лидер французских радикалов. — А.Ш.) 1869 г."¹ Похожую точку зрения высказал М.Иованович-Стоимирович, который в эссе о П.Тодоровиче писал: "Пера Тодорович основал сербскую радикальную партию, находясь под

влиянием французского радикализма. Он обожал Гамбетту и его программу... Он в действительности сформировал себя в Париже и оттуда вернулся с идеями, которые заложил в программу и устав партии"².

Среди представителей "европоцентризма" назовем также и М.Протича. Называя одним из истоков радикальной партии в начальный период ее существования "русскую социалистическую традицию", влияние которой "особенно сильно ощущалось в ранние годы, в движении Светозара Марковича и заметно ослабло в конце 70-х - начале 80-х гг. прошлого столетия", он вместе с тем особо выделил роль идей французских радикалов в формировании политической мысли их сербских единомышленников: "В течение восьмого десятилетия XIX в. французский радикализм оказал на сербскую радикальную партию самое глубокое воздействие, которое выразилось в двух формах: в виде политической программы и организации движения"³. На близких позициях стоит и один из крупнейших современных сербских историков Милорад Экмечич. В своем фундаментальном труде "Создание Югославии" он подчеркнул, что "сербский социализм Светозара Марковича разделился на отдельные фракции и партии, которые имели определенное сходство с французскими моделями. Сербских радикалов вначале называли республиканцами, а их требования очень напоминали программу французских радикал-социалистов 1881 г."⁴

Другая точка зрения характеризуется тем, что авторы, ее разделяющие, представляют идеологическую доктрину радикалов лишь как заимствование из идейного наследия С.Марковича и А.Богосавлевича, т.е. возникшую исключительно из внутренних источников. Первым эту точку зрения высказал С.Иованович, заявивший, что "в программе радикалов отразились идеи Светозара Марковича и Адама Богосавлевича"⁵. Это мнение разделял Й.Миличевич, отметивший, что "в требовании реформ конституции (главное требование радикалов. - А.Ш.) дальше всех шла программа радикальной партии. Она содержала многое из того, о чем писал в своих статьях Светозар Маркович, а также ряд требований из программы реформ группы Еврема Маркови-

ча (так автор называет группу А. Богосавлевича. — А.Ш.)⁶. Несколько лет назад Д. Тодорович почти дословно повторил высказывание С. Йовановича пятидесятилетней давности: "Программа радикальной партии содержала в себе известную часть идей Светозара Марковича и требований реформ Адама Богосавлевича"⁷.

В эту же группу авторов, как представляется, целесообразно включить и некоторых менее сомневающихся историков, которые уже в самом С. Марковиче видят непосредственного родоначальника идеологии сербского радикализма. К ним можно отнести, к примеру, Ж. Живановича, который утверждал, что "Маркович — отец радикальной партии. Происхождение радикализма в Сербии публицистично. Он появился в газетах под пером одного-единственного, почти изолированного человека"⁸. Американский историк югославянского происхождения Траян Стоянович также склонен полагать, что "идеология радикализма... нашла свое совершенное воплощение в мысли Светозара Марковича"⁹.

И наконец, кое-кто из исследователей считает, что о самостоятельной идеологии радикальной партии вообще говорить не приходится. По мнению Лазара Ракича, "острые национальные, политические, социальные и экономические проблемы толкали радикалов больше к практическим и краткосрочным решениям. Для идеологической "дестройки" своего движения они не имели ни достаточной подготовки, ни времени. Поэтому радикализм в идеологической сфере остался механическим эклектизмом, т.е. неким идеологическим конгломератом, рефлексией чужих идей"¹⁰. Вторит Л. Ракичу Драган Симеунович: "В 1881 г. была основана радикальная партия, которая как типичная мелкобуржуазная партия, не имела собственной концепции и поэтому заимствовала из различных идейных течений отдельные положения, отвечающие интересам социального слоя, политическим выразителем которого она выступала"¹¹. Как видим, оценки двух последних авторов столь категоричны, что радикалы предстают в виде заурядных идеологических плагиаторов.

При всем внешнем различии, все три группы мнений относи-

тельно истоков идеологической доктрины радикальной партии имеют нечто общее. Дело в том, что решающее значение в ее формировании придается исключительно внешним влияниям иностранного или отечественного происхождения. А отсюда со всей очевидностью вытекает, что все авторы дружно отказывают радикальным идеологам в оригинальности политического мышления, сводя их доктрину к заимствованиям, эклектизму или прямому плагиату. Вряд ли с этим можно согласиться.

Вместе с тем, в литературе имеется несколько более выдержанных, на наш взгляд, оценок, авторы которых пытаются рассмотреть происхождение радикальной идеологической доктрины в более широком общественном и "географическом" контексте. Так, Й. Попович более полувека назад, констатируя, что группа последователей С. Марковича после его смерти заметно свернула вправо и "из русско-социалистической стала радикально-буржуазной, по образу и подобию соответствующих (радикальных) партий на Западе — особенно во Франции", тем не менее заключил, что "радикализм в Сербии, если даже и был в чем-то обязан своим появлением воздействию с Запада, все равно не мог быть полностью отождествлен с радикализмом французским, так как нес в себе немалый заряд русского социализма и опирался на определенные народные общественные традиции"¹².

Л. Перович в ряде своих работ также уделила немалое внимание истокам идеологии радикальной партии. "В ней, — читаем в одной из них, — прежде всего видны результаты того течения в русском народничестве, представителем которого был П. Л. Лавров... Выступая в принципе за революцию в России, это течение ориентировалось на длительные и постепенные подготовительные меры, под которыми подразумевались как моральное и умственное перевоспитание народа, так и формирование соответствующей партии"¹³. "Второй, и по значению, без сомнения, важнейший источник идеологии народной радикальной партии, — продолжает автор, — это спонтанное, оппозиционное движение в народе, которое зародилось в Сербии в начале 70-х гг. Его выразителем была оппозиция в Народной скупшине, возглавлял ко-

торую... Адам Богосавлевич"¹⁴. "Третьим источником идеологии радикалов, - по мнению исследовательницы, - являлся марксизм... Как один из источников идеологии радикалов, марксизм более всего проявил себя в работе Лазы Пачу "Буржуазное общество и его общественно-политические партии"¹⁵. (К этой работе мы еще вернемся).

В своем специальном курсе по истории общественных идей в Сербии во второй половине XIX в. Л.Перович дала интегральную оценку "источников и составных частей" идеологии раннего сербского радикализма: "Опираясь на ярко выраженный оппозиционный настрой сербского крестьянского народа, народная радикальная партия "строила" свою идеологию путем прагматического комбинирования реформистских идей западноевропейского социализма и русского народничества, с одной стороны, и марксистских установок, с другой"¹⁶. Отметим, кстати, что точка зрения на марксизм, как на один из идейных корней радикальной партии, ранее уже была высказана в англоязычной историографии. Приведем заключение Барбары и Чарльза Елавичей, полагающих, что "радикалы вели свою родословную от народничества, марксизма и анархистских кругов 1870-х гг."¹⁷

Перед нами прошел целый ряд точек зрения как на возможные истоки идеологической доктрины радикальной партии, так и на саму эту доктрину. Попробуем теперь, опираясь на уже высказанные плодотворные мысли, по-новому взглянуть на политическую мысль идеологов радикальной партии, оговаривая, по возможности, ее источники.

1. Политическая концепция радикалов

Выше уже отмечалось, что в отличие от С.Марковича, видевшего главную свою цель в изменении экономических отношений и прежде всего - отношений собственности, которое должно было, по его мнению, привести Сербию к социализму с коллективной трудовой деятельностью в рамках общинного владения землей, его наследники - радикалы - в силу определенных причин, сместили акценты своей деятельности, сосредоточив всю активность в основном на политической сфере, выступая против бюрократического устройства сербского государства в

за его широкую демократизацию. Конкретные цели этой борьбы, а также политические проекты радикальных лидеров содержатся в различных документах, вышедших из-под их пера, в их речах и выступлениях.

Сначала необходимо рассмотреть эти документы с точки зрения приоритетности использования, а также дать им хотя бы беглую оценку. Прежде всего это касается программы радикальной партии – основополагающего, на первый взгляд, ее идеологического документа. Ис всей видимости, именно таким документом и считали программу, опубликованную в январе 1881 г. в "Самоуправе", В.Нинчич, М.Иованович–Стоимирович, М.Протич, ибо все они сделали вывод о решающем влиянии идей французского радикализма, опираясь только на ее анализ, не привлекая никаких дополнительных источников¹⁸.

Однако встает вопрос, а была ли в действительности эта программа важнейшим документом, выражающим суть идеологической доктрины радикалов, одного анализа которого было вполне достаточно для столь решительных выводов. Прежде всего следует отметить, что программа радикальной партии, представляющая собой лишь свод общедемократических требований, являлась документом чисто тактическим и, по замыслу своих авторов, даже временным. Это не партийная программа в прямом смысле этого слова с четко определенными стратегическими целями и тактическими задачами, с экскурсами в теорию, а всего лишь конкретная политическая платформа; с ней выступила в скупщине нового созыва радикальная парламентская фракция после ее выхода из единого антиристочевского блока, в которой она входила вместе с младоконсервативной группой. После формирования однопартийного младоконсервативного кабинета М.Пирочанца и решения лидеров радикалов образовать самостоятельную фракцию, появление платформы этой фракции становилось вопросом времени. Кстати, сами радикальные деятели и не скрывали ее остро злободневный, чисто практический характер. В комментарии к программе "Самоуправа" подчеркивала: "Это не теоретическая программа, положения которой должны будут выполняться в далеком будущем; это программа прак-

тических реформ, скорейшему проведению которых партия твердо намерена способствовать"¹⁹.

Вместе с тем, и это особенно важно, на выполнение этих общедемократических практических пожеланий, заложенных в программу, радикальные деятели намеревались подвинуть и младоконсервативное правительство, не без резона полагая, что задачи общей демократизации объективно встали перед всем сербским обществом, невзирая на партийные различия, и, вследствие этого, фактически соглашаясь на лояльное сотрудничество с кабинетом в этом общенациональном предприятии, несмотря на соблюдение в скупшине самостоятельной радикальной фракции. В упомянутом комментарии "Самоуправа" писала по этому поводу: "Так как мы полагаем, что нынешнее правительство в принципе не может иметь перед собой целей, отличных от тех, о которых мы говорим (положений программы. - А.Ш.), то мы заявляем, что готовы как организованная партия поддерживать нынешний кабинет до тех пор, пока он будет способствовать проведению реформ, которые мы сформулировали в нашей программе, так как считаем, что наша программа должна быть и его программой, если он серьезно и искренно хочет добиться введения конституционного порядка в стране"²⁰. Совершенно очевидно, что такого рода документ, который по замыслу его авторов, предлагался как основа сотрудничества с правительством, должен был обязательно содержать элементы компромисса. Радикальные взгляды в "чистом виде" вряд ли могли получить в нем полное свое выражение.

На компромиссный характер программы, кстати, прямо указал и Н.Пашич. Выступая перед своими избирателями в июне 1881 г., он заявил: "Мы не включили в нашу программу до созыва Великой скупщины никаких реформ, кроме тех, которые содержались в... программе нишской оппозиции (оппозиция в скупшине в 1878-1880 гг. - А.Ш.) и газеты "Видело" (орган младоконсервативной группы. - А.Ш.). Это мы сделали сознательно, чтобы избежать всего, что дало бы хоть малейший повод к расколу"²¹. Из этого высказывания явствует, что программа радикалов в том виде, в каком была написана, явилась

своего рода общей основой для попытки сплочения вокруг нее всех демократически настроенных сил, в том числе и из правящей партии, ибо программу, опубликованную в свое время в газете "Видело", правящая группа младоконсерваторов, принявшая название напредняцкой (прогрессивной. - А.Ш.) партии, объявила своей партийной платформой.

Как видим, по оценке Пашича, программа радикальной партии - это всего лишь временный, компромиссно-тактический документ²². И как таковой, он вряд ли мог содержать в себе нечто большее, чем свод первоначальных демократических требований достаточно общего характера, а уж тем более "сокровенные" цели радикальной партии. Исходя из этого, представляется несколько односторонним сам исследовательский метод тех авторов, которые полагали, что анализ всего лишь одного документа радикальной партии дает им основания компетентно судить об идеологии радикалов и делать выводы о том или ином определяющем, в данном случае французском, воздействии на нее.

Для анализа аутентичной политической мысли радикалов необходимо привлечь дополнительные источники. Назовем главные из них. Это брошюра Р.Милошевича "Организация среза на основе самоуправления и принципа выборности"²³, написанная в 1881 г.; материалы первого "съезда" радикальной партии, состоявшегося в июле 1882 г. в Крагуеваце²⁴; а также важнейший, на наш взгляд, политический документ, вышедший из-под пера радикальных идеологов - разработанный в основном Н.Пашичем в марте 1883 г. проект новой конституции - наиболее красноречивый образец радикальной политической мысли²⁵.

Суть политической доктрины радикалов выражает первый параграф радикального проекта конституции: "Сербский народ - суверен в Сербском королевстве. Из народа исходит всякая власть. Народ - источник и хранитель власти в государстве"²⁶. Эта центральная мысль о верховенстве народного суверенитета опиралась на следующие основные идеи. Во-первых, это принцип самоуправления как центральное звено новой радикальной модели административной организации и воплощение полной де-

мократии. Во-вторых, это идея всевластия Народной скупщины, которая, как верховный орган народного представительства, приобретала бы с точки зрения прерогатив власти решающее значение, затмевая при этом институт монархии. И в-третьих, что логически вытекает из первых двух позиций, это полная вторичность исполнительной власти на всех уровнях — от срезского чиновника до центрального правительства. Рассмотрим сначала идею самоуправления.

В программе радикальной партии требование самоуправления сформулировано следующим образом: "Необходимо упразднить управление округов и вообще отказаться от нынешнего разделения страны на округа, чтобы основными территориальными единицами остались только общины и срезы, и устройство этих обеих территориальных единиц должно быть основано на принципе самоуправления"²⁷. Причем, что особенно важно, не только общинные, но и срезские исполнительные структуры, по мнению радикальные теоретиков, должны были непременно находиться в полной зависимости от соответствующих местных органов самоуправления. Р.Милошевич в своей брошюре особенно подчеркнул эту мысль: "Народ сам через свою срезскую скупщину избирает и освобождает от должности своих срезских чиновников"²⁸. Это должно было привести к полной ликвидации всех назначаемых центральной исполнительной властью местных бюрократических структур.

Для сравнения приведем точку зрения А.Богосавлевича, который, предполагая в своей программе реформ упразднение лишь наиболее одиозных и дорогостоящих элементов местного бюрократического аппарата, оставлял в системе срезской власти, к примеру, должность срезского старейшины, который являлся не кем иным, как государственным чиновником, ибо даже срезская скупщина — верховный орган местного самоуправления — не обладала всей полнотой прав по отношению к нему, и для того, чтобы его сменить или некавалит, она "должна требовать одобрения министра"²⁹. То же самое, кстати, касалось и срезских судебных органов. А.Богосавлевич предлагал, чтобы "срезский суд по гражданским делам состоял из председателя,

которым является государственный чиновник (т.е. лицо, назначаемое из центра. - А.Ш.) и 10-12 членов, которых избирает срезская скупщина сроком на один год. Срезский суд избирает своих функционеров по предложению председателя, который и утверждает их своей подписью"³⁰.

Радикалы же выступали за выборность всех категорий судей во всей системе срезских и общинных судов. В качестве аргумента приведем отрывок из речи П.Тодоровича на первом "съезде" радикальной партии: "В отношении судов нужно принять еще одну новую меру. Необходимо, чтобы судей избирал сам народ... Я уверен, что в каждом срезе есть люди, настолько известные своей честностью и порядочностью, что каждый житель среза мог бы с легким сердцем отдать в их руки решение вопроса - прав он или нет. Так пусть народ и выбирает судей из таких людей... И пусть, допустим, народ раз или два ошибется в своем выборе. Это не так страшно, ибо в его руках будет и право назначения, и право отзыва судей"³¹.

Весьма показательна также и разработанная радикалами система взаимоотношений самоуправленческих органов и центральной исполнительной власти. В проекте радикальной конституции записано: "Председатель срезской скупщины должен информировать правительство о каждом решении скупщины не позднее чем через десять дней после его принятия. Если правительство в тридцатидневный срок со дня принятия скупщиной решения не приостановит его, тогда оно автоматически приобретает силу закона для этого среза. Если же оно в течение этого времени приостанавливает исполнение решения скупщины, то оно должно в качестве аргумента привести закон, который нарушается этим решением и сообщить об этом очередной Народной скупщине, которая вправе или одобрить правительственное решение, или его отменить"³².

Как видим, решения местных органов самоуправления не может отменить никто, кроме Народной скупщины - верховного органа, выражающего суверенитет народа. Государственная исполнительная власть вправе лишь опротестовывать решения самоуправленческих органов общины и среза в суде, который

в этих отношениях выступает как своеобразный арбитр, ибо толкование законов входит в круг его функциональных обязанностей; право же на окончательное решение и в этом случае принадлежит Народной скупщине.

Радикальные идеологи придавали требованию самоуправления исключительное значение. Они даже считали его своеобразным критерием своей партии. Р. Милошевич подчеркивал: "Принципы самоуправления и выборного права – две главные черты, которыми радикальная партия отличается от других политических партий... никакая другая политическая партия не жаждет общинного, а тем более срезского самоуправления и принципа полной выборности. Только радикальная партия стремится децентрализовать власть в стране, требует полного общинного и срезского самоуправления"³³. Таким образом, идея самоуправления, доведенная в форме требования самоуправления (полного и повсеместного) до своего абсолюта, стала одним из главных "столпов" политической философии радикалов.

Другой ее важнейший элемент – это принцип верховенства суверенной народной воли, который, по мнению радикалов, должен был воплотиться через сосредоточение прерогатив верховной государственной власти в руках Народной скупщины. В программе партии это положение было выражено еще в достаточно осторожной форме. В ней подчеркивалось только, что "Народной скупщине новая конституция должна обеспечить полную законодательную власть", и что она "должна собираться ежегодно"³⁴. В положении о Великой народной скупщине отмечалось, что она "должна собираться периодически, и кроме остальных функций главная ее прерогатива – пересмотр конституции"³⁵. О взаимоотношениях Народной скупщины с короной в программе нет ни слова.

В проекте же радикальной конституции предполагаемые роль и значение верховного органа народного представительства показаны в полном объеме. Прерогативы его чрезвычайно широки. Народной скупщине фактически принадлежит верховная законодательная власть, так как король обладает, согласно

проекту, лишь правом отлагательного вето (§66). Она также осуществляет верховную власть над армией, мобилизация которой происходит только по ее решению (§30). Армия присягает на верность не королю, а конституции и обязуется ее защищать (§33). Скупщина имеет исключительное право утверждения бюджета (§77). Кроме того, в случае необходимости, только она может дать санкцию на получение иностранных кредитов (§64). Высший орган исполнительной власти в стране – Совет министров – ответственен только перед скупщиной (§110). Чиновники всех степеней и рангов присягают на верность конституции и закону, а отнюдь не монарху (§126). Всех членов срезских судов должен избирать непосредственно народ, членов же высших судебных инстанций должен утверждать король по предложению министра юстиции, но из кандидатов, отобранных скупщиной (§136). Кроме этих широчайших полномочий обычной скупщины отметим также, что Великая народная скупщина должна собираться, согласно проекту, раз в семь лет (§87), и что только она имеет право "толковать, менять или принимать конституцию"³⁶.

Что же в такой ситуации остается королю? Право утверждать чиновников по представлению ответственного перед скупщиной кабинета (§§94, 95). Право помилования и амнистии с известными, правда, оговорками (§96). Право представлять страну в международных отношениях и заключать договоры с иностранными государствами; последнее опять-таки со значительными ограничениями (§97). Право распускать или откладывать, но не более одного раза, обычную скупщину, которая должна собираться в установленный срок, и к выборам которой надлежит приступить сразу же после роспуска предыдущей (§76). Уже упоминавшееся право отлагательного вето. И наконец, право получать из государственной казны королевское "жалование", согласно величине утвержденного Великой народной скупщиной гражданского листа (§107). Прямо скажем, прав для монарха предусмотрено не слишком много.

Таким образом, совершенно очевидно стремление радикалов наделять исключительной властью Народную скупщину за счет

радикального, если не сказать решающего, сужения компетенции короны. Если к этому добавить принцип обязательной ответственности кабинета перед Народной скупщиной и его полную зависимость от последней³⁷, а также насаждение по сути культа выборного начала при производстве чиновников всех рангов и уровней, то становится абсолютно ясным, что идею суверенитета народа радикалы в 1883 г. намеревались претворить в жизнь в виде этакой конвентской модели государственной организации, в которой еще не было предусмотрено четкого разделения властей, как предполагают каноны классического парламентаризма, а наоборот, всеобъемлющий и всепроникающий авторитет Народной скупщины фактически определял единство всех властей. К этому лишь добавим, что, по справедливому замечанию С.Ивановича, проект радикальной конституции по существу предполагал создание своеобразной "республики во главе с монархом"³⁸, в силу чисто символического участия последнего во власти.

Теперь попытаемся вкратце определить истоки этих ультра-левых политических проектов радикальных лидеров. С точки зрения конкретных государственно-правовых идей на авторов радикального проекта конституции и прежде всего Пашича, по всей видимости, оказала наибольшее влияние концепция непосредственной демократии, заложенная в швейцарской союзной конституции, а также широкие самоуправленческие права, которыми пользовались отдельные швейцарские кантоны.

Эту точку зрения подтверждает тот факт, что большинство последователей С.Марковича, ставших впоследствии лидерами радикальной партии, получили образование в Цюрихе. Н.Пашич, к примеру, в 1868–1872 гг. обучался в знаменитой цюрихской высшей политехнической школе³⁹. Годы его учебы совпали с периодом острой внутриполитической борьбы в Швейцарии за пересмотр и демократизацию конституции 1848 г., закончившейся принятием в 1874 г. нового союзного основного закона⁴⁰. Эта борьба не могла не повлиять на молодого сербского студента. Г.Стоукс прямо указал на это воздействие: "Важным фактором, который мог повлиять на сербских

студентов в Цюрихе, был успех радикальной демократии в Швейцарии в 60-х гг. XIX века"⁴¹.

Не утратили интерес к швейцарской демократической практике последователи С.Марковича и после их возвращения в Сербию. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в 1880 г. Коста Таушанович - член Главного комитета радикальной партии - перевел на сербский язык работу Ч.Ховера "Швейцария, ее конституция, система власти и самоуправление"⁴².

Что же касается происхождения самого принципа "народ - источник и опора всякой власти", ставшего краеугольным камнем всей политической философии радикалов, то он, как представляется, имел более глубокие и в основном национальные корни.

Однако сначала необходимо сделать одно замечание методологического характера. Радикальная партия, как впрочем и любое другое политическое движение, имела две основные ипостаси: свою идеологию, т.е. определенный набор политических идей, и само движение, которое являлось элементом исторической реальности. Обе эти составные части радикального движения отличались сложностью, а также часто переплетались и оказывали влияние друг на друга⁴³. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при анализе политической концепции радикалов.

Говоря об основополагающей идее - верховенство народного суверенитета - следует прежде всего подчеркнуть, что отношение самого сербского народа, издавна пользовавшегося известным самоуправлением и платившего фиксированный налог, к элементам и структурам государства на протяжении всего XIX в. было достаточно негативным. Сначала это было неприятие османской государственности, затем, когда после двух восстаний Сербия получила государственность собственную, сербский крестьянин повернулся и против нее, ибо, как отметил Радован Самарджич, несмотря на то, что "Сербское княжество, чей аппарат заменил турецкий, и означало для того крестьянина достижение национальной независимости, за которую он боролся веками", он тем не менее "не желал ми-

ряться с тем, что кто-то вмешивается в его внутренний уклад жизни, причем это вмешательство шло в основном по пути увеличения, ввиду потребностей государственного строительства, его налоговых обязательств⁴⁴. Многочисленные крестьянские бунты и восстания, которыми был богат XIX в., прекрасное тому подтверждение.

Особое сопротивление сербское крестьянство оказывало самодержавным замашкам сербских князей. В народе сохранялись воспоминания о борьбе старого Совета во главе с Томой Вучичем за ограничение власти Милоша Обреновича. Свято-Андреевская скупщина 1858 г. по существу оказалась победой сербского народа над вторым представителем династии Карагеоргиевичей. Неприятие сильной центральной власти, таким образом, было весьма прочно заложено в сознании сербского народа. Вместе с этой, достаточно критической, позицией по отношению к государству сербский крестьянин также крайне негативно относился и к политике вообще. И столица, и государственный аппарат, и двор существовали в его сознании где-то далеко и появлялись в поле его зрения, вмешиваясь в его жизнь, только в неблагоприятные моменты, только с плохими вестями⁴⁵.

Вовлечение же крестьянства в радикальную партию было решающим моментом в процессе политической эмансипации сербского села и началом длительного и нелегкого пути от негативного отношения к принятию своего национального государства. Сербский крестьянин становился, таким образом, строителем собственного дома, и в этом огромная заслуга радикалов. Однако на первом, самом сложном этапе этого пути вряд ли еще могло быть сформулировано сознание необходимости сбалансированного соответствия интересов крестьянства и государства. Государство в виде экономически немотивированного бюрократического аппарата отрицалось политизированным крестьянством полностью; в противовес ему в качестве идеала выступало этакое фантастическое крестьянское государство. Созданию имиджа этого государства в народном сознании немало способствовал А. Богосавлевич. Радикалы с Пашичем во главе под-

хватили эстафету А. Богосавлевича в деле политизации крестьянства и, добившись в этом замечательных результатов, провозгласили лозунг о "первородстве" народного суверенитета, и, более того, в своем проекте конституции они предложили воплотить этот лозунг в самом крайнем, во многом просто нереальном в тех исторических условиях, виде. Так, движение масс, порожденное конкретной идеей, своей активностью влияет опять-таки на идею, радикализуя ее до крайности⁴⁶.

Далее. Как представляется, идеологическая основа радикализма непременно должна была приспособливаться к самому факту массового партийного, в основном крестьянского, членства. В подобных условиях достаточно сложные политические идеи, рожденные далеко за границами Сербии, чтобы с помощью активной агитации приблизиться и овладеть все еще в своем большинстве неграмотным сербским крестьянством, должны были значительно упроститься. Таким образом, возросшая односторонность политических идей и всплеск демагогии оказались естественным следствием этого процесса. Радикальная интеллигенция, разделяя принцип суверенитета народа, провозглашенный еще Великой Французской революцией, в сербских условиях трансформировала его в демагогическую борьбу за утопическое народное государство.

Кстати, элементы утопии в политической доктрине радикалов встречаются весьма часто. В качестве примеров приведем полное отрицание ими всякого государственного аппарата, без которого, как известно, никакое государство нормально функционировать не может, а также требование роспуска регулярной армии и замены ее народным ополчением⁴⁷.

В заключение следует подчеркнуть, что лишь пройдя через горнило Тимокского восстания, радикальная партия освободится от своего конфронтационного радикализма первых лет, когда, выражаясь словами М. Джорджевича, партия поставила перед собой задачу "во имя выполнения собственной программы расчитаться с режимом"⁴⁸. Не минует определенная эволюция и политическую доктрину радикальной партии. Именно после Тимокского восстания она постепенно избавится от прежних край-

ностей конвентского подхода и оформится в законченную концепцию парламентской демократии. Этот процесс будет связан с именем радикального лидера второго поколения Милована Миловановича. Именно его идеи о парламентском правлении составят основу текста радикальной конституции 1888 г.⁴⁹, который по существу обозначил логический финал развития политической доктрины радикальной партии.

Таким образом, оценивая развитие радикальных политических идей в 1881–1883 гг., можно констатировать, что они пребывали в постоянном развитии, причем их эволюция в направлении радикализации, было связано с резким усилением политической активности крестьянства, которое выразилось в его массовом вступлении в радикальную партию. Важная особенность периода 1881–1883 гг. заключалась в том, что и идеи, и движение взаимно влияли и радикализировали друг друга. Причем необходимо отметить, что политическая идея радикалов о суверенитете народной воли (сама эта идея, несомненно, европейского происхождения) в образе фантастического народного государства, выросла из традиционного негативного отношения сербского крестьянства к бюрократическому паразитирующему государству. Об этом, кстати, свидетельствует и то, что эта идея, впервые высказанная А. Богосавлевицем в достаточно осторожной форме и доведенная до своего абсолюта радикалами, была поддержана огромным большинством крестьянского населения Сербии. Более того, народ видел в радикалах верных последователей и продолжателей дела А. Богосавлевица, прежде всего имея в виду преэминентность именно этой идеи – мечту о дешевом народном государстве.

Тот факт, что конкретная модель государственно-административного устройства как воплощение этой идеи, оказалась заимствована радикальными идеологами из самой демократической конституционной системы Европы⁵⁰, как представляется, несколько не умаляет национальных корней политической концепции радикалов⁵¹.

2. Экономическая доктрина радикальной партии

В программе радикальной партии нет сколько-нибудь четкой и законченной экономической концепции, да это и неудивительно, если вспомнить компромиссный характер документа. В ней присутствует лишь одно положение, в какой-то степени относящееся к сфере экономики – требование коренной реконструкции финансовой системы страны. Ее, по замыслу радикалов, должен был возглавить народный банк с достаточным количеством местных отделений, которые бы "манипулировали всеми государственными доходами и расходами...", а особенно помогали бы правильно организованным кредитом развитию сельскохозяйственного производства и подъему уровня ремесла и промышленности"⁵².

Отметим, кстати, что это требование реорганизации финансовой системы в стране имеет много общего с аналогичным разделом программы реформ А.Богосавлевича, вынесенным на рассмотрение скупщины, как уже упоминалось, в январе 1876 г.⁵³ Однако, констатируя это формальное сходство, подчеркнем, что экономическая доктрина радикалов существенно отличалась от соответствующих взглядов А.Богосавлевича. Главное отличие состояло в разности подходов к экономическим задачам государства.

Вспомним подход А.Богосавлевича, отличительной чертой которого был узкий прагматизм. Выступая, к примеру, за изменение финансовой системы в стране, он предлагал создать сеть сберегательных касс для обеспечения прежде всего сельских производителей дешевым кредитом. Выдвигая на первый взгляд комплексное требование о необходимости государственной заботы о "промышленных предприятиях, железных дорогах, пароходах, каналах, тоннелях и т.д."⁵⁴, А.Богосавлевич и тут имел в виду в первую очередь интересы крестьянского сословия, так как видел взаимную зависимость между необходимостью развития определенных отраслей народного хозяйства и повышением уровня сельскохозяйственного производства. Все объекты, за развитие которых он ратовал, должны были составить по сути инфраструктурную основу аграрного сектора, ибо

речь идет прежде всего о развитии средств транспорта, и, тем самым, обеспечить единство внутреннего рынка, что в конечном итоге, наряду с дешевым кредитом, привело бы к повышению благосостояния сербского крестьянского народа.

Ярким примером этого прагматического подхода были перманентные требования и предложения А. Богосавлевича о сокращении жалования чиновникам, о развитии, но не чрезмерном, самоуправления с целью уменьшения численности бюрократического аппарата и снижения, таким образом, непроизводительных государственных расходов. Цель всего этого очевидна – остановить перекачку крестьянских средств, направляемых в виде налогов на содержание чрезмерной и нерациональной государственной машины, с одной стороны, оставляя их в руках самого товаропроизводителя и способствуя тем самым расширенному воспроизводству, а с другой стороны, стимулируя развитие инфраструктуры сельскохозяйственного производства, что также вело бы к общему прогрессу крестьянского хозяйства.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что дальше защиты интересов крестьянского сословия мысль А. Богосавлевича не распространялась. Он до конца жизни остался чрезвычайно последовательным в своем крестьянском прагматизме и своей деятельностью выразил протест сербских крестьян против современного государственного порядка, выведя из их "первобытных" пожеланий "управляться самими собою на лоне их старинной общины и как можно менее платить налогов", а также "не создавать весьма многочисленного класса чиновников, живущего за их счет"⁵⁵, альтернативную, но достаточно утопическую идею народного (крестьянского) государства.

Радикалам же был свойственен другой, более сложный подход к проблемам экономического будущего Сербии. Но сначала отметим, что сделав основную ставку на вовлечение крестьянства в орбиту своего движения, радикальные лидеры, естественно, не могли оставить его экономические интересы без внимания. И защищая их, они фактически шли до определенного момента путем А. Богосавлевича.

Так, разъясняя крестьянским делегатам радикального съез-

да положение партийной программы о необходимости коренной перестройки финансовой системы в стране, П.Тодорович в более законченном, правда, виде по существу воспроизвел мысль А.Богосавлевича о кредите: "Государство должно стараться, чтобы трудящемуся, производительному классу народа обеспечить дешевый кредит, чтобы он не был вынужден брать в долг и, тем самым, попадать в зависимость от ростовщиков и спекулянтов, что привело бы к его разорению"⁵⁶. Можно с уверенностью констатировать, что именно так мыслил А.Богосавлевич, когда предлагал ввести систему сберегательных касс для кредитования сельских производителей.

Далее. Для радикальных идеологов была очевидной и неразрывная связь между подъемом уровня промышленности и рационализацией крестьянской экономики, а следовательно, облегчением самой возможности использования сельскими тружениками результатов своего труда, связь, наличие которой, как уже отмечалось, осознал А.Богосавлевич, выступив за развитие некоторых неаграрных отраслей народного хозяйства. Подтверждением этого служит высказывание виднейшего радикального экономиста Миши Вуича: "Следует однажды и раз и навсегда прийти к выводу, что земледелие не сможет усовершенствоваться без подъема отечественной промышленности. Рациональное земледелие не сможет существовать без близких рынков, а их существование связано с промышленностью. Пока наш крестьянин должен посредством внешней торговли искать для своих сельскохозяйственных продуктов дальние рынки, до тех пор он вынужден продавать свою продукцию по более низким ценам, так как эти цены господствуют на иностранных рынках. Кроме того, большой ущерб приносят транспортные расходы"⁵⁷. Как видим, до определенного момента радикальная экономическая мысль развивается в том же русле, что и идеи А.Богосавлевича. Однако, последний, в силу своей чисто крестьянской ограниченности, остановился на полпути, ибо только прогресс сельскохозяйственного производства являлся для него основным и, пожалуй, единственным стимулом развития промышленности, вернее отдельных ее отраслей.

Радикалы же на этом "промежуточном финише" не остановились. Их мысль продвинулась дальше. В подтверждение этого приведем заявление того же М. Вуича, которое на многие годы стало главным стержнем экономической доктрины радикальной партии: "Направление, которым нам следует идти в проведении экономической политики... это направление, ведущее к образованию нашей отечественной народной промышленности (подчеркнуто в оригинале. - А.Ш.). Если мы хотим поднять как можно быстрее уровень промышленности страны, и чтобы эта промышленность была действительно народной, а не иностранной, то прежде всего государство должно, хотя бы на первых порах, приложить к этому свои усилия и с помощью своих кредитов помочь поднятию уровня необходимых отраслей промышленности в стране на основе объединения и взаимопомощи"⁵⁸.

Другими словами, главная цель радикальной экономической платформы - это по возможности быстрая индустриализация страны, которая должна была стать важнейшим условием экономической самостоятельности Сербии. В условиях значительно усилившейся после Берлинского конгресса внешнеполитической экспансии Австро-Венгрии, вытеснившей с сербских границ агонизирующую Турцию и стремившейся к полному экономическому и политическому подчинению Сербии, экономическая эмансипация последней, за которую выступали радикалы, мыслилась ими как необходимая гарантия недавно обретенной политической независимости. Эта позиция радикалов была единственной, которая отвечала сербским национальным интересам и защищала их.

Таким образом, и это следует еще раз выделить, в основе экономической платформы радикальной партии лежали интересы сербского национального государства и задачи сохранения его политической независимости. К этому добавим, что подобная постановка вопроса радикалами не могла не прийти в известное противоречие с подходом А. Богосавлевича, ибо их стремление к экономической самостоятельности страны было объективно не чем иным, как, говоря словами Драгиши Лапчевича, "очевидной тенденцией к подъему собственного капитализма"⁵⁹.

что уже выходило за рамки узкой крестьянской прагматики и отнюдь не вело к осуществлению социальной утопии А. Богосавлевича в виде создания народного государства.

Стремление радикальных лидеров заставить государство своими кредитами помогать росту промышленности страны было по существу желанием отыскать централизованный регулирующий орган, который должен был, используя средства, полученные в основном в виде налогов с крестьян, вкладывать их в отрасли промышленности, материальная помощь которым была наиболее необходимой и целесообразной.

А. Богосавлевич всей своей деятельностью стремился прекратить эксплуатацию крестьянства государством (именно на это были нацелены требования "удешевления" государственного аппарата и сокращения непроизводительных расходов), стараясь добиться "перелива капиталов" из сферы содержания бюрократии в отрасли, выгодные исключительно крестьянскому сословию (транспорт, связь и т. д.). Радикальными же идеологами вопрос ставился иначе: средства, полученные от крестьянства, должны перераспределяться в отрасли промышленности, выгодные государству, причем эта выгода зависела не от внутренних, крестьянских пожеланий, а от потенциальной способности сербской экономики сопротивляться натиску извне. В этих условиях, следовательно, эксплуатация государством крестьянского сословия отнюдь не прекратилась бы, она приняла бы другие, завуалированные формы. И крестьянство, таким образом, оказалось бы классическим источником "первоначального накопления капитала".

Подведем итог. Основная идея экономической платформы радикальной партии, идея, так сказать, второго порядка, объективно находилась в противоречии с "первобытной" идеологией а'ля А. Богосавлевич, выразителем и продолжателем которой лидеры радикалов демагогически объявили свою партию. Однако это противоречие довольно долго оставалось теоретическим и не влияло на практические взаимоотношения между радикальными лидерами и крестьянскими массами, которые видели в них последовательных выразителей своих ин-

тересов и наследников А.Богосавлевича. В первый (оппозиционный) период существования и деятельности радикальной партии ее лидеры все равно не смогли бы применить свои теоретические установки на практике в той мере, в какой они это замыслили, из-за решительного противодействия Милана Обреновича, в практической борьбе с которым, вернее с бюрократическим государством которого, никаких принципиальных разногласий у А.Богосавлевича и радикалов, как уже говорилось, не было. В последующие же годы, после "победы" над Обреновичами, радикальной партии удалось сохранить свой авторитет среди крестьян, с одной стороны, благодаря установлению "конституционного порядка", а с другой, умелой переориентации внимания населения, заметим – уже ею подготовленного, на решение внешнеполитических задач, хотя в это время эксплуатация крестьян "радикальным" государством шла полным ходом.

Как видим, при чисто внешнем сходстве "экономических" формулировок А.Богосавлевича и радикальных лидеров, между ними существовала принципиальная разница. Если в сфере политической радикалы в своей предпобедной эйфории выдвигали крайне популистские и поэтому во многом демагогические требования, то экономический аспект их идейной доктрины отличался значительно большим реализмом и взвешенностью. В своих политических проектах 1881–1883 гг. радикалы не только защищали, но и выражали интересы крестьянства в его изначальной, традиционной борьбе против бюрократического государства.

Что же касается экономической сферы, то здесь, как уже было сказано, радикалы выражали объективные интересы независимого Сербского княжества (королевства) – новой геополитической реальности – защите которого и была подчинена их экономическая доктрина. Таким образом, угроза экономического порабощения Сербии со стороны габсбургской монархии, которое автоматически привело бы к политическому вассалитету и девальвации самого понятия сербской самостоятельности, породила новый, в данном случае единственно возможный, национальный подход в вопросе об экономических перс-

пективах Сербии. Ставилась задача достижения экономической эмансипации страны на базе развития собственной промышленности и отпора торгово-экономическому натиску Дунайской монархии. Такой подход носил протекционистский характер. Цель этих планов экономической "модернизации" для националистов радикалов очевидна – укрепление и реальное обеспечение политической независимости страны.

Надо отметить, что экономические воззрения радикалов не были оригинальными – идеи протекционизма и защиты собственной экономики еще с XVII в. активно разрабатывались и применялись в Европе. Специфику сербскому случаю придавало решающее значение фактора политического – быть или не быть де-факто сербской независимости. Острота этой проблемы и направляла радикальную экономическую мысль к концепции опоры на собственные силы и протекционизма.

3. Взгляды радикалов на проблемы внешней политики

В программе радикальной партии торжественно провозглашено: "Целью нашего государственного устройства мы считаем: внутри страны – народное благосостояние и свободу, а вне ее – государственную независимость и освобождение и объединение остальных частей сербского народа". В областях, населенных сербами и находившихся еще под властью иностранных держав – Австро-Венгрии и Турции, программа радикалов предполагала "организацию культурной помощи...", а также пробуждение сознания нашего народного единства в самых удаленных сербских областях"⁶⁰.

Очевидно, что радикальные идеологи четко представляли себе главную историческую задачу сербского народа – национальное освобождение всех сербов и объединение их в едином независимом государстве. Однако встает вопрос – какими методами и средствами предполагали радикалы добиться выполнения этой "заветной" цели.

Приведем для начала мнение С. Ловановича по этому поводу: "Радикальная партия в начале своей деятельности не была ни австро-фильской, как напредняцкая партия, ни руссо-фильской, как либералы. Воспитанные в школе русских социа-

листов, радикалы без симпатий относились к царской России. В своих внешнеполитических воззрениях они придерживались программы С.Марковича: согласно этой программе, освобождение Балканского полуострова должно было произойти путем объединения усилий самих балканских народов без "покровительства" какой бы то ни было великой державы⁶¹. А так ли это?

На первый взгляд, это действительно так. Многие радикальные лидеры, и в первую очередь П.Тодорович, продолжали вслед за С.Марковичем считать, что спасение балканских народов - дело рук самих этих народов. Он, к примеру, заявил на "съезде" в Крагуеваце: "Наша партия считает, что единственное наше спасение от соседей с явно грабительскими наклонностями лежит в согласии и союзе (федерации) балканских народов... Столь желаемый нами союз балканских народов - это не какая-то красивая, но недостижимая фантазия... Основа этого союза много реальнее. Это хорошо понятые собственные интересы каждого члена балканского союза. Следовательно, не только кровное родство и единоплеменность, но и собственные интересы толкают все балканские народы к единому совместному сообществу ради обеспечения собственного будущего"⁶².

Вторит П.Тодоровичу и другой видный деятель радикальной партии, также член ее Главного комитета Йован Джая. На том же "съезде", остро критикуя проавстрийскую политику напредняцкого правительства, он подчеркнул: "Наша внешняя политика должна всегда руководствоваться следующими основными помыслами: первое - освобождение всего сербского народа; второе - освобождение всех остальных балканских народов, так чтобы Балканским полуостровом владели только те народы, которые его населяют; и третье - прочный союз между независимыми балканскими государствами. Первым шагом к решению этих огромных задач должны стать единение и согласие между нами, Болгарией и Черногорией"⁶³.

Как видим, в руководстве радикальной партии при выработке внешнеполитической концепции действительно широкое

распространение получила теория балканской солидарности и союза (федерации) балканских народов, другими словами, установка на решение Балканского вопроса объединенными усилиями самих народов этого региона с опорой на собственные силы, причем отметим, что подобная постановка вопроса в самом деле напоминала в некоторой степени федеративные "рецепты" решения национального вопроса, разработанные в свое время С.Марковичем.

Учитывая примат этой "союзной" установки, интересно отношение ее сторонников в руководстве радикальной партии к вопросу о целесообразности при решении балканского национального вопроса опираться на ту или иную великую державу. П.Тодорович заострил на этом внимание в своей речи на радикальном съезде: "Расчеты на опору на великие державы - на Россию или Австрию - всегда чреватны; конечно, не исключены обстоятельства, при которых Россия придет на помощь, но балканские народы в первую очередь должны надеяться только на себя и на взаимную помощь друг другу"⁶⁴. В редакционной статье от 31 марта 1881 г., т.е. еще более чем за год до съезда в Крагуеваце, "контролируемая" П.Тодоровичем "Самоуправа" в очередной раз провозгласив, что "наше спасение, наше избавление от опасности с Севера и от страха с Запада - это федерация балканских народов (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. - А.Ш.), расчетливо отметила: "Хотели бы мы этого или не хотели, но мы все еще должны искать опору у какой-нибудь "великой державы"... Сербская внешняя политика... может и должна быть твердой и полной достоинства, но вместе с тем мудрой и осторожной, не теряющей никогда из виду свою основную цель - балканскую федерацию, но и сохраняющей холодную учтивость по отношению к Австрии и опору на Россию до тех пор, пока нам, к несчастью, эта опора необходима. Мы признаем, что могут быть моменты определенного военного сближения с Австрийской империей, но оттолкнуть Россию насовсем и навсегда броситься в объятия Австрии - мы это ни в коем случае не можем принять в качестве постоянной политической тенденции; когда

есть возможность среди двух зол, следует иметь в виду, что Россия всегда зло меньшее"⁶⁵.

И.Джая также отметил в своей речи: "В политике нет симпатий, есть только расчет; исходя из этого, мудрость нашей внешней политики должна состоять в том, чтобы искать защиты и опоры у тех великих держав, чьи расчеты совпадают и не приходят в столкновение с нашими, чьи интересы не противоречат решению наших народных задач"⁶⁶.

Итак, очевидно, что радикальные лидеры, сделавшие ставку на совместные интересы балканских народов, на желательность объединения их усилий в деле их же национального освобождения, тем не менее сознавали, что необходимым, хотя и маложелательным, условием успешной внешнеполитической деятельности, "к несчастью", является лавирование между великими державами, игра на их противоречиях, считая при этом царскую Россию лишь меньшим и вынужденным злом по сравнению с Австро-Венгрией, оккупировавшей Боснию и Герцеговину.

Подобное нелицезнующее мнение о России всего лишь как о меньшем зле, а также вымученность признания о неизбежности при определенных обстоятельствах опоры на нее, исходили, как представляется, из традиционной глубинной антипатии "крайних" радикалов типа П.Тодоровича к официальной России, которая оставалась для них, по выражению "Самоуправы", "деспотическим государством"⁶⁷. Подобная неприязнь ярко проявилась в остро критическом изображении "Самоуправой" российской действительности, негативный характер которого особенно усилился после царевубийства 1 марта 1881 г. Тезисы о том, что "горький опыт Александра II ничему не научил Александра III", и что "абсолютизм и далее усиливается, добавив в свою программу еще и войну либерализму"⁶⁸, и т.д. часто появлялись на страницах радикального органа.

Кстати, негативное отношение к тогдашним российским порядкам части радикальных функционеров, в частности членов редакции "Самоуправы", особенно сказалось в нежелании "дипломатично" откликнуться на смерть Императора Всероссийского.

И.А.Кулаковский с негодованием записал в дневнике: "Их (радикалов. - А.Ш.) орган не написал даже статьи о смерти великого благодетеля Сербии. Я заметил это Раше (Милошевичу. - А.Ш.), тот сказал, что было поручено ему написать статью о покойном государе, что он написал ее, но остальные или многие сочлены партии нашли статью слишком много говорящей и потребовали ее изменения. Раша разорвал статью, не желая допускать в ней изменений. Может быть, он был и прав, потому что между сербскими радикалами есть люди, которые действительно подозрительны, которые могли бы осквернить память Государя... глупейшими выходками крайних радикалов"⁶⁹.

В этой связи исключительно любопытным представляется тот факт; что подобные воззрения части радикальных руководителей на царскую Россию и ее политику в корне расходились с традиционными симпатиями к ней сербского населения, несмотря на определенное разочарование в Сербии поведением петербургского кабинета при заключении Сан-Стефанского договора. В подтверждение этого приведем несколько высказываний представителей различных политических кругов.

Сербский митрополит Михаил, который, по оценке В.В.Макушева, "как русский воспитанник, относится к России с любовью и надеждой, а к русским - с полной готовностью услужить и помочь в случае нужды"⁷⁰, в письме Ап.А.Майкову, к примеру, подчеркивал: "Народ (сербский. - А.Ш.) вообще жаждет связи, дружбы и покровительства России, хотя официальная сфера тянет к Австрии во вред и себе, и народу нашему"⁷¹. С другой стороны, Ч.Миятович, министр иностранных дел в правительстве М.Пирочанца, чья подпись стоит под знаменитой "Тайной конвенцией", описывая ситуацию, сложившуюся накануне ее подписания, отмечал: "Большинство сербского народа было всегда русофильски настроено. Каждый серб знал, что сербы и русские этнически очень близки, что оба народа принадлежат к одной славянской семье и к единой, восточноправославной церкви, что все их церковные обряды идентичны и исполняются на общем старославянском языке и что их собственные языки очень похожи, хотя и не идентичны.

Каждый серб наполнялся почти личной гордостью, ощущая силу и величие России"⁷². И наконец, мнения самих русских. А.И. Персиани доносил в Петербург 25 мая 1883 г.: "Преданность народа растет по мере того, как в правительственных кругах усиливается австрийское влияние. Я могу смело сказать, что имя России популярнее ныне в Сербии, чем даже после последней войны"⁷³. Похожее сообщение содержится также и в письме Кулаковского И.С. Аксакову: "Бельгийский посланник, который путешествовал по Сербии... рассказывает, что ему народ говорил по поводу слухов о речах Миятовича, будто Сербия пойдет за Австрией против России, так: "Ни одно ружье не будет против России, а все ружья, сколько их у нас есть, будут направлены против Австрии"⁷⁴.

Как видим, отношение сербского народа к России оставалось неизменно дружеским и доброжелательным. К этому лишь добавим, что многие радикальные функционеры на местах ощущали это несоответствие негативного отношения к официальной России со стороны отдельных партийных лидеров в Белграде и устойчивых прорусских симпатий в среде сербского народа. Мало того, они призывали белградских лидеров не афишировать особенно это свое отношение. Так, в письме смедеревского местного комитета радикальной партии Главному комитету от 30 декабря 1882 г., к примеру, подчеркивалось: "Мы бы хотели, чтобы при освещении в нашем общественном органе "Самоуправа" русских сюжетов выбирались, по возможности, менее острые выражения, когда дело доходит до критики..., так как нам надо постоянно иметь в виду, что нам необходимы не только симпатии русского народа, но и его правительства"⁷⁵.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно с уверенностью констатировать, что часть радикальных руководителей во главе с П.Тодоровичем в вопросе о внешнеполитической стратегии была верна идее союза балканских народов. Вынужденно признавая на словах необходимость лавирования между великими державами и опоры на "деспотическую" Россию, эта часть радикалов сделала главную ставку на объединение сил самих балканских народов в деле совместного решения и х на-

циональных проблем, показателем чего явилось их явно негативное отношение как к Австрии, так и к России, что находило отражение на страницах "Самоуправы" и не скрывалось даже в интересах тактики. Эта внешнеполитическая линия части радикального руководства полностью соответствует определению, данному С.Ивановичем.

Однако, в руководстве партии существовала и иная точка зрения относительно возможных внешнеполитических шагов. Ее выражал Н.Пашич. Выше уже отмечалось, что его взгляды по национальному вопросу подверглись в 1878–1880 гг. под воздействием серьезных внешнеполитических и геополитических изменений значительной эволюции. Идея Балканской федерации в том виде, в каком ее замыслил С.Маркович, практически перестала звучать и была заменена "прадедовской задачей сербского освобождения и объединения". Новая внешнеполитическая обстановка требовала новых методов в решении национального вопроса.

Прежде всего отметим, что и в 1881–1883 гг., имея в виду стратегические цели, Пашич оставался верен "прадедовской задаче". В тексте одного из его выступлений, посвященных краху компании Бонту, обнаруживается прямое тому подтверждение. В нем Пашич так сформулировал стоящие перед прогрессивными силами страны задачи: "Внутри страны – народное благосостояние и народные свободы и самоопределение, а вне ее – во-первых, сохранение Сербии, а затем освобождение и объединение с остальными братьями"⁷⁶.

К этому добавим, что в 1882 г. австрофильская политика Милана Обреновича и зависимого от него кабинета напредняков достигла своего апогея. Уже подписана "Тайная конвенция", ограничившая по сути политический суверенитет страны; за эту капитуляцию Австрия поддержала сербского монарха в его честолюбивых планах провозглашения Сербии королевством и выступила негласным гарантом его династии. Пашич вряд ли догадывался об этой скрытой взаимосвязи, но все усиливающаяся безрассудность, с которой король Милан, по выражению С.Д.Сказкина, "шел напролом... против своего

народа"⁷⁷, в объятия габсбургской монархии, подсказывала ему, что главной задачей момента является сохранение и гарантия сербского независимого государства, которое в тех условиях, как писала "Самоуправа", "Австрия может проглотить, как только у нее проснется аппетит"⁷⁸.

В подобной ситуации, при явно антинациональной политике Милана Обреновича, который, как заметил М.Иованович-Стоимиревич, "ненавидел Россию, Черногорию и радикалов"⁷⁹ и который, добавим, боясь и презирая быстро радикализирующийся народ собственной страны, пошел ради своих эгоистических целей фактически на закулисный сговор с венским кабинетом, стремление к сохранению самостоятельности сербского государства, а уж тем более мечты о решении "прадедовской задачи освобождения и объединения" на практике не могли не перейти в плоскость открытой борьбы с режимом короля Милана. В одном из писем из эмиграции Пашич отметил по этому поводу: "Мы в Сербии вели борьбу более всего потому, что правитель Сербии отошел от сербской традиционной политики, ибо он забыл о неосвобожденных сербских землях; что он забыл о славянстве, о старых и верных в беде надежных союзниках и помощниках, что он забыл о Боснии и Герцеговине, Старой Сербии и Македонии"⁸⁰.

Однако, борьба против режима Милана могла увенчаться успехом только при наличии серьезных ему противовесов. Пашич, который, как верно заметил С.Иованович, "с меньшим безоглядным оптимизмом молодости, чем остальные радикальные лидеры смотрел в будущее"⁸¹, не мог этого не осознавать. И если для победы внутри страны, по его "сценарию", достаточно было иметь на своей стороне "заведенный" демагогией и агитацией радикалов народ, к этому же еще и вооруженный, то для международной гарантии этой победы нужны были могучие и надежные покровители. Речь идет в первую очередь о России. Рассмотрим этот вопрос более детально.

Для этого вернемся к определению С.Иовановича, приведенному в начале наших рассуждений. Подчеркнув, что "воспитанные в школе русских социалистов, радикалы не испыты-

вали симпатий к царской России", историк далее продолжает: "Пашич, между тем, в эмиграции пришел к выводу, что даже если Россия не нужна балканским народам в деле освобождения Балкан, то она необходима радикалам в деле свержения Милана"⁸². И как логическая реализация этого вывода, последовало, по словам С.Ивановича, то, что "в эмиграции он (Пашич. - А.Ш.) установил связи с русскими, и эти связи уже никогда не прерывались. Русским его рекомендовал Митрополит Михаил, который также находился в эмиграции"⁸³.

Мнение историка, как видим, однозначное. Он полагает, что только после поражения Тимокского восстания и бегства из Сербии Пашич пришел к мысли о целесообразности использования русской поддержки в деле устранения Милана Обреновича и впервые вошел в контакт с российскими представителями. Впрочем, и эти контакты, как считает С.Иванович, отличались поначалу осторожностью, ибо "в это время он еще не выглядел законченным русофилом"⁸⁴.

Приведем некоторые другие точки зрения относительно вероятного "начала" русофильства Пашича. Мнение С.Ивановича разделяет издатель известного радикального альманаха Душан Шиячки: "Еще во время эмиграции Пашич установил тесные связи с русскими официальными кругами"⁸⁵. Согласно более осторожному мнению младшего современника Пашича М.Ивановича-Стоимировича, "он пользовался неограниченным доверием России, которое заслужил, судя по всему, еще до 1885 г. Это все, что, — по его мнению, — можно с определенностью заключить"⁸⁶. Бывший дипломатический представитель Сербии в России Димитрие Попович заявил более прямолинейно: "Еще с начала своей политической карьеры Пашич был и навсегда остался непоколебимо преданным союзником России"⁸⁷. Сенсационно-скандальную точку зрения на истоки русофильства Пашича высказал в свое время публицист Светолик Гребенац, заявивший в беседе с М.Ивановичем-Стоимировичем, что "Пашич вернулся после учебы из Швейцарии в Сербию, уже будучи агентом русской тайной полиции, которая и направила его в среду сербских социалистов и нигилистов, чтобы иметь представление об

их связях с русскими социалистами и нигилистами⁸⁸. Эту же мысль С.Гребенац высказал и печатно, предположив, что именно это "качество" Пашича и было причиной того, что "характер его связей с Азиатским департаментом петроградского министерства иностранных дел намного превосходил нормальные дружеские отношения, которые существуют между двумя союзническими государствами", и что он приглашался на "обеды в интимном кругу императорской семьи". "Подобной чести, - резюмирует автор, - удостоивались лишь самые преданные друзья императорской фамилии"⁸⁹. Отложим эту версию, ибо ее все равно доказать невозможно, и обратимся к реальным событиям 1881-1883 гг.

Уже говорилось о практически однозначном отношении сербского народа к России, о его все возрастающих симпатиях к ней в условиях усиливающейся экспансии Австро-Венгрии и капитулянтской политики короля Милана и правительства напредняков. Пашич тонко чувствовал эти настроения и, надо отметить, всячески поддерживал их. В своих выступлениях перед народной аудиторией он всегда подчеркивал значение русской поддержки и помощи, особенно во время двух минувших войн. Говоря, к примеру, о крахе компании Бонту, Пашич заявил: "Австрия всегда препятствовала развитию Сербии. Ради собственной выгоды она стремилась спасти и сохранить Турцию. После Джуниса Австрия ликует, а Россия остаивливает турок"⁹⁰. В связи с этим исключительно интересны как его личное отношение к Сан-Стефанскому прелиминарному договору (подписав который, Россия, как известно, дала ясно понять, что намерена разыгрывать "болгарскую карту", значительно ущемляя при этом интересы своего недавнего союзника - Сербии) так и его трактовка этого документа в выступлениях перед крестьянскими массами.

Лично Пашича позиция России, естественно, не могла не разочаровать: вспомним его оценку Сан-Стефанского договора, положения которого, по его словам, "как громом поразили сербские идеалы". Вместе с тем, в общении с народом он отнюдь не афишировал это свое видение проблемы. Прекрасно

понимая, что "хотя Сан-Стефанские прелиминарии и подверглись значительной ревизии на Берлинском конгрессе, в сердце сербского народа осталась—таки глубокая рана — оказалось, что Сербия вела две войны с Османской империей в пользу болгарского, а не своего народа"⁹¹, Пашич стремился развеять это неблагоприятное впечатление, рожденное некорректной политикой России. Любопытна его публичная оценка Сан-Стефанского договора, вернее мотивов, толкнувших Россию к его заключению. В своем "депутатском" отчете перед населением Заечара 2 июня 1881 г. Пашич заявил: "Первую войну мы начали без союзников и вопреки советам России... Фактически мы вступили в войну против ее воли. Чем все закончилось, вы хорошо знаете. И опять мы должны были благодарить русского царя, к советам которого до этого не хотели прислушаться, за то, что он остановил врага после нашего несчастного поражения под Джунисом и тем самым спас страну от разорения. Во время первой войны мы получили от России заем от 6 до 7 миллионов динаров, во время второй войны Россия нам подарила примерно такую же сумму.... Между тем, наша внешняя политика всегда действовала против советов России и стремилась уверить европейские державы, что она слепо не следует этим советам, и искала симпатий и поддержки у Западной Европы. В конце концов не мудрено, что она потеряла симпатии России. И когда все эти обстоятельства берутся в расчет, и плюс к тому то недоверие, с которым русское правительство относилось к кабинету Ристича., только тогда можно понять поведение России при заключении Сан-Стефанского мира и на Берлинском конгрессе"⁹².

Совершенно очевидно, что Пашич намеренно искажал действительное положение вещей, возлагая всю вину на якобы бездарную "антирусскую" политику Ристича, каковой, заметим, она никогда не была, и считая именно ее причиной сан-стефанского поворота "обиженной" России. Этой трактовкой событий Пашич по сути убивал двух зайцев. С одной стороны, он еще более дискредитировал Ристича в глазах народа, а с другой, он, отметим, уже признанный народный лидер, пуб-

лично, всенародно отпускал России ее сан-стефанский "грех", давая простому сербскому крестьянину шанс укрепить его пошатнувшуюся было веру. Ведь всякая сентиментальная натура долго не может признать крах идеала и стремится ухватиться за спасительную соломинку любого рационального объяснения, даже если оно называет отнюдь не действительные, а мнимые причины и мнимых виновников этого краха. Отношение же сербского народа к единой, единокровной защитнице России, как к "старшей славянской сестре", отличалось сентиментальностью и святостью⁹³. Пашич вовремя почувствовал это отношение и своей "святой ложью" по сути укрепил его, "позволив" российской дипломатии выйти сухой из воды и заклеив попавшегося под руку Гистича.

С.Д.Сказкин в свое время очень верно уловил суть подобной деятельности радикальных агитаторов⁹⁴. "Сербские националисты, - писал историк, - как ни велики были их разочарования в России после русско-турецкой войны - Россия сделала ставку на Болгарию и покинула Сербию на произвол Австрии - продолжали всячески поддерживать русофильские настроения в расчете на помощь России против Австрии. Они не боялись вмешательства русского абсолютизма в их дела. Россия слишком далека для того, чтобы производить в Сербии эксперименты, но угроза Австрии русской дружбой была бесполезной"⁹⁵. Сербские националисты в данном случае - это прежде всего Н.Пашич и его сторонники.

Быстро сориентировавшись в условиях экономического и политического наступления Австро-Венгрии, определив, что в массах все еще господствовали прорусские настроения и публично с ними солидаризировавшись, т.е. заручившись поддержкой снизу, Пашич стал всерьез подумывать об установлении прямых связей как с российской общественностью, так и с нелюбимой многими его коллегами по партийному руководству "официальной" Россией. Первые попытки контактов в этом направлении он сделал, таким образом, еще до поражения Тимокского восстания и своей вынужденной эмиграции, когда партия еще находилась в зените своих успехов и стремилась

к власти. Для подтверждения этого тезиса обратимся к документам.

В письме Кулаковскому из Софии 2 апреля 1884 г. Пашич писал: "... мы решили, что наш верный и надежный товарищ и Ваш добрый приятель Раша Милошевич будет поддерживать связь с видными представителями России, чтобы информировать их о нашей деятельности и консультироваться с ними по важным вопросам. Мы договорились об этом, ибо предвидели, что недалеко время, когда наша партия будет играть ведущую роль в стране. Мы решили послать двух своих представителей, которые должны были бы вступить в тесный контакт с российскими кругами и с лидерами общеславянской партии (славянофилами. — А.Ш.), чтобы познакомиться с теми факторами, которые могли повлиять на события в нашей стране, а с другой стороны, чтобы сообщить им конфиденциальную и точную информацию обо всех новых явлениях в Сербии и о крайних намерениях нашей партии. Однако, все, что мы готовили, мы не смогли выполнить, ибо неожиданные события (Тимокское восстание и его подавление. — А.Ш.) спутали нам на время все карты"⁹⁶.

Имел также место и зондаж в официальных кругах. Российский дипломатический представитель в Белграде А.И.Персиани сообщал 25 мая 1883 г. Н.К.Гирсу: "12 мая профессор Николаевич (Светомир. Член Главного комитета радикальной партии. — А.Ш.) явился ко мне с извещением, что радикальная партия, в которой он играет немаловажную роль, желала бы в день коронавания (Александра III. — А.Ш.) заявить о сочувствии своем великому празднеству, отправив в миссию депутацию от имени партии". "Я счел долгом, — продолжает российский дипломат, — отклонить предложение это, не признавая за какими бы то ни было политическими кружками право обращаться с адресом к Государю Императору. Г-н Николаевич не скрыл от меня, что он и не надеялся на успех, но что он должен был выполнить поручение своих доверителей, цель которых состояла в том, чтобы предоставить императорскому правительству доказательства в глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией (так Персиани называет радика-

лов. - А.Ш.) и европейскими революционными кружками". "Разница эта, - заключает Персиани, - мне давно известна, и в продолжении моей шестилетней деятельности в Сербии я имел возможность оценить правдивость слов моего собеседника..."⁹⁷.

Заметим, что решение о посещении российского представительства в Белграде было принято на заседании Главного комитета радикальной партии 6 мая 1883 г.⁹⁸ Однако, этот факт не должен вводить в заблуждение. Инициатором этого "предприятия" мог быть только Пашич, в бумагах которого, находящихся в Архиве Сербской академии наук, сохранилась его собственноручная записка, которая во многом объясняет мотивы этой акции, скрытой под видом приличного случаю поздравления. В записке читаем: "Там в России считают радикальную партию чем-то непонятным, ибо радикализм - это западное достижение. Откуда в Сербии радикализм, когда еще далеко не все устроено и приведено в порядок, когда есть еще угнетенные (сербы. - А.Ш.) в Турции и Австрии. Кроме того, радикализм на Западе обычно сводится к изменениям общественного устройства, а почему в Сербии те же люди (имеются в виду радикалы. - А.Ш.) стоят на страже народных интересов. Это западное, а не славянское?!"⁹⁹. Вполне возможно предположить, что эта записка, которая, кстати, по форме напоминает перечень вопросов "непосвященных" русских, и явилась непосредственным поводом для "разъяснений", сделанных С. Николаевичем А.И.Персиани.

Тот факт, что именно профессор Николаевич был направлен в российское представительство, наводит на следующие размышления. Во-первых, радикалы очень серьезно отнеслись к этой миссии, возложив ее на одного из своих самых умеренных и респектабельных лидеров. По словам его сына Божидача Николаевича, "Светомир не был ни любителем крайностей, как Пера Тодорович, ни искусным партийным организатором, как Никола Пашич. Но, завершив образование в Лондоне, он, без сомнения, был самым образованным, самым европейским радикалом своего времени и прекрасным оратором"¹⁰⁰. С.Иванович также сделал "комплимент" С.Николаевичу, заметив, что

"кроме одного Светомира... никто из радикальных вождей не смог бы стать министром"¹⁰¹.

Во-вторых, и это не менее важно, согласие С.Николаевича взять на себя переговоры с российским представителем показывает степень авторитета Пашича и его реальный вес в руководстве партии. Ведь не секрет, что С.Николаевич – типичный западник – не питал никаких симпатий к России, ни политических, ни человеческих. Об отсутствии первых свидетельствует его сын: "Все лидеры радикалов, несомненно, стремились к величию Сербии, только определенная их часть верила, что этого можно достичь при помощи России и свергнув короля Милана, в то время как Светомир Николаевич полагал, что эта цель тем быстрее будет достигнута, чем быстрее дело дойдет до примирения и сотрудничества короля Милана и радикальной партии"¹⁰². Вполне определенное впечатление об отношении С.Николаевича к России можно получить и из ранней дневниковой записи Кулаковского: "Профессор Николаевич на лекциях студентам говорит, что в русской литературе нет ничего порядочного, и что поэтому учиться русскому языку не для чего"¹⁰³. И человека с такими убеждениями ради "высших" целей Пашичу удалось склонить к установлению первого известного официального контакта радикальной партии с Российским правительством в лице его полномочного представителя.

Отметим еще два любопытных момента. Первый. На заседании Главного комитета радикальной партии, на котором было принято решение о визите члена партийного руководства в российскую миссию, отсутствовал главный сторонник Балканской федерации и противник официальной России Пера Тодорович. Причем, и на предыдущем (3 мая), и на последующем (12 мая) заседаниях он – "в строю", а на том, где речь шла о России, его нет. Трудно сказать, в чем тут дело: или в несогласии П.Тодоровича с повесткой дня заседания и его бойкоте, или в гибкости Пашича, воспользовавшегося обычным отсутствием своего коллеги по радикальному руководству. В любом случае, факт весьма примечательный.

И второй. Встанет вопрос, почему Пашич лично не нанес визит А.И.Персиани, ведь Главный комитет принял соответствующее решение, а именно Пашич был председателем этой структуры. Тем более, что от имени либералов, к примеру, поздравления и адрес передал в русскую миссию, по словам Персиани, лично председатель партии Йован Ристич¹⁰⁴. Как представляется, этот ход Пашича свидетельствует о его осторожности и искусстве политика. В условиях обострившейся борьбы с Миланом Обреновичем, который, как уже упоминалось, ненавидел Россию и радикалов, считая, что именно она стоит за всеми их вызывающими действиями, и в преддверии всеобщих выборов, на которых радикалы рассчитывали легальным путем завоевать большинство голосов, лидер радикалов, по-видимому, просто решил не дразнить и так уже раздраженного успехами радикалов короля Милана и, не посещая открыто русскую миссию, не давать ему лишнего повода. Этот мотив тем более объясним, что соотношение сил между радикалами и Миланом Пашич всегда оценивал очень трезво и, несмотря на свое личное негативное отношение к монарху, до недооценки его реальной силы он, не в пример другим радикальным лидерам, никогда не опускался. На знаменитой тайной конференции радикальной партии 22 сентября 1883 г. он не зря заявил: "Это правда, что мы сильны доверием народным, что мы – большая сила в лояльной парламентской борьбе, но неоспоримым фактом является то, что фактическую силу держит в своих руках король"¹⁰⁵...

Вышепредставленный анализ показывает, что в условиях 1881–1883 гг. Пашич первоочередной задачей радикальной партии считал сохранение и защиту самостоятельности Сербии, сделав ставку в этом трудном деле на сербский народ, в который он, по словам Милана Протица – сына соратника Пашича Стояна Протица – "всегда фанатично верил"¹⁰⁶, разделяя и укрепляя его русофильские настроения, и на "официальную" Россию, воспринимая ее не как "меньшее зло", а как объективного союзника, отношения с которым должны были стать, по мысли Пашича, важным и постоянным фактором внешнеполити-

ческой стратегии партии. Именно поэтому приготовления к установлению контактов с Россией были последовательными и обстоятельными¹⁰⁷.

Вместе с тем, не только задача сохранения независимости толкала Пашича на поиски союза с Россией. Выполнение национальной программы радикальной партии – объединение всех сербов в едином государстве – также не мыслилось им без содействия России. Трезво оценивая ситуацию, он полагал, что какие-то шаги в этом направлении Сербия в состоянии предпринять самостоятельно, а какие-то, более сложные – только опираясь на Россию. В письме К.Таушановичу из эмиграции Пашич прямо об этом говорит: "Боснию и Герцеговину, а также другие сербские земли в Австро-Венгрии мы не можем вернуть самостоятельно, без помощи России, но Македонию мы в состоянии спасти для Сербии и без военного содействия России"¹⁰⁸. Как видим, Пашич придавал союзу с Россией важное значение в реализации национальной стратегии радикалов, однако, и это следует подчеркнуть, он не собирался играть роль безотказного русского "агента", заметив в одном из писем из эмиграции, что "необходимо четко уяснить, не потребует ли Россия за оказанные ею услуги нечто такое, что мы не смогли бы выполнить, или что нам не позволила бы сделать любовь к Отечеству и народу"¹⁰⁹.

Итак, подводя итог, следует отметить, что в руководстве радикальной партии в 1881–1883 гг. существовали две точки зрения на решение национального вопроса. Имея в виду единую цель – освобождение и объединение сербского народа, одна его часть во главе с П.Тодоровичем выступала за решение сербского национального вопроса, увязывая его с общим освободительным процессом на Балканах и делая ставку на объединенные усилия всех балканских народов и, по возможности, без вмешательства великих держав. Идеалом национально-государственного устройства Балкан она считала Балканскую Федерацию.

Другая же часть радикального руководства в лице Н.Пашича, Р.Милошевича, М.Джурича и др. предложила иную, как пред-

ставляется, более реальную в конкретных условиях 1881–1883 гг. альтернативу. В момент, когда перед прогрессивными силами страны вплотную встали задачи сохранения и защиты сербской независимости и реанимации сербской национальной идеи, Пашич и его сторонники планировали их решение поэтапно и с опорой на Россию. Для этого, отказавшись от идеологической нетерпимости, свойственной, к примеру П.Тодоровичу, они уже в начале 80-х годов попытались найти пути к союзу с "деспотическим" Петербургом.

Это параллельное уживание двух различных подходов иллюстрирует хотя бы то обстоятельство, что практически в одно и то же время Пашич, с одной стороны, поднимал реноме официальной России в глазах народа и предпринимал первые попытки серьезных с ней контактов, а "Самоуправа", как бы в противовес ему, регулярно раздражалась в ее адрес филиппиками и печатала материалы, которые явно не могли вызвать симпатий у петербургского кабинета: очерк о Чернышевском¹¹⁰, обширный некролог на смерть К.Маркса¹¹¹ и т.д.

Сосуществование обеих этих тенденций продолжалось, однако, относительно недолго. После поражения Тимокского восстания и королевских репрессий радикальная партия постепенно вступала в новый исторический этап – период освобождения от крайностей конфронтационного радикализма, ознаменовавшийся, в частности, заключением в 1886 г. радикально-либерального соглашения. В то же время, кстати, был исключен из партии главный радикальный максималист начала 80-х годов П.Тодорович, который в тюремной камере отрёкся от своих прежних убеждений. Вместе с ним из партии "ушла" и идея о Балканской федерации. Сава Груич – видный радикальный деятель, в 1886 г. сербский посланник в Петербурге, записал в своих ежедневных заметках 27 марта 1886 г.: "Так как либеральная партия (а теперь, добавим, и радикальная) всегда была за дружескую политику по отношению к России, то приход этой партии к власти значительно облегчает мою миссию сербского представителя при петербургском дворе"¹¹².

4. Радикальная партия и социализм

Широко известно, что основатели радикальной партии были в свое время близкими друзьями и идейными единомышленниками С.Марковича. Уже говорилось, что под воздействием событий 1876-1878 гг. большинство его последователей отошло от социалистических идей и перешло к практической деятельности по организации радикальной партии как массовой оппозиции правящему режиму. Идейное течение С.Марковича трансформировалось, таким образом, в широкое политическое движение, при этом его программа, и это естественно, уже не имела прежней социалистической окраски.

Вместе с тем, нужно отметить, что следы влияния С.Марковича встречаются среди радикалов и в начале 80-х годов. Прежде всего это относится к одному из основателей радикальной партии П.Тодоровичу, который дольше всех оставался главным адептом Марковича в среде радикалов. Попытка повернуть "Самоуправу" к социализму и конфликт с Пашичем по этому поводу, публикация материалов о великих социалистах Европы и стремление сохранить "чистоту" принципов в сложном хитросплетении политической борьбы, резко негативное отношение к "деспотической" России и общий подход к решению национального вопроса в духе рецептов Марковича о Балканской федерации - все это примеры следов социалистического наследия Марковича в радикальном сознании П.Тодоровича. Не избежал определенного воздействия идей С.Марковича и Н.Пашич, что очевидно из подготовленного им проекта радикальной конституции, предполагавшей, как известно, вознести политический инструмент выражения суверенитета народа на недостижимую высоту, который стал бы фактически гарантом, как метко выразился в свое время П.Тодорович, "сущности республики в рамках монархии"^{II3}. Эта конвентская, по своей сути республиканская, модель государственного устройства Сербии, предложенная Пашичем, опиралась, несомненно, на наследие С.Марковича^{II4}.

Пожалуй, наиболее адекватное отношение "наследников" С.Марковича к социализму в начале 80-х годов содержится в серии статей Л.Пачу под общим названием "Буржуазное общест-

во и его общественно-политические партии". В этой работе автор прежде всего разделил все политические партии на три группы: те, которые стремятся возратить общество назад, в феодальную эпоху; те, которые считают, что общество уже достигло пика своего развития и дальше не может развиваться, не рискуя поставить под угрозу достижения данной цивилизации и культуры; и наконец, те, которые выступают за новый путь осуществления социальных и экономических перемен^{II5}.

В развитие своей мысли автор рассуждал, что социалистические партии могут избрать два пути для достижения своей цели. Путь теоретического социализма, т.е. насильственной революции, и путь практического социализма, или постепенных реформ. Л.Пачу однозначно заключил, что радикальная партия отнюдь не предала свои ранние социалистические идеалы, она лишь избрала практический путь их реализации, ибо в неразвитой и классово не дифференцированной Сербии "социализм не может оказаться логическим рефлексом общественных противоположностей, как это имеет место на Западе"^{II6}. Задача же социализма "в стране примитивной культуры", по мнению Л.Пачу, — это "развитие и организация производства, но без классовых противоречий, как гарантия материальной независимости, и широкая демократизация основ государства..." "Без материальной независимости, — делает вывод автор, — абсолютно невозможно новое свободное общество"^{II7}.

Как видим, автор не скрывает принадлежности радикальной партии к социалистическому лагерю, причем, к его умеренному крылу. Отрицая насильственные меры "теоретического социализма", Л.Пачу выступает за широкие социально-политические реформы. При этом важно, что перекликаясь с идеями Н.Пашича и М.Вуича, в его статьях звучат мысли о необходимости экономической реконструкции Сербии, но, по возможности, без серьезного изменения социальной структуры сербского аграрного общества, как "платы" за эту перестройку. Это стремление к сохранению социальной и экономической гомогенности общества (оно явно либерально-народнического происхождения) и четко выраженное неприятие западной модели капитализма с

ее социальными последствиями, отметим это особо, являлись одним из "краеугольных камней" идеологии сербского радикализма.

Итак, даже краткий анализ работы Л.Пачу дает основания для вывода, что радикалы на практике освободились от четко обозначенных насильственно-коллективистских рамок социалистической доктрины левого толка, приверженцами которой многие из них были на заре своей юности, однако и в новых условиях они продолжали оставаться противниками современной им модели либерального капитализма, сохраняя определенные симпатии к идеалам, которыми воодушевлялись в недалеком еще прошлом.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что многократное использование Л.Пачу социалистической терминологии, определение им радикалов как "настоящих социалистов", идущих по пути "практического социализма", вряд ли могло быть лишь плодом симпатий к идеалам юности. Его работа, заметим, являлась фактически ответом радикальной партии на многочисленные статьи М.Ценича, в которых тот обвинял ее идеологов в отказе от социализма, в предательстве ими наследия С.Марковича; причем эти обвинения причиняли, что очевидно из цитированного выше письма Пашича Р.Тайсичу, значительный дискомфорт руководству радикалов, подрывали авторитет радикальной партии. Работа Л.Пачу в этих условиях и была призвана дезавуировать "клевету" М.Ценича и доказательно подтвердить радикальную приверженность социализму. Цель этого "предприятия" радикалов вполне определена – привлечение на свою сторону как можно больше сторонников "подлинного" социализма, особенно из среды социалистически ориентированной учащейся молодежи; недопущение их перехода в лагерь "конкурирующей фирмы" Ценича. Этим же примерно целям служат и постоянные апелляции радикальных лидеров к памяти С.Марковича, их многочисленные заклинания в верности его наследию, сам основополагающий тезис раннего радикализма о преемственности, существовавшей между социалистическим движением Светозара и радикальной партией его бывших единомышленников.

Подчеркнем, что подобная радикальная пропагандистская "кампания" в значительной степени увенчалась успехом. М.Ценич так и остался по сути в изоляции в то время как, согласно многочисленным свидетельствам, в радикальной партии достаточно комфортно себя чувствовали и "социалистически окрашенные" ее члены¹¹⁸.

С другой стороны, и это надо особо отметить, не следует впадать в иную крайность и видеть в попытках радикальных идеологов связать, а кое-где и отождествить, радикализм и социализм, а также в использовании ими прежней социалистической терминологии только лишь пропагандистские трюки и элементы прямой спекуляции с корыстной целью привлечения на свою сторону людей, остававшихся действительно верными социализму, и недопущения оппозиции с их стороны¹¹⁹, что проистекает, на наш взгляд, из распространенной в историографии и идущей еще от М.Ценича оценки радикалов, как всего лишь заурядных ренегатов и предателей идей и дела С.Марковича. В действительности, конечно, все было не так просто.

Вызывает интерес, к примеру, тот факт, что многие радикальные лидеры в центре и партийные функционеры на местах совершенно не испытывали мук совести по поводу предательства социалистических идей С.Марковича, якобы ими совершенно. В подобном ракурсе вопрос ими вообще не ставился. Для них радикальная партия действительно являлась логическим продолжением движения С.Марковича в новых исторических условиях. По своему субъективному мироощущению немало видных радикалов все еще оставалось социалистами, в первую очередь с точки зрения приверженности идее, для воплощения которой в реальных условиях патриархальной Сербии необходимо было, по их мнению, пройти длительную стадию радикальной борьбы. Так, для П.Тодоровича, например, издание "Самоуправы" и организация радикальной партии означали лишь "переход из сферы теории в область практики"¹²⁰. Эта же логика пронизывала рассуждения Л.Пачу о практическом и теоретическом социализме.

Кстати говоря, любопытным и весьма показательным пред-

ставляется тот факт, что Лаза Пачу, который, по словам его биографа, не имел "ни стойкого характера, ни бойцовских качеств, ни храбрости революционера"¹²¹, до конца жизни сохранил симпатию и интерес к "заветной" идее своей юности и, как отметил в своих заметках М.Иованович-Стоимирович, "он... до самой своей смерти (1915) был и оставался во всей Сербии самым крупным, самым лучшим и самым серьезным знатоком социализма как теории и практики, так как покупал и прочитывал каждую марксистскую книгу и, таким образом, составил огромную библиотеку социалистической литературы, которая была одной из самых полных библиотек подобного рода"¹²², и которой, добавим, неоднократно восхищался Л.Д.Троцкий, имевший возможность ознакомиться с ней в бытность свою в Сербии, откуда он обозревал в качестве военного корреспондента "Киевской мысли" коллизии Балканских войн 1912-1913 гг.

Добавим к этому и феномен Р.Милошевича, который, по словам Обрена Благоевича, "пропагандировал... в своих экономических трудах... марксизм даже в бытность свою радикальным депутатом парламента и министром"¹²³. Не отрекся он от идей "Капитала" и в глубокой старости, судя по его воспоминаниям¹²⁴. Назовем и Стояна Протича, который и после окончательного "перерождения" радикальной партии также продолжал изучать социалистическую литературу, разделяя в принципе марксистскую экономическую теорию¹²⁵.

Таким образом, следует подчеркнуть, что огульное обвинение бывших соратников С.Марковича, основавших радикальную партию, в ренегатстве и предательстве социализма, вряд ли оправдано. Многие из них сохранили определенную верность своим юношеским идеалам, правда, верность сугубо кабинетную, ибо, по справедливому замечанию М.Протича, "они считали, что социализм - это научная теория и теория самая лучшая, однако для собственной практики они не собирались использовать ровно ничего из социалистического арсенала... Они выступали не за борьбу классов, но за освобождение масс от абсолютизма и бюрократии"¹²⁶. Именно этой верностью объясняется появление в "Самоуправе" материалов о Чернышевском

Луи Блане, Марксе. Ведь только конъюнктурой и желанием привлечь "настоящих" социалистов на сторону маскирующихся ренегатов трудно объяснить прочувствованные слова радикального органа о скончавшемся основоположнике "научного" социализма: "Пусть воспоминания об этом человеке, который более сорока лет неутомимо способствовал развитию социалистического движения и освобождению всего человечества, глубоко сохраняются в каждом человеческом сердце"¹²⁷.

Все эти рассуждения позволяют, на наш взгляд, внести некоторую ясность в запутанный вопрос о радикалах, как ренегатах и предателях социализма. Объективно, если рассматривать этот вопрос со столетней дистанции, имея в руках методологический инструментарий в виде революционно-республиканско-коллективистских и интернационалистских критериев социализма, заметим, левоагрессивного толка, вывод об отходе последователей С.Марковича от идей своего учителя в принципе оправдан. Однако, одна лишь эта констатация, сделанная вне исторического контекста, страдает чрезмерной схематичностью и не в состоянии рационально объяснить все аспекты этого явления, в частности наличие "родимых пятен" социализма на теле радикальной партии.

Социализм, как известно, бывает разный, и наличие в XIX в. огромного количества различных его школ вполне подтверждает пестроту социалистического учения. В силу глубоких исторических и геополитических подвижек, происшедших на Балканах во второй половине 70-х годов, лидеры сербских радикалов, как уже упоминалось, отбросили многие крайности, свойственные, скажем, марксизму в Германии, революционному народничеству в России и иным левым направлениям в социализме, некогда и в иных условиях ими разделявшиеся. Однако, многие из них продолжали считать себя приверженцами социализма и в начале 80-х годов, "настоящими социалистами", по выражению Л.Пачу. И самообмана в этой самооценке не было. Радикализм для них являлся необходимой переходной формой к социализму и представлял собой широкую политическую демократию, основанную на коренной экономической реформе при

господстве мелкой частной собственности. Иными словами, главной целью радикалов было создание условий для спокойного и гарантированного существования мелкого собственника в своем экономически и политически независимом государстве.

Если при этом вспомнить, что обеспечить подобное "благоденствие" должны были, по их замыслу, "народное государство" с сильнейшими политическими и экономическими рычагами воздействия, принципиальное неприятие западного варианта прогресса, т.е. либерального капитализма с его социальными "издержками", а также, в этой связи, настоятельное стремление сохранить сербское аграрное общество в виде гомогенной совокупности мелких собственников-производителей, дабы миновала его опасность имущественного расслоения и неизбежного впоследствии противостояния (в последней констатации явно звучат эгалитаристские мотивы), то перед нами - целостная система постулатов, имеющая четко выраженную народническую окраску. Радикалы, как видим, сохранили свою народническую ориентацию (а не стали защитниками капиталистических порядков, в чем их обвиняли многие историки), типологически все еще оставаясь преемниками С.Марковича. И хотя народничество радикалов начала 80-х годов куда более умеренно в сравнении с идеями Светозара, традиция еще не прервалась, она налицо. Предательства здесь никакого нет, есть развитие и движение. Движение от революционного народничества Марковича к народничеству либеральному Пашича. Только имея в виду все эти обстоятельства, можно понять и объяснить легкость и бескровность "перехода" большинства сторонников С.Марковича от традиционно толкуемого социализма к радикализму. По словам Л.Ракича, "перебежчики и понятия не имели, что кого-то предадут, применяя те методы, которые единственно возможны в данных условиях"¹²⁸. Трудно не согласиться с этой оценкой.

В заключение, как представляется, необходимо подробнее сказать о предположении, что марксизм являлся одним из источников идеологии радикальной партии.

Действительно, многие последователи С.Марковича, обучавшиеся в свое время в Европе, были достаточно хорошо зна-

комы с произведениями Маркса и Энгельса. Тому есть множество подтверждений. П.Тодорович, к примеру, уже на закате жизни в беседе с С.Иовановичем, вспоминая молодость, как всегда эмоционально воскликнул: "Боже мой ... Сколько вечеров, будучи студентом в Цюрихе, я провел за столом, читая Маркса"¹²⁹. Л.Пачу, о многолетнем интересе которого к социалистическим идеям уже упоминалось, был, как подчеркнул Н.Маркович, "первым, кто после Светозара изучил весь марксов "Капитал"¹³⁰. Более того, став впоследствии, по выражению М.Иовановича-Стоимировича, "знаменитым финансистом-реалистом", Л.Пачу, по тому же свидетельству, оказался способным к этому, обучившись именно "в марксистской экономической школе"¹³¹. Р.Милошевич, находясь под влиянием С.Марковича, начал изучать "Капитал" еще в студенческие годы в Петербурге и при этом так увлекся, что не отрекся от его идей до конца жизни¹³². С.Протич, по воспоминаниям его сына, также "изучал марксизм и социализм из книг самого Маркса, Энгельса, Чернышевского и Светозара Марковича. Он отлично разбирался в социалистической литературе всех оттенков"¹³³. Из других "знатоков" марксизма в среде радикалов упомянем и Андру Николича¹³⁴.

Как видим, многие лидеры радикальной партии изучали марксистскую литературу и достаточно хорошо познакомились с идеями Маркса. Однако, стали ли даже самые серьезные из них "настоящими" марксистами? Вряд ли. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Во-первых, восхищаясь стройностью и логичностью марксистской теории, часто используя при анализе прошлого и настоящего марксистские категории, сербские радикалы между тем не видели в современной им действительности условий для попыток реализации каких-либо постулатов Маркса на практике. В их понимании, он как практик однозначно принадлежал будущему. "Значение его творчества актуально сейчас как никогда, — подчеркивалось в некрологе "Самоуправы", — но только будущее сможет в полной мере высветить огромное влияние этого незаурядного человека"¹³⁵.

Далее. Знакомство с Марксом радикальных лидеров отличала некая историографичность. Для них это было одно, хотя и самое, может быть, логичное и законченное, течение в рамках общего европейского социализма. Марковские идеи еще не выделились в их сознании в единое и универсальное "руководство к действию", чем они стали, к примеру, с 1883 г. для группы Г.В.Плеханова. Целый ряд других социалистических школ, в том числе и домарковских "ненаучных", не потеряли еще в глазах сербских знатоков марксизма права на существование. Не зря П.Тодорович, отвечая на страницах "Самоуправы" на очередной "укол" М.Ценича, торжественно заявил, что старался оттачивать свое социалистическое "образование" в идейных арсеналах Маркса, Лассаля, Энгельса, Чернышевского, Лаврова, Белинского, Добролюбова, Лессинга, Брандеса и др.¹³⁶

И третий важный момент. Знакомство с марксизмом, который к 70-м годам XIX в. уже превратился в популярную социально-философскую систему, стало для многих сербских социалистов своего рода модой. П.Тодорович, к примеру, который всерьез "претендовал" на роль ближайшего соратника С.Марковича, на замечание С.Йовановича, что "одно из двух: или наши первые социалисты верили в Маркса и тогда они не могли быть социалистами в Сербии, или они не верили в Маркса, и тогда их социализм не имел теоретической основы", ответил: "Мы читали Маркса, это правда, но мы не обращали внимания на каждую его запятую". "Какая запятая, — подумал С.Йованович, — речь идет о сути учения Маркса"¹³⁷. Вряд ли такое чтение Маркса, пусть даже оно и продолжалось много вечеров подряд, было серьезным изучением. И если подобным формальным отношением отличался один из лидеров движения, то что же можно говорить о рядовых его участниках.

Н.Маркович, говоря о Л.Пачу, который одним из первых вслед за С.Марковичем освоил "Капитал", заметил: "Мы, остальные, не могли поспеть за этими "феноменами". Мы спотыкались на половине или на трети пути о гегелевскую диалектику этой социалистической библии"¹³⁸. Йован Жуёвич,

также один из участников движения С.Марковича, еще более категоричен: "Под влиянием Светозара Марковича сложилось мнение о том, что социализм должен опираться на науку о политэкономии, и эта наука сначала начала изучаться по книге Чернышевского о ней. Затем мы попытались осилить Марксов "Капитал", книгу, которая большинство читателей отталкивала уже первыми упоминаниями о теории стоимости. Большинство моих товарищей познакомились с Марксом только по работе Зибера, которую перевел и издал Раша Милошевич, а некоторые пользовались моим кратким конспектом французского издания "Капитала"¹³⁹.

Как видим, знакомство большинства будущих сербских радикалов с марксистскими идеями не отличалось глубиной и являлось фактически данью мимолетному увлечению. Те же радикальные деятели, кто всерьез проштудировал произведения Маркса и увлекся их логикой, рассматривали творчество Маркса и Энгельса всего лишь как мощный интеллектуальный прорыв, принимая стройность их экономического и исторического анализа, но оставляя в стороне позитивную часть теории Маркса – его рецепты изменения мира. Таким образом, отношение к марксизму его сербских знатоков из радикалов можно оценить как восхищение интеллектуалов мощным интеллектом Маркса, увлечение прежде всего и единственно полетом его мысли. Никаких же практических выводов, кроме одного – об абсолютном отсутствии условий и возможностей для воплощения идей Маркса в Сербии ими не делалось¹⁴⁰. В подобной ситуации, когда интерес к марксизму, причем интерес чисто академический, являлся уделом и монополией всего лишь нескольких радикальных интеллектуалов, тезис о марксизме, как об одном из источников идеологии радикальной партии, представляет собой некоторую натяжку. Об этом, кстати, свидетельствует и тот факт, что на ранний радикализм западный социализм оказал –таки в определенной степени свое влияние, однако сделала это та его школа, которая неоднократно подвергалась критике со стороны Маркса. Речь идет о влиянии идей немецкого социалиста Ф.Лассалья.

Но для начала необходимо кратко остановиться на отношении к западному социализму, и в том числе марксизму, лидера радикалов Н.Пашича. Говоря о марксизме, Л.Перович заметила, что "подобно Светозару, Пашич знал Маркса, и в то же время он находился под сильным влиянием русского народничества"¹⁴¹. Комментируя этот тезис, подчеркнем, что у нас нет убедительных данных для утверждения о серьезном знакомстве Пашича с марксизмом. Напротив, существует немало свидетельств, говорящих о его увлечении идеями других социалистических школ. Приведем некоторые из них.

Сначала о марксизме. Записные книжки Пашича, относящиеся к цюрихскому периоду его жизни, содержат разрозненные заметки, по всей видимости, о дискуссиях, которые часто имели место в среде социалистически настроенных сербских студентов. Некоторые из его записей ясно показывают, что Пашич по сути разделял материалистический подход в решении извечной дилеммы: что же первично – материя или сознание. "Некоторые люди верят, – записал он, – что наличие самосознания указывает на то, что в мире существует общий дух или общее сознание, и что люди обладают лишь малой искрой этой силы... По моему мнению, это совершенно ложная точка зрения. Самосознание – это продукт нашего тела, а вне тела оно не существует"¹⁴². Заявление, надо сказать, весьма категоричное.

Однако, есть данные, что Пашич еще там же, в Цюрихе, начал постепенно отходить от этой воинственно-материалистической позиции. М.Йованович-Стоимирович оставил, к примеру, такую запись: "Пашич в действительности был набожным человеком. Например в церкви, во время литургии, он весь отдавался службе и крестился почти как русский, кланяясь. Некоторые очевидцы мне говорили, что он приехал в Цюрих как атеист, но изменил свои взгляды на мир, когда в один из вечеров в тамошней обсерватории разглядывал Луну. Спускаясь с крыши, на которой был установлен телескоп, он повторял: "Есть Бог! Есть Бог!""¹⁴³. Подобный поворот от материализма и атеизма к традиционному религиозному идеализму вряд ли вообще совместим с серьезным интересом к научной теории

Маркса.

Далее. В записных книжках Пашича наряду с названиями многочисленных трудов и пособий по техническим наукам упоминаются: работа М.А.Бакунина, труды о французской революции и ее деятелях, например о Бабёфе и Марате, сочинения немецкого политэконома Шульце фон Делича, Е.Дюринга, раскритикованного Ф.Энгельсом, некоторые работы о Парижской коммуне и т.д. Кроме того, из записей Пашича видно, что он наряду с посещением дисциплин, обязательных по программе его специализации, интересовался и другими предметами. Особенно его привлекали курсы лекций немецких профессоров Й.Шера и К.В.Бёмерта. Он прослушал двенадцать лекций Шера, сконцентрировав свое внимание на изучении немецкой истории и современных событий, включая войну 1870—1871 гг., а также два курса Бёмерта о социализме и рабочем вопросе¹⁴⁴. Особо значительным представляется тот факт, что в записных книжках Пашича содержатся названия шестнадцати работ Ф.Лассалья¹⁴⁵.

Увлечение Пашича Лассалем говорит о его в лучшем случае нейтральном отношении к марксизму, ибо, как вспоминал его современник Й.Жуёвич, "большинство молодых социалистов моего времени всерьез верило, что для того, чтобы познать социализм, достаточно прочитать книги Лассалья о рабочем вопросе и его брошюры о рабочей программе"¹⁴⁶. Как видим, это высказывание Й.Жуёвича свидетельствует о достаточно широкой популярности лассальянства в среде сербских социалистов¹⁴⁷.

Таким образом, говоря о характере социалистических симпатий Пашича во время его пребывания в Цюрихе и учитывая сделанный им выбор лекционных курсов и литературы, им прочитанной, представляется целесообразным принять точку зрения Г.Стоукса, полагающего, что "студенческий социализм Пашича содержал в себе значительно больше из немецкого опыта, чем из русского народничества и марксизма"¹⁴⁸. Цюрихское увлечение Пашича лассальянством весьма интересно в свете его будущей, уже радикальной, политической карьеры.

Как известно, Ф.Лассаль подчеркивал необходимость ши-

рокой демократической реформы в Германии, даже если бы это означало прямые переговоры с Бисмарком. Он был убежден, что основной целью немецкого рабочего класса должно было стать формирование массовой рабочей партии, чья сила заставила бы правительство ввести свободу слова, общее избирательное право и прямые выборы в Германии. После проведения этих радикальных реформ Лассаль предусматривал реорганизацию средств производства в интересах непосредственных производителей, изменив финансовую политику государства. Особо отметим, что он в отличие от Маркса не призывал к классовой борьбе, к антагонистическому противостоянию. Напротив, он проповедовал мир и единство, рассчитывая, что на его призыв откликнутся "все враги привилегий и угнетения народа"¹⁴⁹. Цель народного государства, за которое в конечном итоге ратовал Лассаль, – "положительно развивать и неустанно совершенствовать человеческое существо; другими словами – осуществлять в действительности назначение человека, т.е. культуру, к которой человеческий род способен; цель государства – воспитание и развитие человека в направлении к свободе"¹⁵⁰. Средством для реализации этой идеи о народном государстве являлась, по Лассалю, отнюдь не политическая революция, но всеобщее и свободное избирательное право.

Г. Стоукс, анализируя деятельность и взгляды Ф. Лассаля, как представляется, справедливо предположил, что "его программа организации рабочей партии в Германии имеет интересные параллели с карьерой Пашича"¹⁵¹. Конкретизируя эту мысль, американский автор подчеркнул: "Стремление Лассаля создать партию немецкого рабочего класса, чьей целью являлась бы демократизация Германии, имело очевидную параллель с позднейшими организационными мероприятиями Пашича, связанными с сербской радикальной партией: когда ему удалось в восьмидесятые годы организовать партию внутри сербского трудящегося класса – крестьянства – с целью демократизации Сербии. Как и Лассаль, Пашич был сильным лидером, и подобно Лассалю он сделал ставку на деятельность внутри страны, оставив "за бортом" интернационализм"¹⁵².

Кроме этих чисто организационных параллелей не исключено также, что симпатии Пашича могли вызвать и некоторые "содержательные" идеи Лассалья и прежде всего — о народном государстве, о непосредственной демократии, о развитии легальной борьбы, а также о единстве действий всех сил — противников "привилегий и угнетения народа". Кстати говоря, эта последняя идея, несомненно, оказала влияние на Пашича, а через него и на все руководство радикальной партии. В связи с этим отметим, что вышеупомянутое высказывание Г.Стоукса нуждается в определенной коррекции как раз в той его части, где говорится об удавшихся усилиях Пашича по организации партии в среде сербского трудящегося класса — крестьянства.

Вполне естественно, что радикальные лидеры уделяли максимальное внимание агитационной и организационной деятельности именно в крестьянской среде, ибо крестьянство преобладало в населении Сербии XIX в. Однако, и это следует подчеркнуть особо, радикалы не ограничивались агитацией исключительно среди крестьян, они стремились привлечь на свою сторону, под знамя своей компромиссной программы, по возможности, все потенциальные демократические силы из всех слоев сербского общества, каждого "врага привилегий". Этот важный тезис подтверждают свидетельства самих радикальных лидеров. Так, еще в первом номере своего партийного органа радикалы, подчеркнув, что "народная радикальная партия со всей серьезностью намерена способствовать улучшению жизни не одного какого-нибудь класса, а всего народа", выразили надежду, что "Самоуправа" как орган народной радикальной партии встретит сердечный прием и будет пользоваться поддержкой всего народа"¹⁵³.

О том, что это заявление не являлось банальной пропагандистской декларацией, а выявляло настоящее желание радикалов всерьез выступать от имени всего народа, свидетельствует, в частности, письмо Главного комитета радикальной партии местным комитетам накануне проведения первого партийного "съезда" в Крагуеваце. В письме, подписан-

ном Н. Пашичем и П. Тодоровичем, подчеркивалось: "Серьезность момента требует, чтобы состоятельные члены партии взяли на себя расходы менее зажиточных с тем, чтобы последние имели возможность прибыть на съезд в максимальном количестве". "Особенно обратите внимание, — инструктировали лидеры партии, — чтобы каждое сословие оказалось представленным на съезде и чтобы было достаточно крестьян. Если это возможно, надо сделать так, чтобы из каждого села прибыл хотя бы один человек, а из города могло бы присутствовать и больше"¹⁵⁴.

Четко ощущал известную негетерогенность радикальной партии и ее принципиальный оппонент М. Ценич. "Радикальная партия, — отмечал он, — состоит не из однородных элементов, но напротив, из достаточно разнородных"¹⁵⁵.

Как видим, лидеры радикалов открыли в свою партию дорогу фактически каждому недовольному существующим режимом, невзирая на принадлежность к той или иной социальной группе. Подобная сознательная гетерогенизация партии служила прежде всего главной тактической цели — созданию устойчивого радикального электората, политическое значение и вес которого находились бы в прямой зависимости от степени участия в нем всех недовольных слоев сербского общества, а не только крестьянства, и стремлению добиться с его помощью и в рамках легальной парламентской борьбы решительной демократизации Сербии путем завоевания большинства в скупшине и прихода к власти в стране¹⁵⁶.

Таким образом, подводя итоги, подчеркнем, что раннее увлечение Пашича и других сербских социалистов идеями Ф. Лассалья не прошло для них даром. Отголоски этого увлечения дали о себе знать позже, в начале 80-х годов. Об этом свидетельствует тот факт, что элементы учения Лассалья, несомненно, "присутствовали" как в замысле создания в Сербии массовой оппозиционной партии, так и в самом процессе его практической реализации, а также при определении тактических целей этой партии и методов их достижения.

Вместе с тем, отмечая наличие известных параллелей между организационной деятельностью Н. Пашича в начале 80-х го-

дов и стремлением Ф.Лассалья создать массовую рабочую партию в Германии в 60-е годы, следует подчеркнуть, что на формирование радикальной концепции партии оказала влияние еще одна социалистическая школа. Речь идет о воздействии определенных идей русского народничества, главным проводником которых в среде сербских радикалов являлся П.Тодорович.

Еще в Цюрихе П.Тодорович, как и многие другие сербские социалисты, группировавшиеся вокруг С.Марковича, благодаря постоянным контактам с находившимися в эмиграции представителями различных "фракций" русского социалистического движения глубоко "проникля" к его идеям и традициям. Характер этого увлечения и значение влияния русского социализма весьма емко определил впоследствии в разговоре с С.Иовановичем сам П.Тодорович: "Мне сейчас трудно Вам объяснить, как и почему мы стали социалистами. Во всяком случае, живой пример русских нигилистов повлиял на нас более всего. Вера заразительна – и когда мы видели, как наши русские товарищи безоглядно верят в социализм, поверили в него и мы. Истинность социализма казалась нам вполне доказанной уже тем, что мы видели и знали многих молодых людей – и то каких людей! – которые были готовы погибнуть за социализм на плахе или провести лучшие годы в сибирских рудниках... Такими мы были, мы не спрашивали, возможен ли социализм в Сербии; мы слепо стремились к социалистическому обществу лишь потому, что не в каком ином обществе просто не могли быть счастливы"¹⁵⁷. Как видим, из собственного признания П.Тодоровича вытекает, что главное, чем привлек социализм сербских студентов – это фанатичная преданность идее, слепая вера в нее. Романтически настроенному и эмоциональному Пере было достаточно одной лишь этой чужой веры, чтобы безоглядно поверить в самого. Для подтверждения наличия его собственной веры и ее силы сошлемся на такой красноречивый пример – сохранившуюся в дневнике И.Жуёвича запись о попытке его и П.Тодоровича освободить Н.Г.Чернышевского из Сибири (!?). Причем, наиболее активным участником этого предприятия был именно

П.Тодорович, остановившийся лишь перед невозможностью пересечь русскую границу, которой он уже достиг¹⁵⁸.

Имея в виду этот фанатизм молодости, отметим, что представляется вполне логичным присутствие определенных его "отзвуков" и в последующей деятельности П.Тодоровича уже в качестве одного из организаторов радикальной партии, тем более, что и в начале 80-х годов у него сохранились контакты с русскими социалистами, перед которыми он преклонялся еще в Цюрихе¹⁵⁹. Этот фанатизм, им унаследованный от его русских "учителей", проявился в это время прежде всего в той, часто безудержно демагогической, волне критики режима, которую "Самоуправа" обрушила на своих читателей; в том широчайшем размахе антиправительственной агитации, успеху которой в немалой степени способствовал именно П.Тодорович и через "Самоуправу" и лично: вспомним хотя бы его триумфальную поездку по Сербии осенью 1881 г., когда он за 42 дня посетил 43 местности¹⁶⁰; вспомним его знаменитую речь на съезде в Крагуеваце, ставшую, по выражению С.Йовановича, "своего рода шедевром, одним из самых выдающихся демагогических выступлений в нашей истории, которая, кстати, демагогическими речами и заклинаниями никогда не оскудевала"¹⁶¹; отметим также его деятельность накануне всеобщих выборов 7 сентября 1883 г., о чем речь пойдет ниже.

Потребности подобной агитации и пропаганды создали необходимость широкой и разветвленной структуры радикальной партии. Так появился партийный Устав, предписывающий в каждом округе и срезе организовывать местные радикальные комитеты. Эту же взаимосвязь подтвердил и очевидец: "Организация их (радикалов. - А.Ш.) имела смысл главным образом постольку, поскольку она помогала их агитационной деятельности. Отдаленные широкие цели, которым, по мнению иных, организация могла бы служить, были отодвинуты на задний план"¹⁶².

Почти религиозная экзальтация радикальных "апостолов" и неразборчивость в средствах при проведении антиправительственной агитации¹⁶³, а также широкое проникновение, посредством местных партийных структур, радикальных идей в

массы, привели к фактическому расколу сербского общества и фанатизации его радикального большинства. М.Трифуневич, оценивая этот процесс, с полным правом констатировал: "Так как идея свободы была трансформирована в чувство, борьба радикальной партии приобрела какой-то религиозный оттенок. У партии появились свои борцы и свои мученики"¹⁶⁴. Радикализм становится, таким образом, своего рода новой верой, которая наложила свой отпечаток на глубину раскола сербского общества, проявившись в резком антагонизме позиций двух лагерей и предельной бескомпромиссности "заведенных" в результате радикального "хождения в народ" крестьянских масс"¹⁶⁵.

Фанатизация подверженного радикальной пропаганде большинства сербского населения и демагогические заклинания радикальных агитаторов о решающей роли народа привели к рождению в сознании радикализованных масс определенной предпобедной эйфории. Очень точно подметил это явление Аврам Петрович. Сам активный участник радикального движения, он в своих воспоминаниях оставил интересное психологическое наблюдение о первом радикальном съезде: "На этом съезде радикалы познакомились друг с другом и со своими лидерами из всех краев Сербии и оценили свою многочисленность и силу. С этого момента они почувствовали себя непобедимыми"¹⁶⁶.

В этой связи любопытным представляется тот факт, что некоторые радикальные руководители, опьяненные своими быстрыми успехами, также впали в состояние эйфории, ожидая скорой и окончательной победы; речь снова все о том же излишне эмоциональном П.Тодоровиче. После блестящей победы радикалов на выборах 7 сентября 1883 г. он уже видел себя в кресле министра, ибо был уверен, что после такого триумфа король Милан, хотел бы он этого или не хотел, будет вынужден призвать к власти радикалов"¹⁶⁷. П.Тодорович, по его собственному признанию, откровенно смеялся над королем, получившим горькую пилюлю в виде сообщения об абсолютной победе радикалов"¹⁶⁸. Со свойственной ему образностью мышления он, по словам С.Йовановича, уже "предвкушал увидеть Милана, свергнутого с престола, официантом в пивной, раз-

носящим пиво"¹⁶⁹.

Подобный "боевой" настрой, а также непосредственное участие в предвыборной кампании и активная деятельность партийного журналиста значительно подняли акции П.Тодоровича, сделали его еще более популярным политическим деятелем¹⁷⁰. Накануне Тимокского восстания поговаривали даже о том, что он стал постепенно оттеснять от лидерства в партии Н.Пашича¹⁷¹, который, вспомним, высказывал значительно более трезвые суждения о реальной расстановке политических сил и их возможностях. Однако, времени оставалось слишком мало. Расчеты П.Тодоровича в конечном итоге оказались несостоятельными. Тимокское восстание все расставило по своим местам: его последствия показали в истинном свете достоинства подлинных лидеров и цену политических амбиций лидеров мнимых. Пера Тодорович, вспыхнувший так ярко в 1881-1883 гг., после фактической его капитуляции перед М.Обреновичем в 1886 г. стал по сути политическим трупом.

Итак, говоря об организационном развитии радикальной партии и о методах ее деятельности, следует подчеркнуть несомненное присутствие здесь традиции русского социализма, главным носителем которой являлся П.Тодорович. Основными элементами этой традиции были превращение идей радикализма в своего рода новую воинствующую религию и фанатичная ее пропаганда. Укреплению слепой веры в новую радикальную религию было подчинено все, в том числе и организация. С.Йованович справедливо отметил по этому поводу: "Пера Тодорович не замыслил радикальную партию как обычную партию. Для него, как для русских революционеров, политика была делом веры: в свои убеждения человек должен был вкладывать всю свою душу, не ведя никакого иного образа жизни, кроме жизни для партии и в партии"¹⁷². Очевидно, что П.Тодорович стремился перенести народническую концепцию политической организации, как секты единомышленников, на сербскую, более демократизованную, по сравнению с российской, почву. Именно восприятие радикальной партии как некоего ордена единоверцев явилось причиной того, что в ней, по словам Д.Янковича, "была вве-

дена строгая партийная дисциплина, что было новым явлением в то время; даже частная жизнь членов партии находилась под надзором партийных органов, а Главный комитет имел право исключать членов, поведение которых могло бы нанести ущерб авторитету партии"¹⁷³.

Как видим, при формировании радикальной концепции партии и выработке методов ее деятельности в 1881–1883 гг. столкнулись две линии – линия Лассалья и линия русского народничества. Некоторое время обе эти линии сосуществовали, как существовали рядом в руководстве партии их носители. Одно время казалось, что линия, которую представлял П.Тодорович, побеждает, что проявилось в быстрых успехах радикальной агитации и фанатизации крестьянских масс, а также в курсе на прямую конфронтацию с режимом и предвкушении при этом быстрой победы. Однако решительные действия короля Милана, подавившего Тимокское восстание и отразившего тем самым натиск радикалов, фактически означали крах линии П.Тодоровича, а вместе с ней и закат русского влияния на сербский радикализм.

Завершая рассуждения о "родимых пятнах" социализма на теле радикальной партии, следует подвести некоторые итоги. На первый взгляд, как будто очевидно, что идейно сербский радикализм заметно отделился от той группы единомышленников, которая, формируясь около С.Марковича, была всерьез увлечена идеями социализма. И это в определенной степени действительно так. Радикальные идеологи, к примеру, сознательно отвергли экономические коллективистские "рецепты" Марковича, которые, по сути, ^{дела} являлись ядром его социалистической доктрины. Вместе с тем, следует особо оговорить, что это отдаление не было еще принципиальным разрывом. Радикализм, вылившийся под влиянием общественно-политических реалий в массовое движение за коренное реформирование сербского общества с целью установления демократического конституционного порядка, по своей идеологии, по крайней мере до 1883 г., все еще оставался и развивался в рамках народнической традиции С.Марковича. Ведь для его последователей, "отцов-основателей" радикальной партии капитализм по-прежнему оставался несправедливым,

а потому неприемлемым для Сербии типом общества. И в этом своем стратегическом антикапиталистическом определении лидеры радикалов соприкасались, как это ни странно, со своим самым жестким оппонентом начала 80-х годов М.Ценичем. Правда, он, как и полагалось всякой "критически мыслящей личности", с презрением относился к народу как потенциальному активному действующему лицу истории и отстаивал чистоту социализма в кругу своих немногочисленных сторонников, не желая ни на йоту "поступиться принципами". Радикалы же в отличие от него очень скоро осознали, что только пробуждение народа от политической спячки и выход его (под их руководством) на политическую арену могут привести их к успеху¹⁷⁴. "И в этом; - пишет Л.Перович, - они не обманулись, но были вынуждены заплатить неизбежную цену за свой популизм"¹⁷⁵.

х х х

В заключение необходимо отметить следующее.

Первое. Как было показано, идеология ранней радикальной партии представляла собой достаточно сложное явление. Совершенно очевидно, что она не могла возникнуть на пустом месте; политическая мысль радикалов опиралась и в определенной степени соприкасалась, с одной стороны, с идейным наследием С.Марковича, а с другой - с политическим арсеналом А.Богосавлевича. Вместе с тем, следует заметить, что, соприкасаясь в части конкретных политических идей, модели переустройства сербского общества, предложенные С.Марковичем, А.Богосавлевичем и радикалами, существенно различались. Было бы неверным, однако, ограничивать внутренние источники идеологии радикалов только воздействием их ближайших предшественников. Глубокая народная демократическая и антигосударственная традиция, существовавшая на протяжении всего XIX в. - один из важнейших внутренних источников политической мысли ранних радикалов. Процесс "перерождения" сербского крестьянина из оппонента собственного государства в его активного и сознательного строителя и защитника в начале 80-х годов только начинался.

Кроме внутренних в процессе формирования идеологической доктрины ранних радикалов определенную роль сыграли и внешние воздействия, причем в основном в виде конкретных государственно-политических проектов. Они проявились также и в ходе организационного становления радикальной партии, а также при разработке ее тактических целей и методов их достижения. При этом отметим, что внешние влияния не имели решающего значения в идеологии ранних радикалов, хотя полностью отрицать их роль в ее формировании было бы также ошибочным.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что политическая мысль раннего сербского радикализма формировалась под воздействием различных внешних и внутренних влияний. Однако, если учесть специфику сербских общественных условий и степень преломления всех этих влияний в зависимости от конкретных политических реалий, то можно сказать, что формирующаяся радикальная идеология была явлением самобытным. Согласимся в этой связи с оценкой М.Протича, заметившего, что "природа политической мысли сербского радикализма была эклектичной, но в то же время и оригинальной"¹⁷⁶.

И второе. Политическая мысль ранних радикалов определяла по существу всего лишь первый этап в процессе формирования идеологии сербской народной радикальной партии. В 1881-1883 гг. идейный арсенал радикалов еще не стал целостной доктриной. Об этом свидетельствует наличие в радикальном руководстве различных взглядов, к примеру, по вопросам партийного строительства или по тактике движения, присутствие в нем сторонников нескольких тенденций развития сербского общества, как с точки зрения внутривнутриполитических перспектив, так и в отношении внешнеполитической ориентации. К этому добавим, что сам факт существования в идейном багаже радикалов, с одной стороны, элементов трезвого анализа и взвешенных установок относительно, скажем, экономического и внешнеполитического положения и задач партии в сфере экономики и, с другой стороны, элементов неприкрытой демагогии и утопизма, чем "грешит" их политическая доктрина, свидетель-

ствуем о логической незавершенности их идеологической платформы, о наличии в ней немалых крайностей и противоречий.

Идеология радикальной партии 1881-1883 гг. представляет собой своеобразную промежуточную ступень между социалистическим прошлым виднейших радикальных лидеров и их зрелым радикальным будущим, которое лишится многих крайностей "переходного периода" в результате Тимокского отрезвления. С другой стороны, она является плодом сосуществования в едином радикальном доме представителей различных политических течений от крайне левого до весьма умеренного. Лишь после Тимокского восстания, когда радикальная партия освободится как от сторонников левых крайностей, так и от носителей достаточно правых взглядов, идеологическая доктрина радикалов обретет свой законченный вид.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нинчић В. Пера Тодоровић. Београд, 1958. С.74-75.
2. Јовановић-Стоимировић Ј. Силуете старог Београда. Београд, 1987. Књ.2. С.118-119.
3. Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881-1903). Београд, 1990. С.59.
4. Екмечић М. Стваране Југославије. 1790-1918. Београд. 1989. Књ.2. С.383.
5. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1984. Књ.2. С.317.
6. Милићевић Ј. Прилог познавању порекла србијанског парламентаризма // Зборник филозофског факултета. Београд, 1970. Књ.ХI-I. С.671.
7. Тодоровић Д. Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С.126.
8. Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини XIX века. Београд, 1924. Књ.2. С.113. Вместе с тем, истины ради, заметим, что столь однозначная констатация соседствует с утверждением историка о том, что "идейные истоки новой партии - далеко вне Сербии". /Там же/.
9. Stojanovich T. The pattern of serbian intellectual tion 1830-1880 // Comparative Studies in Society and History. Vol.1. N 3. March 1959. P.262. Интересна в связи с этим интегральная оценка, данная американским ученым С.Марковичу: "Во время своей недолгой жизни он был критиком, реформатором, революционером, защитником прав женщин, организатором нескольких неудавшихся производственных и потребительских кооперативов и, наконец, интеллектуальным отцом сербской радикальной партии, организованной Николой Пашичем спустя шесть лет после его смерти". /Stojanovich T. Op.cit. P.264./.

10. Ракић Л. Радикална странка у Војводини (до почетка XX века) // Истраживања Института за проучавање историје Војводине. Нови-Сад, 1974. Књ.3. С.215.
11. Симеуновић Д. Теоријске корени партије. Београд, 1986. С.100.
12. Поповић Ј. Неимари Југославије. Београд, 1934. С.237, 277.
13. Перовић Л. Димитрије Мита Ценић. Уводна студија // Димитрије Мита Ценић. Изабрани списи. Београд, 1988. Књ.1. С.150; см. такође: Перовић Л. Сарадна српских социјалиста у гласилу руске револуционарне емиграције "Вперед" од 1875 до 1877 године // Токови. Београд, 1990. Бр.1. С.15.
14. Перовић Л. Димитрије Мита Ценић. Уводна студија // Димитрије Мита Ценић. Изабрани списи. Књ.1. С.151.
15. Перовић Л. Димитрије Мита Ценић. Уводна студија // Димитрије Мита Ценић. Изабрани списи. Књ.1. С.155-156.
16. Перовић Л. Друштвене идеје у Србији у другој половини XIX века. /Специјални курс.../. Београд, 1992. С.118.
17. Jelavich Ch. and B. The establishment of the Balkan National States 1804-1920. University of Washington Press. Seattle and London, 1977. P.185.
18. М.Протич, к примеру, подчеркнул: "Кажется совсем оправданным искать влияние французских радикалов на своих сербских собратьев в сравнении политических программ этих двух движений". И далее: "Поражает невероятная схожесть политических программ сербских и французских радикалов. Близость идейных основ двух движений проявляется не только в родственности самих идеологических позиций, но и в терминологии. В результате тщательного сравнения этих программ, точнее политических идей, в них заложенных, становится совершенно ясно, что обе идеологии имеют одни и те же источники". И наконец, подводя итог анализу программы сербской радикальной партии, автор делает решающий вывод: "Теперь становится очевидным, что радикальное движение в Сербии было под непосредственным влиянием политических идей французского радикализма. И более того, идейная основа французского радикального движения была важнейшим источником идеологии сербской радикальной партии". /Протић М. Указ.соч. С.70, 73, 76 /.
19. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1.
20. Там же.
21. Говор Николе Пашића, народног посланика. Држан у Зајечару на јавном збору 2 јуна 1881 године. Београд, 1881. С.29.
22. В пользу этой оценки приведем и положение самой программы, свидетельствующее о "непостоянном" ее характере: "Эту нашу программу мы будем постоянно пересматривать и дополнять во время ежегодных сессий скупщины". /Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1; Милошевић Р. Тимочка буна. С.26/.
23. Милошевић Р. Тимочка буна. С.62-104.
24. Записник рада прве главне скупштине Народне Радикалне странке. Београд, б/г.
25. Милошевић Р. Тимочка буна. С.108-126.

26. Там же. С.108.
27. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1.
28. Милошевић Р. Тимочка буна. С.95.
29. Продановић Ј. Историја политичких странака и струја у Србији. Књ. I. С.398.
30. Там же. С.399.
31. Записник рада прве главне скупштине Народне Радикалне странке. С.112-113.
32. Милошевић Р. Тимочка буна. С.122.
33. Там же. С.63. Мало того, Р.Милошевич по сути дела ставит знак равенства между понятиями самоуправление и радикализм. Без первого для него не существует второе: "В тот момент, когда радикальная партия отбросит из своей программы требование общинного и срезского самоуправления и принципа выборности, в этот момент она уже больше не радикальная, а обычная господская партия". /Там же/.
34. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1.
35. Там же.
36. Милошевић Р. Тимочка буна. С.118.
37. Право короля на помилование и амнистию не распространялось, к примеру, на преступивших закон министров. В этом случае всеми правами утверждения судебного вердикта или его отклонения обладала Народная окупщина (§ 96).
38. Јовановић С. Политичке и правне расправе. Књ. I. С.43; Поповић М. Порекло и настанак Устава од 1888 г. Београд, 1939. С.109.
39. Как справедливо отметила канадская исследовательница югославянского происхождения София Шкорич, "четыре года, которые Пашич провел студентом в Цюрихе, оказались одним из самых значительных периодов в его жизни. Цюрихский период важен в первую очередь потому, что именно в эти годы он окончательно сформировался политически". /Shkorich S. The liberalism of Nikola Pashich: the Zurich period // East European ^{Quarterly} terley. Vol. XIV. N. 4. Winter 1980. P.470./.
40. Историја XIX века. М., 1939. Т.7. С.215-218.
41. Стоукс Г. Никола Пашић и Светозар Марковић до 1875 г. // Зборник историјског музеја Србије. Београд, 1986. Књ.23. С.79. В хранящейся в Архиве Сербской академии наук биографии Пашича также имеется упоминание на этот счет: "В Швейцарии он (Пашич. - А.Ш.) занимался не только предметами своей специализации, он изучал также швейцарский политический строй, демократической устройство Швейцарии, ее широко известные традиции самоуправления. Эти наблюдения имели решающее значение для всей его последующей жизни. В Швейцарии он стал демократом и сформировал в себе качества будущего вождя современной сербской демократии". /АСАНУ. Заоставштина Радослава Јовановића. Бр.9852. Две биографије Пашића/.
42. Ховер Ч. Швајцарска, њон Устав, влада и самоуправа. Београд, 1880. В этой связи любопытно также то обстоятельство, что Р.Милошевич, еще один член радикального руководства, не учивший к тому же в Швейцарии, сделал в своей работе "комплимент" демократическому политическому устройству этой страны: "Как примор неподкупности чиновников

часто приводят Америку, а о Швейцарии почему-то обычно молчат. Причина коррупции среди чиновников отнюдь не в выборности последних, а в общей политической ситуации. Если бы коррупция рождалась выборностью, то мы бы наблюдали это явление и в Швейцарии..., однако там этого нет, несмотря на то, что платы чиновников достаточно низки". /Милошевић Р. Тимочка буна. С. 97/.

43. Против М. Указ. соч. С. 57.

44. Самарџић Р. Идеје за српску историју. Београд, 1989. С. 21. Очень емко оценил это "противостояние" Владимир Дворникович: "Атавистические силы, крестьянское самоуправленческое антицентралистское движение, патриархальные привычки и традиции, гайдуцкое движение, аграрный примитивизм и социальная структура самих мелких крестьянских владений... - все это явилось труднопроходимым препятствием для примерки западноевропейской государственной униформы. По отношению к модернизации государства на европейский манер негативную позицию занял сам действительный основатель государства, главный его столп - шумадинский крестьянин. Суть этой его негативной позиции заключалась в требовании забирать у народа на нужды государства как можно меньше". /Дворниковић В. Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С. 862/.

45. Против М. Указ. соч. С. 88.

46. Как представляется, эти рассуждения помогают понять и рационально объяснить сам факт определенного развития радикальной политической доктрины в 1881-1883 гг.: от главного motto радикальной программы 1881 г. - "Внутри страны - народная свобода и благосостояние", до лозунга 1883 г. - "Народ - источник и опора всякой власти".

47. Кстати, отношение к регулярной армии являет собой яркий пример политической демагогии радикалов. Главная причина, по словам радикалов, их негативной позиции заключалась в желании сократить государственные расходы и облегчить тем самым налоговое бремя, лежащее на крестьянстве. Несомненно, этот мотив имел место. Однако главное, на наш взгляд, все-таки в другом: радикалы опасались, что в лице сильной регулярной армии у короля Милана появится решающий козырь для борьбы с ними. Именно поэтому они решительно выступали за сохранение народного ополчения и всячески противились изъятию у него оружия, что, кстати, и явилось непосредственным поводом к Тимокскому восстанию. В проекте конституции радикалы прямо выразили это свое пожелание: "Народное ополчение - это вооруженная организация, и оно не может быть ни распушено, ни разоружено". /Милошевић Р. Тимочка буна. С. 112/. Ведь народное ополчение, крестьянское по составу, - это, по существу, радикальная партийная армия в условиях почти абсолютной приверженности сербского крестьянства радикальной партии. Именно эта армия и должна была стать основным гарантом реформаторской деятельности партии.

И этот мотив радикалов можно было бы понять, если не учитывать, что свою главную историческую задачу - освобождение и объединение всего сербского народа - Сербия без сильной регулярной армии решить бы не смогла. Радикалы же,

провозгласившие эту цель в своей программе, делали ставку на народное ополчение, хотя оно уже показало свою практическую непригодность для решения подобного рода задач во время сербо-турецких войн 1876-1878 гг. Так партийные интересы вступили в противоречие с интересами национальными. Эту же мысль, кстати, подчеркнул Петар Опачич, заметивший, что "негативное отношение радикалов к военным реформам короля Милана представляет собой пример того, как сиюминутные политические интересы даже прогрессивной партии, каковой была партия радикальная, могут противопоставляться важнейшим перспективным интересам нации и государства". /Опачић П. Војне реформе Краља Милана и Тимочка буна // Тимочка буна 1883 ... Зборник радова са научног скупа. С.91/.

48. Ђорђевић М. Развитак политичких и државноправних установа Србије - од краја XVIII до почетка XX века. Београд, 1970. С.249.

49. Подробнее см.: Ђорђевић Д. Милован Миловановић. Београд, 1962.

50. Швейцарские "корни" радикального проекта конституции подтверждают также прямые заимствования Пашича из швейцарской конституционной практики. Так, в первоначальном варианте проекта Пашич предлагал наделить правом законодательной инициативы и отдельные группы граждан (не менее 10 тысяч человек); кроме того, законопроект, собравший 50 тысяч подписей, в случае отклонения его скупщиной, выносился бы на всенародный референдум. /АСАНУ. Бр.9778. Протоколи седница Главног Одбора Народне Радикалне Странке/. Очевидно, что эти "наброски" Пашича являются прямыми отголосками заложенной в Основной закон Швейцарии идеи непосредственной демократии. (См., к примеру, 89 ст. конституции Швейцарии 1874 г.: "Союзные законы и союзные постановления общего значения должны быть предложены народу для принятия или отклонения, если этого потребуют 30 тысяч граждан, имеющих право голоса, или 8 кантонов..." и др. /Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957. С.1007/).

51. Приведем подтверждающую этот тезис оценку А.И.Персиани, данную радикальной партии именно в 1883 г. в связи с появлением проекта радикальной конституции, с которым его познакомили сами радикалы: "Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий запада". /АВПРИ. Ф.Политархив. 1883. Д.424. Л.134 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 25 сентября 1883 г.)/.

52. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1.

53. См.: Продановић Ј. Историја политичких странака и струја у Србији. Књ.1. С.398-399.

54. Там же. С.399.

55. Лавелэ де Э. Балканский полуостров. М., 1889. Ч.2. С.1.

56. Записник рада прве главне скупштине Народне Радикалне странке. С.141.

57. Вујић М. Наша економна политика. Београд, 1883. С.71.

58. Там же. С.72-73.

59. Лапчевић Д. Историја социјализма у Србији. Београд. 1922. С.94.
60. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1.
61. Јовановић С. Никола Пашић // Србија и коментари. Изд. Задужбине М.Црнанског. Београд, 1989. С.240.
62. Записник рада прве главне скупштине Народне Радикалне странке. С.161.
63. Там же. С.192.
64. Там же. С.161.
65. Самоуправа. 1881. 31 март. Бр.39.
66. Записник рада прве главне скупштине Народне Радикалне странке. С.192.
67. Самоуправа. 1881. 31 март. Бр.39.
68. Самоуправа. 1881. 5 мај. Бр.53; 16 мај. Бр.58.
69. Отдел Рукописей Института Русской Литературы РАН (далее - ОР ИРЛИ). Ф.572. Д.1. Л.21. (Запись 16 марта 1881 г.). Далее - Дневник Кулаковского.
70. Отчет II ординарного профессора Императорского Варшавского Университета В.В.Макушева о научных занятиях за границей с марта по сентябрь 1881 года // Варшавские университетские известия. 1882. № 4. С.4.
71. ОР ПИБ. Ф.452. Оп.1. Д.299. Л.23. (Митрополит Михаил - Ап.А.Майкову, 1 февраля 1883 г.). (mille)
72. The memoirs of a balkan diplomatist by Count Chedd' mijatovich. London, New York, Toronto, Melbourne, 1917. P. 32.
73. АВПРИ. Ф.Политархив. 1883. Д.424. Л.73 об. (А.И. Персиани - Н.К.Гирсу, 25 мая 1883 г.).
74. ОР ПИБ. Ф.14. Д.191. Л.3 об.-4. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 21 мая 1882 г.).
75. Павловић Љ. Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. Смедерев, 1984. С.157.
76. АСАНУ. Грађа Николе Пашића. Бр. 14625-1-43.
77. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С.236.
78. Самоуправа. 1881. 31 март. Бр.39.
79. Рукописно Одељење Матице Српске (далее - РОМС). Нови-Сад. Заоставштина М.Јовановића-Стоимировића. Бр.М.13.427.
80. Санкт-Петербургское Отделение Архива Российской Академии Наук (далее - СПб. О РАН). Ф.35. Оп.1. Д.973. Л.1. (Н.Пашић-Митрополиту Михајлу, 4 октобар 1884 г.).
81. Јовановић С. Никола Пашић // Србија и коментари. С.239.
82. Там же. С.240-241.
83. Јовановић С. Никола Пашић. (Новодом десетогодишнице смрти) // Нова Европа. Књ.29. 1936. Бр.12. С.382.
84. Јовановић С. Пашић у изгнанству // Српски књижевни гласник. Књ.21. 1927. С.511.
85. Шијачки Д. Никола Пашић // Алманах "Пашић". Књ.2. Београд, 1925. С.30.
86. РОМС. Заоставштина М.Јовановића-Стоимировића. Бр. М.13.413.

87. Поповић Д. Никола Пашић и Русија // Годишница Николе Чупића. Књ. 46. Београд, 1937. С. 137.
88. РОМС. Заоставштина М. Јовановића-Стоимировића. Бр. М. 13. 413.
89. Гребенац С. Државништво Николе Пашића // Нова Европа. Књ. 13. Београд, 1926. Бр. 12. С. 426.
90. АСАНУ. Грађа Николе Пашића. Бр. 14615-I-42.
91. Симић Б. Краљ Милан Обреновић // Алманах "Просвета" Београд, 1939. С. 105.
92. Говор Николе Пашића, народног посланика. Држан у Зајечару на јавном збору 2 јуна 1881 године. С. 16-18.
93. Очень точно определил эту народную черту Федор Никич, подчеркнув, что "шумадинский крестьянин" всегда отличался "мистической верой в дружбу, могущество и силу царской России". / Никич Ф. Никола, П. Пашић (6. 12. 1845-10. 12. 1926) // Летопис Матице Српске. 1927. Књ. 312. С. 375/.
94. Пашич не был одинок в подобного рода агитации. Схожие мотивы звучали, к примеру, в депутатском отчете influentialного лидера радикалов в Ужичком округе священника Милана Джурича. / Самоуправа. 1881. 5 септембар. Бр. 106/.
95. Сказкин С. Д. Указ. соч. С. 257.
96. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 191. Л. 1. (Н. Пашич - П. А. Кулаковскому, 2 апреля 1884 г.); АСАНУ. Грађа Николе Пашића. Бр. 14615-I-16 (концепт). Весьма любопытно упоминание о необходимости разъяснения российским либеральным деятелям "крайних намерений" радикальной партии, что, по всей вероятности, произошло из осознаваемого Пашичем несколько неадекватного отношения к ней, заочно складывавшегося в российском общественном мнении. В качестве иллюстрации такого отношения сошлемся на точку зрения посетившего летом 1884 г. Белград В. И. Ламанского. Владимир Иванович вспоминал, что в беседе с ним Ламанский поставил сербских радикалов на одну доску с русскими нигилистами. "Эти как и те не брезгут в своей агитации и нелегальными средствами", - подчеркнул русский ученый. / Јовановић В. Успомене. Београд, 1988. С. 469/. Как представляется, во время несостоявшегося визита двух радикальных функционеров в Россию и предполагалось эти подозрения в "нигилизме" развеять.
97. АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 429. Л. 71-71 об. (А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 25 мая 1883 г.). Интересно, что и здесь, в контактах с "официальной" Россией, снова преобладает мотив разъяснения "крайних намерений" радикальной партии.
98. АСАНУ. Бр. 9778. Протоколи седница Главног Одбора Радикалне Странке (протокол од 6 маја 1883 г.).
99. АСАНУ. Грађа Николе Пашића. Бр. 14614-I-20.
100. Николајевић Б. Радикална странка и Светомир Николајевић. Београд, 1938. С. 8.
101. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 2. С. 102.
102. Николајевић Б. Указ. соч. С. 27.
103. Дневник Кулаковского. Л. II об. (запись от 4 октября 1880 г.).

104. АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 71 об. - 72. (А.И. Персиани - Н.К. Гирсу, 25 мая 1883 г.).

105. Милошевић Р. Тимочка буна. С. 139. Любопытен пример њного, шапкозакидательского отношения некоторых коллег Пашича к королю Милану. Так, начальник Краинского округа сообщал в Белград 18 сентября, что "Пера Тодорович, редактор "Самоуправы", хвалился, что не успокоится пока короля Милана не расстреляют на могиле Еврема (Марковича. - А.Ш.)". /АС. Ф. Поклони и откупи. Збирка Добре Ружића. Кутија 27. Бр. 183/.

106. Протић М. Пашић и Протић пре 1914. // Историјски гласник. 1971. Бр. I. С. 90.

107. Вспомним здесь тот факт, что радикалы познакомили Персиани со своим "тайным" проектом конституции.

108. Митровић Ј. Никола Пашић о основным питањима унутрашње и спољне политике Србије после Сливнице // Историјски гласник. 1971. Бр. I. С. 128.

109. АСАНУ. Заоставштина Н. Пашића. Бр. 7885/16 (Н. Пашић - М. Свилокосићу, 10 март 1884 године). Документ опубликован: Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Књ. 2. С. 904-905.

110. Самоуправа. 1881. 12 фебруар.

111. Самоуправа. 1883. 19, 23 март. На существование двух подходов указал со слов своего отца и Николаевич-младший: "Светомир мне часто говорил, что он всегда осознал наличие в радикальной партии с самого начала ее существования двух радикальных менталитетов: восточного и западного. Первый отличался приверженностью к русофильству, второй был менее склонен к сентиментально-славянским мотивам". /Николајевић Б. Указ. соч. С. 26/. Пашича, конечно, трудно учить в излишней сентиментальности, однако, тот факт, что главное отличие обоих подходов лежало в отношении к России, "схвачен" автором довольно точно.

112. АС. Ф. Поклони и откупи. Кутија 82. Бр. 191. Записи Саве Грујића. /1886-1888/. Л. 31.

113. Тодоровић П. Дневник једног добровољца. Београд, 1964. С. 217.

114. Тот факт, что республика предполагалась во главе с монархом, не должен вводить в заблуждение, ибо, как подчеркнул Д. Янкович, "даже оставаясь республиканцами, они (радикальные лидеры. - А.Ш.) не могли бы вести пропаганду за установление республиканской формы правления, так как национальный вопрос был еще открыт" /Янкович Д. О политичким странкама у Србији XIX века. С. 239/, а сербское население, жившее вне независимой Сербии, по свидетельству И. Жуёвича, "было твердо уверено в том, что объединение всего сербского народа могло произойти только при условии монархической формы правления" /Жуёвић Ј. О републиканизму у Србији. Београд, 1923. С. 10/.

115. Пачу Л. Грађанско друштво и његово друштвено-политичке странке. Београд, 1881. С. 108-109.

116. Там же. С. 163.

117. Там же. С. 165.

И18. Приведем некоторые из этих свидетельств. Т.Костић, член радикальной партии, в порыве эмоций написал в 1883 г. своему товарищу по партии: "Сломаю шею каждому, кто скажет, что я не социалист. Я горжусь этим именем в той же мере, как и тем, что я являюсь членом радикальной партии". /АС. Личный фонд Милутина Гарашанина (далее - МГ)/. Бр. 750. (Т.Костић - Неидентификованој особи, 27 марта 1883 г.). Документ опуб-ликован: Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зайчар, 1988. Књ.2. С.898-900.

Полицейское донесение из Смедерева, также датированное 1883 г., упоминает о наличии среди местных радикалов группы рабочих, "имеющей социалистическую окраску и насчитывающей около 70 человек". /АС. МГ-667 (извештај 30 августа 1883 г.)/ и др.

И19. См.: Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX века. С.176. Урошевић М. Мита Ценић у борби с радикали-ма // Историјски гласник. Београд, 1952. № I-4. С.130; Симеуновић Д. Теоријски корени партије. С.100 и др.

120. Перовић Л. Пера Тодоровић. С.79.

121. Марковић Н. Лаза Пачу. Београд, 1923. С.22.

122. РОМС. Заоставштина М. Јовановића-Стоимировића.

Бр. М.13.413.

123. Благојевић О. Економска мисао у Србији до другог светског рата. Београд, 1980. С.309.

124. Благојевић О. Указ. соч. С.310.

125. Протић М. Пашић и Протић пре 1914. // Историјски гласник. 1971. № I. С.98.

126. Там же. С.99.

127. Самоуправа. 1883. 22 март.

128. Ракић Л. Јаша Томић. Нови Сад, 1986. С.42.

129. Јовановић С. Портрети из историје и книжевности. Нови Сад-Београд, 1963. С.285.

130. Марковић Н. Лаза Пачу. С.23.

131. РОМС. Заоставштина М. Јовановића-Стоимировића. Бр. М.13.413. Приведем также свидетельство Льва Троцкого, который неоднократно интервьюировал Л.Пачу в 1912 г.: "... Пачу - лучший финансист правящей старорадикальной партии, знаток экономической литературы, в частности и в особенности марксизма. Он и теперь еще не прочь считать себя марксистом и в политической полемике охотно ссылается на Маркса". /Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.6. С.79/.

132. Благојевић О. Указ. соч. С.302. К этому добавим, что Р.Милошевич приобрел известность и как популяризатор марксизма. В 1882 г. он перевел на сербский язык первую часть сочинения русского марксиста Н.И.Зибера "Новая экономическая теория".

133. Протић М. Указ. соч. // Историјски гласник. 1971. № I. С.87.

134. Благојевић О. Указ. соч. С.310-311; Petrović L. ^{Srpski} socijalisti XIX века. Књ. I. Р.74.

135. Самоуправа. 1883. 19 март.

136. Самоуправа. 1881. 15 мај. Бр.58.

137. Јовановић С. Портрети из историје и книжевности. С.287.

138. Марковић Н. Лаза Пачу. С.23.

139. Жујовић Ј. Утицај Светозара Марковића на школску омладину. Београд, 1925. С.135.

140. Очень точно сказал об этом Г.Марьянович, подчерк-
нувший, что "в работах известных интеллектуалов Андры Ни-
колича, Раши Милошевича и Лазы Пачу... верно показано уче-
ние К.Маркса и Ф.Энгельса. Однако они - эти интеллектуалы -
писали об идеях "Капитала" как изолированные теоретики, а
не как политики, принадлежащие к определенному политическо-
му лагерю". /Марјановић Г. Ширење Марксовог "Капитала" у
Србији XIX века // Међународни раднички покрет. Београд,
1976, Бр.1. С.99/.

141. Перовић Л. Мита Ценић. Уводна студија // Димитрије
Мита Ценић. Изабрани списи. Књ.1. С.152. Сходную точку зре-
ния высказала и С.Шкорич: "Ему (Пашичу. - А.Ш.) было близко
учение Карла Маркса. Его друг Светозар Маркович изучал "Ка-
питал", находясь в Цюрихе, и написал о нем статью. Даже ес-
ли предположить, что Пашич не читал его сам, он, несомненно,
обменивался мнениями о теории Маркса со Светозаром Маркови-
чем". /Shkorich S. Op.cit. // East European Quarterley.
P.480./.

142. АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр.11721.

143. РОМС. Заоставштина М. Јовановића-Стојмировића.
Бр. М.13.413. Это свидетельство подтверждают и слова до-
чери Н.Пашича - Дары Пашич: "Знаете ли вы еще одну его
страсть - астрономию? Сколько раз, стоя под звездным небом,
он рассказывал нам о бесконечности его ... Он верил в Бога
той верой, которая приходит через изучение астрономии, и
постоянно шел вперед, как бы несомый этой верой". /Пашић
у интимном животу. По причину своје кћери // Алманах "Па-
шић". Књ.4. С.62/.

144. Стоукс Г. Никола Пашић и Светозар Марковић пре
1875 // Зборник историјског музеја Србије. Београд, 1986.
Кн.23. С.83.

145. По словам Дж.Станковича, в записных книжках Пашича
присутствует "полное собрание сочинение Лассалья". /Станко-
вић Ј. Указ.соч. Књ.1. С.38/.

146. Жујовић Ј. Утицај Светозара Марковића на школску
омладину: С.12.

147. Эту популярность подтверждает, кстат: говоря, и
тот факт, что близкий друг Пашича Владимир Лётич в 1871-
1872 гг. перевел и опубликовал в газете "Млада Србадија"
(Молодое Сербство) три работы Лассалья. /Љ отић Љ. Мемоа-
ри. Минхен, 1973. С.55/. На наш взгляд, примечательно также
и то обстоятельство, что тот же Лётич в 1870 г. в газете
"Панчевац" опубликовал свой перевод "Манифеста Коммунисти-
ческой Партии". /Љ отић Љ. Мемоари. С.54/. Практически
одновременный перевод произведений Маркса-Энгельса и Ф.Лас-
салья еще раз показывает, что сербские социалисты не призна-
вали за какой-либо одной социалистической школой монополию
на истину.

148. Стоукс Г. Указ.соч. // Зборник историјског музеја
Србије. Београд, 1986. С.83.

149. Лассаль Ф. Программа работников // Сочинения Фердинанда Лассаля. СПб., б/г. Т.1. С.25.
150. Там же. С.32.
151. Стоукс Г. Указ.соч. // Сборник историјског музеја Србије. С.89.
152. Там же. С.83-84.
153. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр.1.
154. Архив Библиотеке града Београда. Бр.414/19. (Письмо Главного Комитета месним одборима од 10 јула 1882 г.). О том, что радикальная партия состояла из представителей различных слоев сербского общества, свидетельствует также и автор статьи "Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881-1883 годах", опубликованной в "Вестнике Народной Воли" в 1885 г., чье имя скрыто под псевдонимом "В-чь", но который, несомненно, принадлежал к радикальным кругам. Этот анонимный автор подчеркнул: "Все передовые люди страны находились в рядах организации (радикальной партии. - А.Ш.); в нее вошло множество депутатов (скупщины. - А.Ш.), большинство учителей народных школ, учителя гимназий, священники и даже некоторые профессора высшего учебного заведения в Белграде (Великой Школы. - А.Ш.); крестьяне также массами вошли в организацию". /В-чь. Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881-1883 годах // Вестник "Народной Воли". Женева, 1885. № 4. С.19/.
155. Цит. по: Перовић Л. Мита Ценић. Уводна студија // Димитрије Мита Ценић. Изабрани списи. Књ.1. С.157.
156. Эту же мысль подчеркнул и Вукоман Шалипурович, отметивший, что "в радикальной партии собрались все те силы, которые выступали за улучшение условий жизни крестьян, ремесленников и рабочего класса, находившегося в зачаточном состоянии. Хотя радикальная верхушка разделяла отнюдь не все требования этих слоев, она охотно использовала их как свою избирательную армию". Говоря об этих слоях, автор расшифровывает: "Наряду с мелкой буржуазией, в партию вошла также малообеспеченная и экономически слабо защищенная интеллигенция. В основном это были учителя, низшие служащие, интеллектуалы, занимавшие должности мелких чиновников" /Шалипуровић В. Окица Глушчевић. Београд, 1981. С.69-70/.
157. Јовановић С. Портрети из историје и књижевности. С.287-288.
158. См.: Дневник Јована Жујовића. Књ.1. Београд, 1986. С.43-45.
159. Владимир Луцкий, побывавший в Сербии летом 1882 г, писал П.Л.Лаврову: "В тот же день вечером (21 июля 1882 г. - А.Ш.) прибыл я в Ниш и с карточкой Перы (Тодоровича. - А.Ш.) пошел разыскивать Светозара Арсениевича, главу здешних радикалов... От сербов я в положительном восторге, я редко встречал людей более искренних. Они и здесь жалуются на полное забвение их русской социалистической литературой, говорят, что в 74-75 году Вы им посылали много... теперь же нет ничего. Я обещал устроить все, что могу и опять очень прошу послать книги... Деньги все будут сосредотачиваться у Перы Тодоровича, который и будет пересылать Вам". /ГА РФ. Ф.1762.

Оп.4. Д.290. Л.41-42/. См. также: Гросул В.Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883-1895 гг. М., 1988. С.99-100.

К этому добавим, что Луцкий договорился с П.Тодоровичем об участии последнего в издании Вестника "Народной Воли". /См.: Жигунов Е.К. К истории русско-сербских революционных связей 70-80-х гг. XIX века // Советское славяноведение. Минск, 1969. С.334/.

160. Перовић Л. Пера Тодоровић. С.70.

161. Јовановић С. Политичке и правне расправе. Књ. I. С.174.

162. В-ць Указ.соч. // Вестник "Народной Воли". Женева, 1885. № 4. С.19.

163. В подтверждение тезиса о неразборчивости радикальных "проповедников" в средствах при проведении агитации в крестьянской среде приведем одно из донесений королю болгарского полицмейстера. Говоря о деятельности радикалов Крагуевацкогo округа, полицейский чин сообщал: "Тамoшние радикалы... говорят простым крестьянам, что республика в Сербии необходима, чтобы лишить короля возможности иметь такой большой цивилизиранный лист. А там, где крестьяне испытывают симпатии к Его Величеству, радикалы им говорят, что король останется президентом республики, и что они - не против его лично, а против его королевского жалованья". /Ас. Ф.Поклоны и откупи. Збирка Добре Ружића. Кутија 27. Бр.183 (извештај од 25 јула 1883 г.)/.

164. Трифуновић М. Никола Пашић. // Српски книжевни гласник. 1927. Књ.20. С.200.

165. Иллюстрации ради приведем два примера. Настас Петрович - депутат скупщины - 30 августа 1883 г. доверительно сообщал королю, что "некоторые крестьяне из Гучи, поднимая тоб в честь Ранко Тайсича, провозглашали: "Дай Бог долгих лет Ранко Тайсичу, он - наша крестьянская гордость. Бог даст, станет королем, ибо нынешний король нам не нужен".

/Ас. Ф.Поклоны и откупи. Збирка Добре Ружића. Кутија 27. Бр.183/. Другой пример. Местный комитет радикальной партии из села Болевац, давая негативный ответ на содержащийся в письме Главного комитета от 8 февраля 1883 г. вопрос о возможности тактических компромиссов, подчеркнул: "Мы - радикальная партия - ощущаем себя настолько сильными, что мы или как партия победим, или как таковая погибнем". /Павловић Љ. Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. С.46/.

К последнему лишь добавим, что Болевацкий срез оказался одним из центров вспыхнувшего несколько месяцев спустя Тимокского восстания. Подписавший ответ Главному комитету священник Маринко Ивкович по приговору военно-полевого суда был расстрелян...

166. Петровић А. Успомене. Горњи Милановац. 1988. С.96. Эту же уверенность в собственной силе мы находим и в доверительном сообщении священника Павле Тодоровича о своем разговоре с членом радикальной партии Стевой Миличевичем из Пожаревца, который прямо заявил, что "они; радикалы, подготавливали проект конституции, который отвечает народным чая-

ниям. Если же радикальный проект не будет принят, то они рассчитаются с самим королем". /АС. Ф.Поклони и откупи. Збирка Добре Ружића. Кутија 27. Бр.183 (извештај од 6 јуна 1883 г.)/. Примеров подобног бахвалства много.

167. Јовановић С. Никола Пашић / Србија и коментари. С.239.

168. Тодоровић П. Крвава година. Приредила Л.Перовић. Београд, 1991. С.125.

169. Јовановић С. Никола Пашић / Србија и коментари. С.285.

170. Перовић Л. Нови прилози проучавању живота и рада Пере Тодоровића // Историјски часопис. 1987. Кв.XXXIV.

С.302-303.

171. Јовановић С. Никола Пашић / Србија и коментари. С.285.

172. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.6.

173. Јанковић Д. Почети радикалне странке у Србији. Библиотека "Политика и друштво". Београд, б/г. № 48. С.34.

174. Перовић Л. Предговор // Тодоровић П. Крвава година. С.31.

175. Там же.

176. Протић М. Указ.соч. С.89.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СЕРБИИ В 1881-1883 гг. И РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ

I. Парламентская борьба в Сербии в 1881 г.

Как уже отмечалось, для участия в скупщинских выборах 1880 г. между однопартийным правительством напредняков и лидерами радикалов было заключено соглашение о предвыборном блоке, главной целью которого являлось недопущение в скупщину нового созыва сторонников Ристича. Этот предвыборный блок полностью себя оправдал — на выборах, состоявшихся 30 ноября 1880 г., партия Ристича потерпела сокрушительное поражение. В скупщину было избрано лишь 7 либералов¹.

Победа над Ристичем создала новую политическую ситуацию в стране. С его падением главная цель, которую преследовали напредняки при заключении соглашения с радикалами, была достигнута. В новых условиях этот союз стал для них скорее обузой, чем необходимостью. Не говоря открыто о "денонсации" договора с радикалами, лидеры напредняков своей деятельностью дали понять, что они более не нуждаются в их помощи. Выразилось это в том, что и после совместной победы на выборах в составе кабинета министров ничего не изменилось — он так и остался однопартийным. Кроме того, князь Милан, призвавший напредняков к власти, открыто блокировался с ними в скупщине, не утвердив лидера радикалов Н. Пашича в качестве ее вице-председателя и пренебрегая тем самым волей парламента, ибо во время выборов в высшие органы скупщины за Пашича проголосовало 134 депутата². Больше голосов получил лишь представитель напредняков Алекса Попович. Он и стал председателем скупщины³.

Очевидно, что отношение князя к радикалам было резко отрицательным. В совокупности с нежеланием напредняков допустить в правительство представителей радикалов это вызвало у последних ответную реакцию — выделение радикальной фракции из общего парламентского большинства и ее оформле-

ние в виде парламентского клуба со своей политической программой и печатным органом. С.Иванович отметил оперативность, с которой произошло это выделение и оформление: "Указ о назначении должностных лиц в скупшине появился 3 января 1881 г., а уже 8 января вышел первый номер "Самоуправы" - органа народной радикальной партии"⁴.

Существует мнение, что именно "дискриминация" радикалов со стороны напредняков и князя Милана была главной причиной разрыва между недавними союзниками и образования радикальной партии. С.Иванович утверждал, что "раскол между радикалами и напредняками произошел в основном из-за того, что напредняки образовали однопартийное правительство без участия радикалов... Если бы их союз остался в силе, могла бы появиться влиятельная партия..., которая объединила бы в своих рядах интеллигенцию и крестьянство и пользовалась бы поддержкой народа и доверием монарха"⁵.

Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением. Особенно с логически вытекающим из него заключением о вероятном единстве радикальной и консервативной групп, как потенциальной основы будущей "влиятельной партии". Дело в том, что в это мнимое единство верили лишь лидеры напредняков. П.А.Кулаковский, к примеру, в письме И.С.Аксакову от 14 января 1881 г. сообщал: "Сегодня у меня был теперешний первый министр Пирочанац, и мы говорили об радикалах. Правительство, вероятно, рассчитывавшее на полное согласие и мир на скупшине и полагавшее, что радикалы отождествились с ним, из страха перед возможностью возвращения к власти Ристича было очень напугано появлением "Самоуправы"⁶.

Что же касается радикалов, то они не только не собирались довольствоваться ролью "младших союзников" в коалиции с напредняками, как на то рассчитывали последние, но еще с предвыборных времен подчеркивали свою идейную самостоятельность и обуславливали необходимость совместной деятельности с напредняками исключительно тактическими соображениями. Пашич в письме своему единомышленнику Стевану Кокотовичу 15 ноября 1880 г. сформулировал точку зрения радикалов сле-

дущим образом: "Какова наша позиция по отношению к правительству, ты видел из предвыборного обращения⁷. И вообще пока мы не увидим его в деле, отношение к нему останется достаточно осторожным. С другой стороны, мы бы допустили политическую ошибку, если бы именно сейчас способствовали ослаблению его позиций"⁸.

Это стремление к внутренней самостоятельности радикалов по отношению к правительству не ново, оно прослеживается еще в период совместной оппозиции, когда они и будущие члены кабинета вместе боролись против режима Ристича. По мнению М.Поповича, во время этой борьбы обе группы "настолько сблизились, что были похожи на единую партию"⁹. Но так ли это?

В марте 1880 г. Милан Жуньич, впоследствии деятель партии напредняков, а тогда все еще радикал, в одной из статей в "Виделе" обусловил союз радикальной парламентской оппозиции с виделовцами борьбой последних "за свободу... настоящий конституционный порядок и парламентаризм"¹⁰. Мало того, в одном из апрельских номеров "Видела" Пашич обнародовал краткую программу будущей радикальной партии, о которой речь уже шла, и которая по глубине предполагаемых преобразований значительно отличалась от программы виделовцев¹¹.

Из тезиса об изначальной негомогенности союза радикалов и виделовцев вытекает и иная, чем у С.Иовановича, оценка событий, связанных с выборами руководящих органов скупщины. Его мнение о том, что нежелание князя Милана утвердить Пашича в должности вице-председателя скупщины являлось основной причиной раскола единого антиристичевского блока и выделения из него самостоятельной организации радикалов, опровергается данными источников. М.Ценич в письме Е.Кочовичу еще 18 октября 1880 г. заметил: "Наши социал-демократы (так Ценич саркастически называет радикалов. - А.И.) со своим шефом Таушановичем... говорят мне, что собирают деньги для основания своего печатного органа"¹². В конце ноября - начале декабря 1880 г., т.е. в момент напряженной предвыборной борьбы, идея самостоятельного радикального пе-

чатного органа начала принимать конкретные очертания. В.Джорджевич писал Кочовичу 28 ноября: "Радикальная партия намерена с нового года начать выпуск своей газеты"¹³. Об этом же 3 декабря Кочовичу сообщает и О.Глушчевич: "Сегодня получил письмо от жены Косты (Таушановича. - А.Ш.), в котором она сообщает, что ее муж после выборов обо всем меня проинформирует и что с нового года начнет выходить наша газета"¹⁴.

И наконец, 21 декабря, т.е. опять-таки до выборов руководящих органов скупщины, Пашич в письме Кокотовичу дает уже практические указания по поводу предстоящего выхода радикального органа: "Ты слышал, что мы решили выпускать новую газету, которая будет выражать принципиальную позицию радикальной партии. Само существование этой газеты будет зависеть от того, сколько у нее будет подписчиков (подчеркнуто в оригинале. - А.Ш.). Поэтому серьезно возьмитесь за это дело и постарайтесь подписать на нее как можно больше народа... Обращайте особое внимание на то, чтобы газета распространялась и в сельской глубинке и была бы по возможности в каждой общине"¹⁵.

Таким образом, можно со всей определенностью констатировать, что подготовка к конституированию отдельной радикальной организации началась задолго до созыва скупщины, в момент, когда сложились необходимые условия, т.е. сразу же после падения правительства Ристича, во время правления которого самостоятельная деятельность радикалов была невозможна. После совместной победы на парламентских выборах временный союз радикалов и виделовцев внутренне исчерпал себя, ибо цель этого блокирования была достигнута. При сохранении внешне корректных отношений союзники уже вовсю готовились к самостоятельной деятельности¹⁶. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением Д.Тодоровича, что "на первом этапе деятельности скупщины депутаты обеих фракций победившей коалиции фактически составляли единый депутатский клуб"¹⁷. "Несколько случаев показали совершенно ясно, - писал Пашич, - что правительство не желает придерживаться заключенного согла-

нения (это было видно и при назначении князем части депутатов и при выборе руководящих органов скупщины). Затем выяснилось, что правительство за спиной радикалов всячески старается переманить на свою сторону впервые избранных депутатов из народа, которые симпатизировали радикалам (такая попытка была сделана по отношению к представителям из освобожденных округов). Все это дало повод радикалам немедленно приняться за то, что все равно бы случилось, только, может быть, чуть позже; сделать то, о чем радикалы уже давно помышляли, а именно — сформулировать свою программу и предстать как общественно-политическая партия¹⁸.

Суммируя все вышесказанное, можно с полным правом заключить, что "влиятельная" объединенная партия, которая, по мнению С.Ивановича, могла бы вырасти из временного, исключительно тактического блока радикальной оппозиции и младоконсервативной группы "Видела", не будь радикальная часть этого блока подвергнута дискриминации, вряд ли могла вообще появиться, ибо "наряду с неискренностью консерваторов, которые заняли все министерские посты в правительстве, между радикалами и консерваторами существовало слишком много других существенных различий, начиная с их "происхождения", чтобы их сотрудничество могло оставаться длительным и плодотворным"¹⁹.

8 января 1881 г. в белградской прессе появилось новое издание — только что основанная радикальная партия начала выпуск своей газеты "Самоуправа". По словам Д.Тодоровича, "это событие оказало значительное влияние не только на развитие событий в данный момент, но и на дальнейшую политическую историю Сербии в целом"²⁰. Появление радикальной партии со своей программой и печатным органом привело к конституированию других сербских политических партий — напредняцкой (бывшие виделовцы) и либеральной. Политическая борьба в Сербии вступила, таким образом, в качественно новый этап.

Говоря о реакции напредняков на выход первого номера "Самоуправы", П.А.Кулаковский в одной из своих публицистических рукописей отметил, что "... громкое и ясное заявление своих стремлений со стороны радикалов произвело небла-

гоприятное впечатление на правительство"²¹. И хотя их лидеры, в первую очередь Пирочанац, утверждали, по свидетельству Кулаковского, что "радикалы не имеют значения на скупщине, что их всего 6-7 человек, что под их программой люди подписались по обману"²², возможные последствия выделения и консолидации радикалов были понятны каждому серьезному наблюдателю. "Этот шаг, - записал в дневнике М.Миличевич, - произвел бурю, которая могла плохо кончиться и для нас, и для них"²³. Речь идет о том, что стабильное антиристичевское большинство в скупщине могло обернуться унижительной зависимостью правительства от вполне вероятного нового радикального большинства, тем более, что под программой "Самоуправы" подписалось 76 депутатов"²⁴.

Подобная затруднительная для кабинета ситуация вполне могла разрешиться его отставкой, и на политическом горизонте Сербии вновь замаячила фигура Ристича в роли возможного преемника Пирочанца на посту премьер-министра. Вследствие этого правительство было вынуждено мгновенно реагировать в поисках выхода из этой неопределенной ситуации. Йован Мишкович, либерал, военный министр в правительстве Ристича, записал по следам событий: "Выходом 8 января первого номера "Самоуправы" с программой радикальной партии... правительство было серьезно обеспокоено. В тот же вечер состоялось собрание (очевидно, парламентариев. - А.Ш.), на котором от имени правительства выступил Милутин Гарашанин. Он заявил, что при данном раскладе министры будут вынуждены подать в отставку и пугал присутствовавших возвращением Ристича. Это подействовало, и был образован клуб "напредняцкой партии", который одобрил программу "Видела" и решил оказать поддержку кабинету"²⁵. В клуб сразу же записалось 103 депутата скупщины.

Столь быстрый рост клуба "напредняцкой партии" и сохранение, таким образом, правительственного статус-кво объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, сразу же по создании напредняцкого клуба, 10 января, сам премьер-министр Пирочанац пригрозил отставкой кабинета в случае, если нап-

редняков не будет поддерживать большинство депутатов скупщины. Эта угроза вызвала среди последних немалое брожение, ибо всем было очевидно, что последует за отставкой кабинета – возвращение Ристича, роспуск скупщины и новые всеобщие выборы²⁶.

После этого заявления ожидался ответный ход радикалов, которым возвращение Ристича также не сулило ничего хорошего. Пашич в этих условиях предоставил всем подписавшим ранее программу "Самоуправы" депутатам свободу рук, т.е. дал возможность тем из них, кто того желал, подписаться и под платформой "клуба напредняцкой партии"²⁷. Радикалы объяснили правомерность этого довольно неожиданного шага тем, что программы и "Видела", и "Самоуправы" во много схожи, особенно что касается необходимости внутренних реформ²⁸. Эта взаимная готовность к реформам была подтверждена единодушным одобрением скупщиной тронной речи князя, произнесенной при ее открытии, основой которой явилась программа правительства.

Таким образом, радикалы фактически спасли кабинет Пирочанца, поддержав в принципе общую концепцию его деятельности. Свою же самостоятельную задачу – роль организованной политической силы в скупщине – они видели, наряду с "поддержкой правительства... до тех пор, пока оно будет серьезно и искренне способствовать установлению подлинно конституционного порядка в стране", в осуществлении "сознательного контроля" за его деятельностью, т.е. оставляли за собой возможность критики и потенциальной оппозиции²⁹.

Результатом десятидневных колебаний и комбинаций явилось то, что к 18 января 1881 г., когда "Видело" впервые известило об образовании "Сбора напредняцкой партии" в виде скупщинского клуба и составе его руководящих органов³⁰, в этом клубе, по данным С.Ивановича, состояло 113 парламентариев, вне его оставалось 47 депутатов (среди них – 40 "твердых" радикалов и 7 либералов)³¹. Радикальное меньшинство продолжало заверять министров в своей поддержке "в вопросах о внутренних реформах, пока правительство будет следовать

программе"³².

Начало, таким образом, казалось почти идиллическим, и внешне ничего не предвещало грядущих жестких столкновений. Здесь вкратце необходимо остановиться на роли князя Милана Обреновича, во многом "благодаря" которому, уже на первой сессии скупщины между напредняками и радикалами начались серьезные трения.

Князь Милан, как уже отмечалось, не любил и боялся лидера либералов Ристича. "Он глубоко ненавидел Ристича за то, что во время его несовершеннолетия была принята новая конституция (Устав 1869 г. - А.Ш.), которая фактически была выражением политического кредо Ристича"³³ и которую, добавим, князь считал неприемлемой, так как, по его мнению, она давала ему лишь право "подписывать указы и устраивать охоту, а он не может довольствоваться такой ролью"³⁴. Кроме того, князь, который уже в молодые годы часть проявлял стремление к личной власти и диктаторские замашки и всегда "хотел походить на князя Милоша Обреновича"³⁵, не терпел Ристича еще и потому, что именно из его рук получил верховную власть по достижении совершеннолетия. Ристич же, бывший в 1868-1872 гг. Регентом при малолетнем Милане, казалось, на всю жизнь сохранил к нему полуснисходительное отношение и вплоть до своей отставки в октябре 1880 г. вел государственные дела самостоятельно, оставляя в тени, а зачастую просто не считаясь с мнением законного совершеннолетнего монарха³⁶.

Независимость мышления Ристича особенно проявилась летом и осенью 1880 г., когда велась острая борьба с Австро-Венгрией в связи с заключением торгового договора между двумя странами. Резко выступая против чрезмерных уступок Австрии³⁷, Ристич решительно отказался приехать в Вену для переговоров с министром иностранных дел бароном Хаймерле, куда его приглашал князь Милан, начавший уже колебаться под давлением венского кабинета³⁸. Даже прощальный меморандум правительства от 9 октября 1880 г., в котором Ристич еще раз лозунгом "Не сдаемся, обороняемся" подтвердил

свою неизменную позицию австрофоба, написан в виде своего рода инструкции монарху, который уже окончательно перешел на австрийские рельсы³⁹.

Такое положение вещей не могло длиться вечно. Амбиции князя Милана как монарха могли получить реальное подтверждение лишь при условии преодоления "ученического" синдрома, что в свою очередь было возможно только после ухода Ристича с политической арены. Спор вокруг торгового договора с Австро-Венгрией оказался удобным поводом для отставки Ристича.

С его уходом началась вторая половина правления князя Милана, которая разительно отличалась от первой⁴⁰. Призвав к власти правительство младоконсерваторов, князь обусловил свободу рук в проведении внутренних реформ согласием кабинета на австрофильскую внешнюю политику. Правительство такое дало. Мало того, князь потребовал назначения на пост министра иностранных дел Чедомиля Миятовича, своего бывшего секретаря и лично ему преданного человека, с очевидным намерением не выпускать внешнеполитическое ведомство из своих рук⁴¹.

Капитулировав перед Австро-Венгрией и тем самым заручившись ее поддержкой, что было зафиксировано в знаменитой "Тайной конвенции" 1881 г., заключенной за спиной правительства, князь Милан "стал очень быстро не только главным, но и решающим политическим фактором в Сербии; начинался период его личного правления"⁴². Причем амбиции Обреновича отнюдь не ограничивались, как сначала казалось, вопросами внешней политики. Он собирался играть решающую роль и во внутренних делах. Мирослав Джорджевич справедливо заметил: "Если новые министры действительно верили, что их соглашение с князем Миланом дает им в обмен на обещание урегулировать отношения с Австрией свободу рук в решении внутривластных вопросов, то они глубоко заблуждались"⁴³.

Таким образом, очевидно, что князь Милан не собирался отдавать инициативу как в вопросах внешней, так и внутренней политики. Все реформы, планируемые напредняцким правительством, и прежде всего разработка новой конституции, как

основной пункт его программы, имели верховного цензора в лице князя, замышлявшего превратить кабинет Пирочанца в исполнительный аппарат своей личной политики. В таких условиях изначальной несамостоятельности и зависимости от монарха напреднякам было тяжело "найти приемлемое равновесие между своей программой и своей практической политикой"⁴⁴. В ситуации, когда фактическим инициатором и вдохновителем политики правительственной партии становился князь (с 1882 г. король) Милан, который стремился к ограничению прав народного представительства и к установлению сильной, почти неограниченной власти суверена, опирающейся на регулярную армию и послушную администрацию⁴⁵, его столкновение с радикалами, провозгласившими лозунг "народ — источник и опора всякой власти", и являвшимися вследствие этого главным препятствием на его пути к установлению режима личной власти, а также активными и решительными противниками австрофильской политики монарха, было неминуемым⁴⁶. Итак, можно заключить, что в принципе корректные взаимоотношения между напредняками и радикалами в период образования их партий и формулирования правительственной программы, несомненно, должны были измениться с началом практической деятельности кабинета, за которым стоял Милан Обренович, с тем, чтобы чуть позже превратиться в "страшную борьбу, которая ломала людей и характеры, и которая в конце концов смела самого короля Милана"⁴⁷.

Уже вскоре после открытия сессии скупщины дошло до первого серьезного столкновения мнений радикальных и напредняцких депутатов. Поводом для него послужил договор о строительстве железной дороги, которую Сербия обязалась проложить согласно решению Берлинского конгресса, заключенный между правительством М.Пирочанца и французской компанией *La Société del' Union Générale*, председателем правления которой был Эжен Бонту. За спиной компании Бонту стоял австрийский *Österreichische Länderbank*. Переговоры между сербским правительством и французской фирмой начались по инициативе венского кабинета и, видимо, вследствие этого они на удивление быстро "успешно" завершились. 22 января

1881 г. соглашение было подписано⁴⁹.

Представленное скупшине на ратификацию, оно вызвало ожесточенные дискуссии.

Оппозиция обвиняла правительство, что оно заключило договор без конкурса, с предоставлением непропорционально больших гарантий компании Бонту, практически не обеспечив таковыми себя, что Бонту гарантирована громадная прибыль, что ему передано право эксплуатации будущей дороги сроком на 25 лет, что этим сомнительным шагом расходы и без того находящегося в плачевном состоянии государственного бюджета увеличиваются на 6 миллионов динаров в год⁵⁰. Р.Милошевич вспоминал, что "радикальная оппозиция вообще не могла найти ничего позитивного в этом предприятии напредняков"⁵¹.

Правительство со своей стороны рьяно защищало договор с Бонту. Пытаясь любой ценой добиться его одобрения, оно даже обусловило принятие нового закона о свободе печати положительным решением вопроса о строительстве железной дороги⁵².

Особое место в этих острых и бескомпромиссных, но еще парламентских, дебатах занимал князь Милан. Невзирая на общее негодование в стране, вызванное соглашением с Бонту, он являлся его самым главным защитником. Кулаковский записал в дневнике: "Все сербские газеты просто плачут над договором... с Бонту и видят гибель Сербии, если он пройдет. Но правительство, а в особенности князь поступили в приказчики к г.Бонту и хлопчут изо всех сил за этого предпринимателя"⁵³. В.Джорджевич в письме Е.Кочовичу также сообщал: "Радикалы славно боролись в скупшине, и с точки зрения последовательности и аргументированности, они полностью победили... Князь пригласил их к себе и пригрозил, что не утвердит ни одного закона о правах и свободах, если договор не будет принят..."⁵⁴.

Политика "выкручивания рук" принесла свои плоды. Договор с Бонту 10 марта был одобрен 97 голосами; против проголосовало 57 депутатов, а 5 воздержались⁵⁵. "Дай только Бог, чтобы он оказался счастливым"⁵⁶, — отметил после го-

лосования без особого энтузиазма М.Миличевич.

Надо отметить, что закулисная борьба вокруг соглашения о строительстве железной дороги означала фактически прямое вмешательство монарха в парламентскую борьбу и в партийные дела, хотя некоторые княжеские приверженцы решительно не советовали ему в принципе так поступать, считая опасным прямое его выступление на стороне определенной политической партии, не без резона полагая, что "по конституции монарх призван представлять единство народа и государства и, исходя из этого высокого предназначения, он должен всегда оставаться вне и над партиями и никогда не опускаться до того уровня, где ведется партийная борьба"⁵⁷. Князь Милан, стремившийся играть решающую роль в политической жизни страны, не прислушался к мудрому совету и возжелал "своим опытом и знаниями помогать делу общего прогресса и руководствоваться именно этой целью, принимая участие в обсуждении и решении политических проблем Сербии"⁵⁸. Прямое давление в пользу договора с Бонту, таким образом, явилось его первым опытом в деле помощи "общему прогрессу". Причем, чем больше росло самостоятельное значение князя, как субъекта политики, тем заметнее утрачивалось таковое напредняцким правительством, которое постепенно становилось лишь послушным инструментом в руках монарха, прямо ассоциируясь с его непопулярной политикой. Полностью эта эволюция кабинета закончилась чуть позже - в 1882 г., но уже теперь, весной 1881 г., во время первого же серьезного обсуждения в скупщине, его главным действующим лицом, без сомнения, являлся князь Милан; министры уже здесь оказались фактически всего лишь его тенью, ему удалось сломить их, о чем свидетельствует Стоян Новакович, занимавший в кабинете Пирочанца должность министра просвещения и церковных дел. Много позднее он признал, что договор был заключен правительством "против своей воли"⁵⁹.

Таким образом, уже в марте 1881 г. радикалы, решительно выступая против соглашения с Бонту, впервые вступили в открытое столкновение с монархом. В письме В.Джорджевича

Е.Кочовичу содержится яркий пример этого прямого противостояния. В ответ на угрозы князя не утвердить законы о демократических свободах в случае непринятия договора с французской компанией один из лидеров радикалов, священник Милан Джурич, заявил: "12 членов моей семьи сложили головы за династию Обреновичей. Тринадцатая голова упадет только за собственные убеждения". "В ответ на угрозы князя распустить скупшину, — продолжал информировать своего адресата В.Джорджевич, — Димитрие Катич ответил: "Вы можете это сделать, но знайте, что мы идем в народ"⁶⁰. Случай "Бонту", как видим, явился началом политической конфронтации между радикалами и Миланом Обреновичем, которая, постоянно усиливаясь, станет основным содержанием политической истории Сербии в 1882–1883 гг. и в конце концов осенью 1883 г. выльется в прямое вооруженное противостояние — в Тимокское восстание. Однако сейчас, в марте 1881 г., у князя и правительства оказалось достаточно сил, чтобы решить этот щепетильный вопрос в свою пользу пока еще квазипарламентским путем.

Тем не менее, авторитет напредняцкого кабинета, да и князя Милана после того, как они все-таки добились принятия скупшиной этого крайне непопулярного договора, оказалась сильно подорван⁶¹. Тем более, что широкое распространение получила версия о подкупе князя и министров предприимчивым французом. Кулаковский по следам событий записал в дневнике: "Нет сомнения, что князь получил от Бонту. Сумму определяют в три миллиона динаров"⁶². Через год, в марте 1882 г., он же в письме Аксакову сообщал: "О взятках от Бонту здесь толкуют, как о деле совершенно ясном и решенном"⁶³.

Что касается сферы внутреннего законодательства, то здесь радикалы были готовы поддержать предложения правительства, ибо законы о свободе печати, собраний и т.д. были для них чрезвычайно важны, "можно даже сказать, жизненно необходимы"⁶⁴. М.Миличевич, к примеру, отмечал: "Сегодня в скупшине был прочитан проект закона о печати, и без дебатов единогласно принят"⁶⁵.

Мало того, радикалы в целом ряде случаев показали себя достаточно толерантными по отношению к действиям правительства, считая, что в общем понимании необходимости внутренних реформ в стране и у правительства, и у оппозиции есть достаточно точек соприкосновения и, как следствие этого, определенная база для совместной деятельности: "Мы во многих случаях наглядно показали, что не стремимся бесцельно создавать правительству неудобства, более того, мы несколько раз на многое просто закрывали глаза, чего не должны были бы делать, если бы строго придерживались наших партийных принципов и партийной дисциплины... Мы считали, да и сейчас еще считаем, что ... обе партии призваны совместно провести реформы, за которые они высказались в своих программах"⁶⁶. Вместе с тем, еще раз напомним, что цели реформирования и у одних, и у других были различными. Для радикалов это было только началом, плацдармом для дальнейших глубоких демократических и антибюрократических преобразований, чтобы обеспечить народу подобающее ему место в политической системе страны, исходя из их основного лозунга: "народ - источник и опора всякой власти".

Напредняки же, провозгласившие себя сторонниками "чистой конституционности" и представлявшие "цвет интеллигенции", получившей образование на Западе, считали основой прогресса Сербии использование достижений Западной Европы и выступали, вследствие этого, за перенесение многих политических институтов оттуда на сербскую почву. Таким образом, законы о свободе печати, собраний, союзов, о независимости судопроизводства были фактически аналогами европейских оригиналов, которые напредняки считали эталоном в силу своей прозападной ориентации. Однако, как ни парадоксально, "напредняки, стремившиеся к большим свободам чем либералы, оказались гораздо меньшими демократами"⁶⁷. Вместо однопалатной чисто крестьянской скупщины, избираемой фактически всеобщим голосованием, напредняки в своем проекте конституции⁶⁸ высказались за двухпалатный парламент, причем в верхней палате - сенате - заседали бы представители зажиточных слоев, бюрократии и интеллигенции. Депутаты нижней палаты также

вряд ли могли бы считаться народными представителями в полном смысле этого слова, ибо участие в выборах должно было, по мнению напредняков, сопровождаться и регламентироваться достаточно высоким имущественным цензом. Довольно многочисленная часть сербского населения, платившая годовой налог менее 30 динаров, была бы фактически выключена из политической жизни страны.

Эти меры должны были, по мнению лидера напредняков М. Пирочанца, "обеспечить перевес ума над сырой массой"⁶⁹, что и было главной целью их программы. По определению С. Йовановича, "их идеалом была парламентская система правления, но при условии, что в парламенте должны заседать господа"⁷⁰. В рамках именно такого "парламентаризма" и должны были "работать" права и свободы, законы о которых были предложены кабинетом, приняты скупщиной и утверждены князем.

Из этого серьезного различия программных целей правительства и оппозиции совершенно очевидно вытекала вся непрочность и временность их сотрудничества в области нового политического законодательства. С. Стоичич справедливо заметила: "Совместная деятельность по проведению реформ в области политического законодательства в 1881 г. во время работы первой сессии скупщины отложила на время открытое столкновение напредняков и радикалов... но отложила ненадолго. Это столкновение было неизбежным"⁷¹.

Неизбежность решающей "схватки" радикальной оппозиции и правительства вкупе с князем Миланом проистекала и из их диаметрально противоположных подходов к проблемам внешней политики. Эти различия в подходах четко определились уже во время обсуждения вопроса об урегулировании отношений с соседними государствами, и в первую очередь с Австро-Венгрией. Кроме железнодорожного договора с компанией Бонту во время работы сессии 1881 г. скупщина ратифицировала целый ряд внешнеполитических документов: торговый договор с Австро-Венгрией, ветеринарную конвенцию, конвенцию о плавании по Дунаю и т.д. Все эти документы были подвергнуты радикалами резкой критике, так как, по их мнению, давали слишком боль-

шие преимущества австрийской стороне, представляющие угрозу независимости и будущему Сербии. И хотя обсуждение этих вопросов прошло в менее острой и напряженной обстановке, чем ратификация договора с Бонту, и закончилась победой правительства на этот раз даже без вмешательства монарха, радикалы недвусмысленно высказались против внешнеполитической ориентации правительства, подтвердив еще раз свою антиавстрийскую позицию.

Между тем князь Милан, фактически узурпировавший управление внешней политикой страны, все откровеннее искал покровительства у могущественной монархии Габсбургов, что в условиях постоянного роста активности радикальной оппозиции внутри страны и деятельности соперника князя Милана в династическом вопросе – князя Петра Карагеоргиевича, которую, по мнению Милана, вдохновляла русская политика, за границей, представлялось ему единственной твердой гарантией для сохранения сербского престола за ним и его потомками. За эту гарантию князь Милан был готов даже пойти на сознательное ограничение государственного суверенитета собственной страны, что выразилось в подписании 16 июня 1881 г. знаменитой "Тайной конвенции", документа, "который, как дамоклов меч, будет висеть над Сербией и определять направление ее внешней и внутренней политики вплоть до начала XX века"⁷². В ней сербский монарх брал на себя обязательство "без предварительного соглашения с правительством Австро-Венгрии не вести переговоров и не заключать политических договоров с каким бы то ни было другим государством и не предоставлять свою территорию для иностранных войск... даже под видом добровольцев"⁷³.

Конвенция содержала еще одно не менее унижительное положение: от имени Сербии Милан Обренович обязался "ни в коем виде не терпеть политическое, религиозное или какое-нибудь другое вмешательство, которое бы, исходя с ее территории, было направлено против Австро-Венгерской монархии, имея в виду и Боснию и Герцеговину, и Новипазарский Санцжак"⁷⁴.

Верноподданническое австрофильство монарха и зависимых от него членов кабинета Пирочанца не могло не прийти в стол-

кновение с последовательно антиавстрийской позицией радикальной партии, тем более, что случай представился довольно скоро. Поводом для столкновения послужило начало в конце 1881 г. восстания в Боснии и Герцеговине, которое вспыхнуло в ответ на решение австрийских властей распространить воинскую повинность и на население оккупированных областей.

Весть о восстании всколыхнула Сербию, особенно население приграничных округов. В Белграде, Обреноваце, Валево, Ужице были организованы тайные комитеты для оказания помощи восставшим⁷⁵. Видную роль в этих комитетах играли члены радикальной партии. Радикальная пресса с нескрываемой симпатией писала о действиях инсургентов. На все эти проявления солидарности с "бунтовщиками" официальная Вена смотрела с подозрением и плохо скрытым раздражением. Она требовала от сербских министров принять меры в соответствии с положениями "тайной конвенции", касающимися Боснии и Герцеговины. Проавстрийский характер деятельности правительства не мог остаться незамеченным. В ответ на принятые им меры радикалы заявили, что кабинет проданся Австрии и что в недалеком будущем Сербии уготовлена судьба Боснии и Герцеговины. Эти заявления распространялись через многочисленных сторонников радикальной партии по всей Сербии и способствовали росту антиправительственных настроений в стране⁷⁶.

Еще более накалилась обстановка, когда стало известно, что сербскую границу перешли две четы черногорцев-добровольцев, направляющихся из Болгарии в Герцеговину для помощи повстанцам⁷⁷. Переход границы вооруженными добровольцами и всяческая поддержка, оказываемая населением этому предприятию, сильно обеспокоили князя и правительство. 6 мая 1882 г. министр внутренних дел Сербии М. Гарашанин по поручению премьера Пирочанца информировал австро-венгерского посланника графа Кевенхиллера о том, "что существует возможность перехода черногорцев в Герцеговину, и поэтому австрийские власти должны быть начеку"⁷⁸. Через несколько дней последовало решительное указание министра местным властям о пресечении этой возможной акции добровольцев, и они в результате

были задержаны и разоружены⁷⁹.

На фоне такой, откровенно проавстрийской политики сербского правительства, практическая деятельность радикалов носила характер прямо противоположный. Они вместе с населением приграничных округов поддерживали добровольцев в их намерении перейти границу Герцеговины. Из радикальных лидеров помощь и содействие добровольческим четам оказывали Р.Тайсич, М.Джурич, Новак Милошевич⁸⁰. Со Стеваном Йовановичем, предводителем одной из черногорских чет, встречался Н.Пашич⁸¹. Мало того, радикалы не исключали возможность и своего участия в восстании при благоприятном стечении обстоятельств. Кулаковский писал Аксакову 21 марта 1882 г.: "Перед своим отъездом заходил ко мне священник Милан Джурич, очень интересующийся восстанием Герцеговины. Он мне говорил, что есть места, в которых австрийцы не будут в состоянии потушить восстание и целых пять лет. Между прочим, он просил меня написать, что он готов перейти в Герцеговину с четой, если это понадобится, но для этого нужны средства"⁸².

Как видно из приведенных выше свидетельств, отношение к внешней политике стало подлинным водоразделом между правительственной партией и партией радикальной. Это отношение у каждой из них было полностью противоположным. Пашич, оценивая результаты внешнеполитической деятельности правительства, писал в конце 1881 г.: "По причине того, что правительство пошло на сближение с государством, которое поглотило Боснию и Герцеговину, оно окончательно оставило сербскую идею о присоединении этих провинций, и в целом ряде случаев, угрожая Австрии, правительство подвергало гонениям носителей этой идеи (читай – радикалов. – А.Ш.). Внешняя политика нынешнего кабинета заключается в угодничестве перед Австро-Венгрией и во всевозможных ей уступках. В действительности же это никакая не политика, а предательство"⁸³.

В области внутривнутриполитического реформирования у обеих партий в 1881 г. еще оставались некоторые точки соприкосновения, что, в конце концов, позволило на время отложить вспышку открытой конфронтации и завершить сессию скупщины

1881 г. в более или менее парламентском духе⁸⁴. Вместе с тем, различия в позициях партий по многим основным вопросам в связи со все большим подпаданием правительства под влияние князя Милана, с одной стороны, и все большим усилением влияния радикальной партии в стране, с другой, росли с пугающей быстротой. Пашич, подводя итоги 1881 г., констатировал: "Политика напредняцкой партии не оправдала тех надежд, того воодушевления, которыми сопровождалось формирование нового кабинета... Во внутренней политике она начала все больше употреблять те же испытанные средства, которыми пользовался режим Ристича и которые она, будучи в оппозиции, подвергала постоянной критике"⁸⁵.

Решительное столкновение двух тенденций в развитии Сербии, становящихся все более антагонистическими, оказывалось, таким образом, неизбежным. Все ограниченные резервы для сотрудничества политических представителей обеих тенденций к началу 1882 г. оказались исчерпанными. "Это столкновение, — по словам Косты Стояновича, — с первого же дня обернулось настоящей катастрофой, за которой последовали восстания и военно-полевые суды"⁸⁶.

2. Обострение конфронтации и кризис власти в 1882 г.

В январе 1882 г. на первом же заседании скупщины вспыхнула острая борьба между правительственным большинством и радикальной оппозицией. Причем ожесточенность ее не шла ни в какое сравнение с отнюдь не дружескими, но все же еще квазипарламентскими отношениями обеих фракций на скупщине 1881 г. Особую остроту этой борьбы придавал тот факт, что в начале 1882 г. князь Милан, который "отнюдь не старался предотвратить столкновение напредняков и радикалов и не желал посредничать в поиске компромисса"⁸⁷, открыто вмешался в партийную борьбу на стороне напредняцкого кабинета.

Поводом для столкновения послужил составленный напредняцкой фракцией проект ответа скупщины на тронную речь князя, в которой она превозносила деятельность правительства за прошедший год и успехи, якобы им достигнутые. Радикалы же,

выступившие против правительственного панегирика самому себе, предложили свой проект, в котором негативно оценили экономическую и финансовую политику правительства, резко осудили договор с Бонту, в очередной раз подчеркнули необходимость изменения конституции и требовали восстановления нарушенных отношений с Россией. Проект меньшинства подписал 51 депутат⁸⁸.

Напредняцкое большинство, опиравшееся на поддержку князя, не посчитало нужным внести в первоначальный проект ответа ни одного из требований радикалов. В ответ на это радикальное меньшинство отказалось его подписывать и участвовать в депутации скупщины, которая должна была доставить его во дворец: Глава кабинета Пирочанац попытался убедить радикальных лидеров в неоправданности этого шага, который не имел прецедента в политической практике Сербии, но они не изменили своего решения⁸⁹.

В ответ на демарш меньшинства князь Милан, не привыкший к подобному "обращению", выступая во дворце перед скупщинским большинством, обрушился на оппозицию с угрозами и руганью, всячески подчеркивая, что он как монарх призван охранять существующий порядок: Заявления князя были столь решительными, что, как отметил Й.Мишкович, "пахли государственным переворотом"⁹⁰. Однако радикалов они не испугали. Р.Тайсич в ответ на угрозы монарха заявил в скупщине от имени своих коллег: "Оппозиция, которая насчитывает 50 человек и которая состоит отнюдь не из школьников, а из совершеннолетних граждан, не нуждается ни в каких нотациях, так как мы взрослые люди, и взрослые же люди нас выбрали сюда. Я как член оппозиции и депутат считаю, что эти нотации, от кого бы они не исходили – антиконституционны"⁹¹.

Как видим, ситуация после отказа радикалов подписать ответ большинства предельно обострилась. "С этого момента, по словам Ружицы Гузиной, вспыхнула война между радикалами и монархом, открыто поддерживавшим кабинет напредняцков"⁹². Князь Милан, видевший в активизации оппозиции не только нежелательное препятствие на пути к усилению своей личной

власти, но и опасность для существования династии вообще, открыто бросил авторитет монархической власти на помощь правительству напредняков. Радикалов же вдохновляла растущая поддержка масс, что выражалось в успешной организации центров радикализма по всей стране в виде местных комитетов радикальной партии, формируемых в соответствии с партийным уставом, опубликованным в "Самоуправе" в декабре 1881 г. Обе стороны чувствовали свою силу. Никто не хотел отступать.

В момент, когда, казалось, страсти уже накалились до предела, из Парижа в редакцию "Самоуправы" пришла телеграмма о банкротстве компании Бонту и о значительных финансовых потерях Сербии. Весть о банкротстве, по словам П.Тодоровича, "явилась для радикальной партии сигналом открыть огонь по всем направлениям и идти на штурм"⁹³.

Правительство оказалось в чрезвычайно трудном положении. Министр финансов Ч.Миятович срочно отправился в Париж с целью спасения, насколько это возможно, сербских капиталов, находившихся в распоряжении компании *Union Générale*. Однако ситуация казалась настолько серьезной, что Миятович – главный "архитектор" договора с Бонту – помышлял даже о бегстве в Америку⁹⁴. Кабинет Пирочанца, ожидая известий из Парижа, окончательно пал духом и решил выйти в отставку⁹⁵. Князь не принял отставку правительства; он сам находился в шоковом состоянии. На некоторое время вся система власти в стране оказалась парализованной. Кулаковский в письме Н.А. Попову отметил: "Миятович стал притчей во языцех: над ним все смеются... Авторитеты подорваны и трудно сказать, чем здесь держится порядок и правительство. Разве лишь одной привычкой, да полицией"⁹⁶.

Ситуация осложнялась тем, что радикалы в скупшине постоянно бомбардировали правительство запросами с требованиями дать общую оценку происшедшего и представить информацию о финансовых потерях Сербии. Правительство, фактически переставшее контролировать положение, отказалось это сделать до окончания переговоров Миятовича в Париже.

В этот момент, когда кризис в Сербии достиг пика, на

помощь князю и правительству пришла Австро-Венгрия. Ее министр иностранных дел граф Кальноки высказал настоятельное пожелание сохранения в Сербии правительственного статус-кво, гарантируя князю и кабинету Пирочанца всяческую поддержку в деле поисков выхода из финансового кризиса⁹⁷. Кроме того, напредняцкий парламентский клуб также призывал кабинет не подавать в отставку, обещая ему энергичную поддержку в борьбе, которая ожидала правительство в скупшине. Кулаковский в связи с этим отметил: "Банкротство Бонту скрепило верное правительству большинство с кабинетом. У всех рыльце в пушку, а общая опасность всех сближает..."⁹⁸.

Правительство Пирочанца, получив в решающий момент мощную поддержку со стороны венского кабинета, решило подчиниться требованиям князя о необходимости сохранения статус-кво, поставив лишь одно условие - немедленное провозглашение Сербии королевством. Это условие было принято князем и поддержано Австро-Венгрией. 22 февраля 1882 г. скупщина торжественно приняла решение о провозглашении Сербии королевством. Смысл этого шага не остался тайной для современников. Кулаковский, оценивая это событие, писал Н.А.Попову: "Министерство хотело закрыть народу глаза на Бонту: оно ужасно боится точного отчета обо всем, и воспользовалось провозглашением Сербии королевством для своих личных выгод"⁹⁹. Он же в письме Аксакову уточняет эту свою мысль: "Король потому и стал теперь (подчеркнуто в оригинале.- А.ИИ.) королем сербским, что предстоит обсуждение новых проектов, привезенных из Парижа и Вены Миятовичем относительно постройки железной дороги. Хотелось отвлечь умы, воспламенить сербскую... душу указанием великих задач, предстоящих сербскому народу, а между тем втихомолку обделать все дела по железной дороге"¹⁰⁰.

Кроме того, Милан Обренович и правительство, возводя Сербию в ранг королевства, рассчитывали на взрыв патристических чувств и излиний в верности "первому сербскому королю со времен Косова" со стороны населения, что должно было, по их мнению, вынудить радикальную партию в этот "исторический" момент "сбавить обороты" своей антиправительствен-

ной деятельности : хотя бы на время превратиться из "оппозиции Его Величеству" в лояльную "оппозицию Его Величества". Именно с этой целью, для получения необходимой правительству поддержки, король вдруг занял "соглашательскую" позицию, чтобы с помощью примирительных жестов, но не делая никаких серьезных уступок, парализовать опасную активность радикалов. Кулаковский отметил это обстоятельство в уже упоминавшемся письме Аксакову: "Король лишь толкует теперь о соглашении партий. Задабривая радикалов после торжественного обеда во дворце, которым угощали всех депутатов скупщины, королева водила хоровод с вождем радикалов Пашичем; тут все в ход пущено. Страх овладел всеми, кто распинался в прошлом году за Бонту"¹⁰¹. Й.Мишкович также записал в дневнике: "Торжественный молебен в церкви в честь провозглашения королевства. После молебна поздравления во дворце... Король провозглашал необходимость союза и совместной деятельности всех партий на благо страны и народа"¹⁰².

Маневры короля, однако, не привели к ожидаемым результатам. Радикалы не дали обмануть себя всплеском эйфории, усиленно подогреваемой правительством. Уже 23 февраля 1882 г. в передовой статье "Самоуправы" подчеркивалось, что радикальная партия "во всех внешне- и внутривполитических вопросах, а особенно в оценке исключительно тяжелого финансового положения страны остается и далее при своем мнении, которое, к ее удовлетворению, встретило сознательное и широкое одобрение в народе"¹⁰³. Пашич, оценивая значение предпринятого правительством шага, писал: "Относительно самого факта провозглашения королевства мы мало что можем сказать. Нас несколько не воодушевляют Душановы короны. Мы хотим, чтобы наша небольшая страна увеличилась и усилилась в результате объединения с остальными братьями сербами, чтобы она стала сильным, прогрессивным, уважаемым во всем мире государством. Однако мы уверены, что сила и авторитет нашей страны в действительности зависят от экономического благосостояния народа, от хорошего состояния ее финансов, от высокого уровня и широкого распространения системы просвещения, от высокой и

твердой морали, от гарантированных гражданских прав и свобод и хорошо организованной военной силы народа, а слишком мало зависят или вообще не зависят от титула или названия". Критикуя состояние государственных дел, Пашич с немалой смелостью подчеркнул, что если Сербия окажется в результате политики правительства на краю пропасти, то "титул нас не спасет. Погибали государства и с рангами империй"¹⁰⁴.

Таким образом, ослепить радикалов блеском королевской короны правительству не удалось¹⁰⁵. Они упорно продолжали настаивать на обнародовании всей информации о банкротстве Бонту и финансовом ущербе Сербии. После очередного откладывания Пашич от имени радикалов 3 марта 1882 г. выступил в скупшине с ультимативным требованием к правительству в течение 24 часов ответить на все ранее поставленные оппозицией вопросы в связи с крахом компании Бонту. Если ответа и далее не последует, подчеркнул Пашич, радикалы "не смогут больше оставаться в скупшине, так как правительство не заботится о важнейших интересах государства"¹⁰⁶. А. Раденич справедливо назвал это заявление лидера радикалов "событием исторического значения, которое явилось одной из судьбоносных вех в развитии парламентаризма в Сербии"¹⁰⁷.

После того как 4 марта председатель скупщины зачитал ответ премьера Пирочанца, в котором тот подчеркнул, что "такие заявления, сопровождаемые угрозами, королевское правительство не принимает"¹⁰⁸, и отказался удовлетворить требования радикалов в установленное ими время, радикалы сложили с себя депутатские полномочия и покинули скупшину¹⁰⁹. Вместе с ними подали в отставку и вышли из парламента и четверо либерал-рестичевцев¹¹⁰. По словам Д. Тодоровича, "этим были разрушены последние мосты, существовавшие еще между правительством и оппозицией. Отношения настолько обострились, что о каком-либо сотрудничестве ни в скупшине, ни вне ее не могло быть и речи"¹¹¹. Скупщина, таким образом, осталась без кворума и фактически была парализована.

Король Милан, которого, по свидетельству Й. Мишковича, "глубоко оскорбил выход оппозиции из скупщины"¹¹², не до-

бывшись приемлемог для себя компромисса с радикалами, перешел к политике открытой конфронтации с ними. Уверенность монарху придавала поддержка Австрии, а также тот факт, что в результате двухмесячных переговоров в Париже при посредничестве и активном участии представителей венского кабинета Ч.Миятовичу удалось подписать договор с обществом *Comptoir National d'Escompte* о перенесении на него обязательств по строительству сербской железной дороги¹¹³. Финансовые потери Сербии, таким образом, в результате вмешательства Австро-Венгрии, оказались значительно меньшими, чем первоначально ожидалось. Король и правительство могли вздохнуть с облегчением. Хотя факт значительного ущерба был налицо, самого страшного удалось избежать.

К этому добавим, что вести борьбу с радикалами в рамках хотя бы относительной законности и квазипарламентаризма король и правительство уже не могли. Поэтому можно констатировать, что в Сербии начался конституционный кризис, ибо, как справедливо отметил М.Джорджевич, "Милан начинает искать пути окончательного расчета с радикалами в неконституционных действиях, стараясь любой ценой сохранить правительство напредняков, используя его как средство усиления личного режима"¹¹⁴.

Королевским указом от 6 марта заседания скупщины были отложены до 21 мая с тем, чтобы до этого времени провести выборы, однако не всеобщие, на чем настаивали радикалы, а лишь в тех избирательных округах, в которых ранее были избраны депутаты, подавшие в отставку. Напредняки не рассчитывали на большой успех на этих дополнительных выборах, однако они полагали, что их кандидаты вполне смогут получить по крайней мере 12 мандатов, ровно столько, сколько им не хватало до кворума, и обезопасить себя, таким образом, от возможных повторных обструкций радикалов¹¹⁵.

Для того, чтобы добиться хотя бы частичного успеха и получить—таки необходимое и достаточное количество депутатских мандатов, напредняцкое правительство предприняло ряд мер. Министр внутренних дел Гарашанин произвел серьез-

ные кадровые перестановки в органах местной исполнительной власти. Половина начальников округов была заменена, причем в "радикальные" округа посылались чиновники с "железной рукой". С другой стороны, активисты радикальной партии всякими путями изгонялись из государственной службы и органов местного самоуправления¹¹⁶.

Мало того, главным участником в предвыборной кампании напредняков стал король Милан, предпринявший в апреле-мае 1882 г. месячное путешествие по Сербии, главной целью которого фактически являлась агитация в пользу напредняков на предстоящих выборах. Кулаковский отмечал в письме Аксакову: "Депутации, приходящие приветствовать короля, постоянно слышат от него, что министерство Пирочанца прекрасно, а оппозиция - безобразна. Милан с руками и ногами попал в грязь партийной борьбы, и на днях собирается отправиться в путешествие по Сербии в сопровождении нескольких членов министерства, вероятно, чтобы агитировать в пользу избрания депутатов партии правительства"¹¹⁷.

Вся эта поездка свелась к безудержному восхвалению политики напредняцкого кабинета и резкой критике деятельности оппозиции. Милан не стеснялся в выражениях и действиях, высказывая свое явно негативное отношение к радикальным депутатам¹¹⁸.

Радикалы, между тем, в долгу не остались. Еще накануне отъезда короля Милана из Белграда "Самоуправа" довольно смело обратила его внимание на то, что "целью путешествия монарха" в принципе не может быть "агитация за какую-либо политическую партию", ибо его "высокое достоинство" не должно позволить ему "променять свое верховное положение на роль простого пропагандиста какой-либо политической партии, причем партии, дни которой сочтены"¹¹⁹.

В Ужице, пребывание в котором входило в программу поездки короля, по инициативе местного радикального комитета во главе с М.Джуричем была сооружена триумфальная арка с надписью "Здесь дорога на Боснию. Герцеговинец клянется тебе на верность. Босния и Герцеговина и Старая Сербия долж-

ны быть твоими"¹²⁰. Милан, узнав об этом предприятии радикалов, отказался посетить Ужице, высказав тем самым свое недовольство таким "неполитичным" поведением города, тем более, что первоначально именно в приграничном Ужице короля должен был приветствовать от имени императора Франца-Иосифа австрийский генерал Давид. Встреча была перенесена в Чачак, а Ужице за "отсутствие такта" был наказан. Подобного рода инцидентов, правда, меньшего размера, на всем королевском пути по Сербии было немало¹²¹.

Во время королевского путешествия, 1 мая 1882 г., был обнародован указ о проведении дополнительных выборов в скупщину 15 мая. Предвыборная кампания, которая фактически велась с начала марта, вступила в свою завершающую фазу. Накал борьбы был очень высок. М.Миличевич за два дня до выборов записал в дневнике: "Потомки с трудом поверят, что в наше время партийные страсти были так распалены". На следующий день он же отметил: "Со всех сторон наши друзья жалуются, что их сильно беспокоят противники"¹²².

Напредняки были убеждены, что им удастся получить на выборах необходимые 12 мандатов. Жесткая кадровая политика, полицейское давление и непосредственное участие в избирательной кампании Милана Обреновича казались им залогом верного успеха. Это предвкушение победы ярче всего передано в донесении начальника Чачакского округа Косты Радовановича М.Гарашанину: "Сегодня рыночный день. Сюда понаехало множество крестьян. Со многими из них я говорил, однако и радикалы, и либералы усиленно их вербовали. Завтра состоятся выборы... Я предпринял все необходимые меры и призвал на помощь местный комитет напредняцкой партии. Борьба ведется острая... но тем почетнее будет успех победителя, который, видит Бог, буду я!"¹²³.

Однако несмотря на все ожидания, правительственная партия потерпела на выборах 15 мая сокрушительное поражение. Из 50 избирательных округов, в которых проводились выборы, в 45 были избраны прежние депутаты - члены радикальной оппозиции¹²⁴. Это поражение застигло кабинет Пирочанца врас-

плох. Сам премьер начал в очередной раз склоняться к оставке¹²⁵. Но король не желал о ней и слышать. В этом его энергично поддерживал австро-венгерский посланник, ибо только сохранение правительства Пирочанца, лояльно относившегося к проавстрийской ориентации сербского монарха, в условиях непрекращающегося восстания в Боснии и Герцеговине, являлось для Вены единственным приемлемым решением. В этом случае правящие круги Австро-Венгрии могли не беспокоиться за свой тыл. В случае же прихода к власти Ристича, не говоря уж о радикалах, Австрия, по словам ее посланника, "будет вынуждена постоянно держать винтовку у ноги"¹²⁶.

Для того, чтобы вселить недостающую уверенность в правительство, король 23 мая принял членов парламентского большинства и заявил ему, что правительство пользуется полным его доверием. Непредняцкое большинство в скупшине приняло решение об исключении вышедших в отставку радикальных депутатов и о необходимости повторных выборов. Это решение нашло полную поддержку у короля Милана, вслед за ним последовал указ о назначении выборов на 31 мая 1882 г.

Однако новые выборы вряд ли могли переменить что-либо в настроении избирателей. М.Миличевич в связи с этим констатировал накануне голосования: "Со всех сторон приходят дурные вести. Оппозиция сильна, влияние правительства слабеет... Слишком мало шансов, что мы победим 31 мая на выборах"¹²⁷. Мрачные прогнозы видного деятеля непредняцкой партии полностью подтвердились. Во всех 39 избирательных округах победу одержали кандидаты оппозиции. Совершенно очевидно, что законным "парламентским" путем победить оппозицию было уже невозможно. Общественное мнение страны, благодаря умелой организации и агитации радикальных активистов, однозначно высказывалось в ее пользу. Обуздать радикалов, т.е. создать видимость нормального функционирования государственной машины можно было только эскалацией антиконституционных мер.

Скупщинское большинство, старавшееся любыми средствами удержаться у власти, приняло решение аннулировать мандаты вновь избранных оппозиционеров и вместо них считать избран-

ными тех из кандидатов, которые после них получили большинство голосов. Так как эти псевдодепутаты, как правило, получили всего по несколько голосов, а нередко и по два, скупщина, наконец-то с их помощью обеспечившая искусственный кворум, получила название "двухголосой". Пирочанац, юрист по образованию, не мог вынести такого насилия над писанным правом и в четвертый раз за год подал в отставку. И вновь, в который уже раз, король не принял отставку премьера. Совместно с австро-венгерским посланником ему снова удалось убедить Пирочанца в необходимости остаться во главе кабинета. Однако это не могло оградить членов правительства от глубокого пессимизма, который их охватил после двух поражений подряд.

Оказавшись вне скупщины, радикалы всерьез занялись укреплением внутренних структур партии на местах и резко усилили агитацию в народе. В конце июля 1882 г. в течение трех дней в Крагуеваце проходил первый общенациональный съезд радикальной партии, на который собрались делегаты от всех местных партийных комитетов.

После некоторого затишья, последовавшего после радикального съезда, в октябре 1882 г. снова грянул гром. 11 октября Елена Маркович, вдова расстрелянного в 1878 г. Еврема Марковича, совершила покушение на короля Милана, дважды выстрелив в него в Соборной церкви, куда он по обычаю зашел после возвращения из заграничного вояжа. Ситуация накалилась до предела. Милан Обренович, получив повод для расправы, был готов к самым крайним мерам, не исключая государственного переворота. По справедливому замечанию А. Раденяча, "король Милан, в свое время воспользовавшийся Топольским восстанием для ликвидации одного из родоначальников ненавистного ему радикального движения Еврема Марковича, собирался сейчас использовать покушение вдовы Еврема для ликвидации всего руководства непокорной радикальной партии"¹²⁸.

Однако Пирочанац решительно выступил против чрезвычайных мер. Он "вел себя скорее как юрист, нежели как политик"¹²⁹, и добивался проведения судебного расследования над

Е.Маркович строго законным путем. Когда король потребовал от него ареста членов Главного комитета радикальной партии, премьер в пятый раз за год предложил свою отставку. Против чрезвычайных мер выступили и остальные члены кабинета¹³⁰.

Натолкнувшись на решительное нежелание правительства участвовать в антиконституционных действиях, король не решился с ходу их употребить. Вместе с тем он попытался составить новую правительственную коалицию на базе "договора между всеми элементами порядка в стране, чтобы воспрепятствовать революционной агитации радикалов"¹³¹. Другими словами, королю нужна была надежная опора опять-таки для чрезвычайных мер, от идеи которых ему было трудно сразу отказаться. А.И.Персиани писал по этому поводу Н.К.Гирсу: "Слабость нынешнего министерства заставила короля Милана просить содействия единственно оставшейся консервативной партии - партии Ристича. При этом король старается заручиться господином Ристичем и его друзьями, не изменяя политики, которой следовало правительству последнее время"¹³². Несколько дней прошли в бесплодных переговорах. В конце концов из королевской затеи ничего не вышло - слишком велика была разница во взглядах между предполагаемыми союзниками по коалиции - австрофилами напредняками и русофилами либералами. "Г-н Ристич, - подвел итог российский посланник, - отверг предложение короля"¹³³.

Пирочанац также без особого энтузиазма отнесся к предполагаемому союзу с либералами Ристича¹³⁴. Таким образом, король, не найдя надежной опоры ни в напредняках, ни в либералах, вынужден был отказаться от идеи государственного переворота и от скорой расправы с радикалами. К этому надо лишь добавить, что на этот раз и Австрия отнюдь не поддерживала авантюристические намерения Милана Обреновича относительно введения чрезвычайных мер.

Что касается радикалов и их отношения к покушению Е.Маркович, то оно было однозначно отрицательным. В протоколах заседаний Главного комитета радикальной партии записано: "Это несчастное событие вызвало самую негативную ре-

акцию у членов Главного комитета"¹³⁵. Радикалы также решительно выступили против попыток политических противников представить дело так, что-де за спиной Е.Маркович стоял Главный радикальный комитет, подчеркнув, что "мотивом этого несчастного события является исключительно чувство личной мести"¹³⁶. Столкнувшись с реальной возможностью государственного переворота, лидеры радикалов прекратили на время активную оппозиционную деятельность и сами пустились в различные политические комбинации с целью по возможности свести на нет вероятность введения чрезвычайных мер и отмены действующей конституции. Через несколько дней после покушения председатель Главного комитета Н.Пашич испросил аудиенцию во дворце для выражения лояльности монарху¹³⁷.

Одновременно, прослышав о возможном составлении либерально-напредняцкого кабинета под председательством ближайшего соратника Ристича, бывшего министра внутренних дел Радивою Милойковича, Пашич гарантировал поддержку предполагаемому правительству со стороны радикалов при выполнении последним следующих условий: "Свобода печати и право сходов, сохранение нынешней конституции до собрания Великой скупщины, собрание Великой скупщины и согласие будущего правительства на предание нынешнего кабинета суду в случае, если скупщина выскажется за это"¹³⁸. Лидеры либералов согласились на первые три требования радикалов, и между представителями обеих партий начались переговоры. Р.Милойкович не скрыл от короля предложения Пашича¹³⁹, что, естественно, не могло понравиться монарху¹⁴⁰.

Между тем, после того, как идея Милана о совместном либерально-напредняцком кабинете потерпела фиаско, переговоры лидеров радикалов и либералов потеряли всякий смысл. Однако радикалы вряд ли имели основания жалеть об этом. И без их "участия" государственный переворот оказался в конце 1882г. невозможен. Мечты короля Милана об окончательном расчете с ненавистными ему радикалами на этот раз не осуществились.

Оценивая в целом главные события 1882 г., следует выделить несколько новых моментов и тенденций. В этом году зна-

чительно углубился и обострился кризис власти. Это углубление кризиса прежде всего выразилось в том, что решение государственных дел строго конституционным путем, в рамках регулярных заседаний скупщины, стало невозможным. Расстановка сил в скупщине уже в начале 1882 г., по словам С. Стоичича, "создала у правительства напредняков уверенность в невозможности единоличного управления страной без использования антиконституционных средств; у радикальной партии она создала уверенность в собственной силе, которая достаточно велика, чтобы реально угрожать любому кабинету, который будет сформирован без ее участия"¹⁴¹.

С марта-мая 1882 г. после выхода из скупщины оппозиционных депутатов и повторного их избрания, кризис правления в Сербии стал перманентным. Причем он приобрел новое качество. Перестала функционировать сама скупщинская система, ибо, как показали мартовские и майские дополнительные выборы, правительство было уже не в состоянии обеспечить достаточный кворум для нормальной деятельности скупщины. По определению М. Джорджевича, "расстановка политических сил достигла такой ясности, когда никакие обычные средства правительства не могли помешать волеизлиянию избирателей"¹⁴².

Подобная ситуация вынуждала правительство действовать фактически незаконно. Была созвана "двухголосая" скупщина, которая вряд ли могла считаться подлинным органом народного представительства. Тем не менее, она приняла ряд важных законов и прежде всего рестриктивного характера: об ограничении свободы печати, об образовании корпуса охраны общественной безопасности и т.д. Эти законы, принятые с помощью антиконституционных методов, существенно ограничивали права и свободы, введенные самим правительством напредняков в 1880-1881 гг., что, естественно, способствовало падению и без того значительно подорванного авторитета кабинета Пирочанца.

Кризис власти не ограничился конституционным хаосом в верхнем эшелоне управления. Местные органы власти в провинции также не могли нормально функционировать, ибо потеряли

свой престиж у населения. Сохранились тревожные сообщения местных функционеров министру внутренних дел. Начальник Чуприйского округа Алимбие Богич сообщал М.Гарашанину, что "полицейские чиновники, особенно окружные начальники, не имеют больше в народе того значения, которое они имели раньше". Заканчивая свое донесение, он подчеркнул свою мысль еще более категорично: "Окружные начальники... потеряли в глазах народа всякий авторитет"¹⁴³. Начальник Ужицкого округа Мита Бралович с неменьшей озабоченностью докладывал министру: "Без особой радости смотрю я на тех же самых людей, которые двадцать лет ^{назад} встречали меня - в ту пору еще срезского писаря - сняв шапки, и во всем меня слушали и полностью мне доверяли, и которые сейчас как бы соревнуются в степени бесстыдства; к сожалению, тот считается настоящим представителем народа, кто выступает против всего, что исходит от властей"¹⁴⁴.

К этому добавим, что кризис власти в 1882 г. имел еще один аспект - он распространился на военную организацию Сербии. Народное ополчение - основа этой организации - не могло больше считаться полностью надежным, ибо, как показала практика, ополченцы далеко не всегда желали подчиняться приказам своих начальников. Наиболее яркий тому пример - отношение народного ополчения, состоявшего из вооруженных крестьян, к появлению на территории Сербии отрядов черногорцев, двигавшихся в Герцеговину на помощь восставшим. Оказалось, что ополченцы отнюдь не с воодушевлением восприняли приказ пресечь акцию добровольцев. И тот факт, что добровольческие отряды практически беспрепятственно прошли от одной границы Сербии до другой, говорит о сознательном нежелании ополченцев, отряженных для ареста добровольцев, выполнять приказы властей. Об этом недвусмысленно говорится в донесении того же М.Браловича М.Гарашанину: "Мы вообще не можем рассчитывать на народное ополчение... так как наши люди ни за что не стали бы стрелять в черногорцев, а скорее всего повернули бы оружие против нас, чиновников. Эта вероятность основывается на том, что наши люди, из ко-

торых состоит народное ополчение, следуют коварной политике, подвергая критике всякое деяние властей и любое их распоряжение, высказывая на каждом шагу признаки враждебного отношения к чиновничеству". Исходя из этого, М.Бралоич предлагал министру изъять у крестьян оружие и боеприпасы¹⁴⁵.

Ужасные события явились опасным сигналом для правительства и самого короля Милана. Ненадежность народного ополчения, так ярко проявившаяся во время этих событий, стала главной причиной принятия закона о корпусе охраны общественной безопасности и закона 1883 г. о регулярной армии. Объективности ради надо отметить, что король и правительство вовремя учли возможную опасность и приняли достаточно эффективные меры.

Другой отличительной чертой политической ситуации 1882 г. являлось то, что сам король Милан на этот раз открыто вмешался в политическую борьбу, от чего его не раз предостерегали сторонники династии, окончательно связав себя с партией напредняков. Михайло Маркович, оценивая в своих мемуарах события 1882 г., без обиняков заключил: "Король Милан был тогда большим напредняком, чем все члены напредняцкого кабинета"¹⁴⁶. Сам этот факт не мог не способствовать окончательному падению авторитета королевской власти в народе. Кулаковский в письме Аксакову отметил: "Конечно это вмешательство (короля Милана. — А.Ш.) в дела партий, как и все последние проделки министров и короля, окончательно уронили нравственное влияние королевской власти"¹⁴⁷.

Вместе с тем, несмотря на откровенную ангажированность Милана на стороне напредняков, отношения между ним и министрами, особенно премьером Пирочанцем, примерно с момента покушения Е.Маркович, начали быстро ухудшаться. Пирочанец, вся драма которого заключалась в том, что не найдя в стране широкой опоры для своей объективно буржуазной программы развития независимой Сербии по пути, уже пройденному большинством развитых европейских стран, он был вынужден опираться лишь на авторитет короля Милана, естественно, требовавшего от кабинета за поддержку учитывать его личные ин-

тересы. Отсюда и зависимость правительства от короля при подписании "Тайной конвенции", в деле Бонту и т.д. Однако, когда требования короля стали чрезмерными, как в деле о покушении Е.Маркович, Пирочанац, которого при всей его зависимости от короля трудно было назвать придворным политиком, выступил против этих требований, выполнение которых привело бы к вакханалии беззакония. По следам событий он записал в дневнике: "Я сказал королю, что наша партия в любом случае будет продолжать борьбу против радикализма, останется она у власти или нет, но эта борьба может носить исключительно партийный характер, т.е. юстиция и суды должны остаться вне этой борьбы и в нее не вмешиваться"¹⁴⁸. Встретив недвусмысленное сопротивление своим личным намерениям, король, естественно, не мог не изменить в худшую сторону своего мнения о "щепетильном премьере".

Итак, следует подчеркнуть еще раз, — в 1882 г. в Сербии был налицо кризис власти, принявший хронический и всеобщий характер и поразивший все ее структуры и отношения между отдельными ее субъектами.

Говоря о новых моментах, которые принес 1882 г. в политическую практику Сербии, следует особенно отметить, что арена политической борьбы по сравнению с прошедшим годом значительно расширилась. П.А.Кулаковский в "Московских ведомостях" обратил внимание на это явление: "До сих пор партии имели арену своих действий только в городах, там где примостилась интеллигенция со своим разнообразием воспитания, воззрений и убеждений. Теперь борьба партий перенесена в народ, и все партии — напредняки, и либералы, и социалисты, и радикалы старались получить популярность в стране и втянуть сельского жителя в партийную борьбу"¹⁴⁹. В этой борьбе в народе больше шансов на успех имели радикалы, которые через сеть созданных именно в 1882 г. местных комитетов и с помощью большого числа активистов и агитаторов сумели распространить свое влияние практически на каждый округ и срез.

К этому надо добавить, что 1882 г. характеризовался

дальнейшей поляризацией сербского общества. Падение авторитета правительства и усиление агитации радикалов во многом способствовали тому, что уже в этом году народ фактически разделился на два лагеря. Причем, осознание принадлежности к одному из этих лагерей все прочнее проникало в массы сербского крестьянства. Более того, в народе постоянно росло сознание диаметральной противоположности интересов обоих этих лагерей, что порождало у многих достаточно бескомпромиссный настрой. Показательно в этом смысле заявление кмета села Голубинь Босилька Петровича, сделанное летом 1882 г.: "Большинство (скупщинское. - А.Ш.) пользуется поддержкой короля. Если большинство победит меньшинство - быть борьбе, а если меньшинство - радикалы - завоюют большинство, тогда министерство должно будет пасть, а вместе с ним и король"¹⁵⁰.

О степени поляризации сербского общества в 1882 г. свидетельствует и уже упоминавшийся факт победы радикальных кандидатов на проводившихся дважды дополнительных выборах в скупщину. Причем, убедительность победы (во втором случае она была абсолютной) на этих промежуточных выборах свидетельствует о сформировании на местах прочного прорадикального электората¹⁵¹.

Все вышеперечисленные новые тенденции, характеризующие политическую ситуацию, сложившуюся в Сербии в 1882 г., позволяют, с одной стороны, в какой-то степени скорректировать оценку С.Ивановича, который, говоря о партийной борьбе накануне всеобщих выборов в сентябре 1883 г., отметил: "В борьбе, которая велась между напредняками и радикалами, напредняки имели на своей стороне короля, а радикалы - народ. Король, таким образом "онапреднячился", а народ - "орадикалился"¹⁵². Как представляется, более точным было бы заключение, что уже в 1882 г. четко проявились и пронапредняцкая приверженность короля, и прорадикальное определение большей части сербского народа. В этом смысле совершенно прав видный деятель либеральной партии Стоян Бошковиц, с уверенностью заявивший в декабре 1882 г. в письме Кулакову: "Первые же всеобщие выборы в Народную скупщину при

нынешнем соотношении сил окончатся поражением нынешнего сербского кабинета"¹⁵³.

С другой стороны, есть, как видится, основания заключить, что новые политические реалии 1882 г. обусловили неизбежность трагических событий осени 1883 г. Противостояние и конфронтация достигли такого уровня, что разрядиться ситуация могла лишь путем насильственного "выпуска пара". Столкновение и поражение одной из сторон было неотвратимо. Очень точно почувствовал эту чреватую взрывом уже в 1882 г. ситуацию П.А. Кулаковский. В письме В.В.Макушеву по возвращении из Белграда в Россию он пророчески заметил: "Грустную картину представляет собой Сербия... дело едва ли обойдется без революции и крови"¹⁵⁴.

3. Углубление конституционного кризиса в 1883 г. и решающее столкновение

1883 г. начался в Сербии под знаком предстоящих всеобщих выборов в скупшину, ибо именно в этом году заканчивались полномочия депутатов, избранных после падения режима Ристича в конце 1880 г. на трехлетний период. По вопросу о характере созываемой скупщины мнения короля и его министров разделились. Напредняки, особенно их лидер М.Пирочанац, настаивали на созыве Великой народной скупщины с тем, чтобы на ней перейти к практическому решению вопроса об изменении конституции. Напомним, что еще в 1880 г. главным пунктом программы нового тогда правительства был пункт о необходимости изменения либеральной конституции 1869 г., причем в 1881 и 1882 гг. скупщина в принципе уже высказалась за это.

Возвращение в 1883 г. в повестку дня вопроса о ревизии конституции и необходимости в связи с этим созыва Великой народной скупщины проистекало, как представляется, из того, что кабинет Пирочанца надеялся этой акцией, а точнее выполнением обещания, данного еще два года назад, поднять свой давно низко упавший в народе авторитет¹⁵⁵. Настаивая на созыве Великой народной скупщины и надеясь на одобрение ею проекта новой конституции, им предложенного, правительство

рассчитывало получить, таким образом, от высшего органа народного представительства индульгенцию за все свои старые "грехи". А.И.Персиани в донесении Н.К.Гирсу отметил по этому поводу: "Хотя созыв Великой скупщины представляет немалую опасность, он имеет ту выгоду, что, в случае удачи, все незаконные поступки правительства за последние годы будут освящены всенародным одобрением"¹⁵⁶. Созыв же обычной скупщины напреднякам ничего не давал. По словам того же Персиани, он "может лишь указать на слабость правительства, так как... выяснится, что правительство не сдержало слова и что обещанное тронной речью (в январе 1881 г. - А.Ш.) изменение конституции было лишь обманом"¹⁵⁷.

Можно, следовательно, констатировать, что использование популярного в народе лозунга пересмотра конституции и расчеты на то, что от депутатов Великой народной скупщины, в случае ее созыва, удастся добиться одобрения проекта новой конституции, предложенного правительством, оставались для кабинета напредняков последней надеждой "удержаться на плаву".

Исходя из этой ориентации, лидер напредняков М.Пироча-нац разработал проект конституции, в котором "перевес ума над сырой массой" обеспечивался бы учреждением сената, как верхней палаты скупщины и снятием ограничений при выборах в нее¹⁵⁸. Кроме того предполагалось отменить институт назначаемых монархом депутатов. Этот проект в июле 1883 г. был передан для рассмотрения и утверждения королю¹⁵⁹.

Точка зрения Милана Обреновича на возможность немедленной ревизии конституции и созыва Великой народной скупщины существенно отличалась от позиции его министров. И вообще, надо отметить, что к началу 1883 г. король находился в довольно незавидном положении, которое точно охарактеризовал А.И.Персиани: "Рядом ошибок король создал себе такую обстановку, из которой он не может выйти без явного для себя риска. Он, с одной стороны, не смеет откровенно обратиться к оппозиции (русофильски настроенным радикалам. - А.Ш.), опасаясь навлечь на себя негодование Австрии и вооружить против

себя своих нынешних министров, с которыми заодно он вел темные финансовые операции, а с другой — он сознает бессилие нынешнего кабинета и неизбежность постыдного падения, которое ожидает последний в близком будущем"¹⁶⁰.

В таких неблагоприятных условиях король был решительно против затеи правительства Пирочанца созвать Великую народную скупщину, так как, по замечанию Персиани, "он вовсе не намерен рисковать своим престолом для удовлетворения интересов партии, к которой принадлежит его министерство", ибо "созвание Великой скупщины в Сербии составляет событие первостепенной важности, и народная воля, высказанная этим собранием не раз приводила к низложению сербских государей, как это случилось с Милошем (Обреновичем. — А.Ш.) и Карагеоргиевичем (Александром. — А.Ш.)". "Настоящая минута, — по мнению российского посланника, — принадлежит к числу критических, и опасения короля небезосновательны"¹⁶¹.

Сам король Милан прекрасно осознавал всю важность и рискованность возможного созыва Великой народной скупщины. Пытаясь маневрировать, он всячески оттягивал решение этого вопроса, хотя в глубине души у него давно созрел негативный ответ на предложение своих министров. В особо доверительном письме Ч.Мягтовичу, находившемуся в Вене, король, не скрывая, писал о своих опасениях и намерениях; "Самый важный вопрос сейчас в Сербии — это, без всякого сомнения, вопрос о том, какую надо созывать скупщину — Великую или обычную. С момента Вашего отъезда решение этого вопроса не продвинулось ни на шаг. Не буду скрывать, но я особенно стремился оттянуть это решение... Устроить выборы (в Великую народную скупщину. — А.Ш.) под впечатлением свадьбы Петра (Карагеоргиевича. — А.Ш.) с династической точки зрения было бы большой ошибкой"¹⁶².

Отношение короля Милана к необходимости пересмотра конституции в условиях 1883 г. было также довольно неопределенным. Он дал согласие на обсуждение проекта, разработанного Пирочанцем, на заседании кабинета, но вместе с тем, никоим образом не хотел увязывать это обсуждение с решением

вопроса о Великой скупшине. В письме Миятовичу он откровенно сформулировал эту мысль: "Pro forma, я согласился на обсуждение вопроса об изменении конституции, чтобы увидеть, чего же в действительности хочет кабинет, но без уточнения самого главного вопроса (о созыве Великой народной скупщины. - А.Ш.). Тем самым я сохранил за собой полную свободу рук"¹⁶³.

Развязка наступила 20 июля 1883 г. во время представления принятого на заседании правительства проекта новой конституции королю, который, по словам члена депутации С.Новаковича, "встретил их (членов депутации. - А.Ш.) холодно и назвал проект "красноватым"¹⁶⁴. Он отказался его утвердить и высказал свое неудовольствие по поводу содержавшегося в предложенном документе намерения его авторов ограничить прерогативы власти монарха¹⁶⁵. "Отношения между королем и министрами, - констатировал С.Новакович, - к этому времени уже охладели"¹⁶⁶. Высказав свое негативное отношение к ревизии конституции, король Милан уточнил свою позицию и в вопросе созыва Великой скупщины. А.И.Персиани отметил, что "он наотрез отказал своим министрам в согласии своем на созывание Великой скупщины"¹⁶⁷.

Назревал очередной правительственный кризис. Однако развиться ему помешало одно внешнеполитическое событие. В апреле 1883 г. правительство напредняков подписало железнодорожную конвенцию (*Convention à quatre*), по которой сербская дорога соединялась с болгарской у Пирота и с турецкой у Вранья. Тем самым Сербия получала прямое сообщение с Константинополем и Салониками и, таким образом, ее первая магистраль становилась важной составной частью мировой железнодорожной сети¹⁶⁸, что, несомненно, давало новые возможности для развития страны. Эта конвенция, которую сербская сторона обязалась ратифицировать не позднее 1 октября 1883 г., по словам Персиани, "могла бы встретить со стороны нового министерства сопротивление, что и побудило короля отсрочить министерский кризис"¹⁶⁹.

Исходя из необходимости ратификации конвенции, а также

из своей глубокой уверенности в нецелесообразности в данный напряженный момент созыва Великой народной скупщины, король Милан предложил своим министрам план, который в редакции Персиани выглядит следующим образом: "Ввиду того, что срок полномочий действовавшей донне скупщины истек, король предлагает созвать чрезвычайную скупщину с исключительной целью — заняться вопросами о железнодорожной связи. В случае, если результаты выборов окажутся благоприятными для правительства, то временная эта скупщина будет превращена в постоянную; если же нет, то временный характер, который будет присвоен ей королевским указом, даст возможность распустить ее по миновании надобности. В случае, если этот опыт не удастся, король обратится для составления кабинета к людям, не принадлежащим ни к какой партии и задача которых будет состоять в успокоении возбужденных народных страстей"¹⁷⁰. А для того, чтобы этот "опыт" удался, король не имел ничего против, чтобы напредняцкая партия участвовала в избирательной кампании с популярным в народе лозунгом пересмотра конституции¹⁷¹. Он в принципе также не возражал против повторного возвращения к "изучению" этой проблемы после решения железнодорожного вопроса и на словах даже не исключал возможность проведения выборов в Великую скупщину, при условии успеха напредняков на предстоящих выборах в скупщину обычную, созываемую как было сказано, для ратификации конвенции¹⁷².

Таким образом, с помощью бесцеремонных манипуляций, а также неопределенных и довольно туманных обещаний монарха был достигнут компромисс. 5 августа 1883 г. был подписан королевский указ о проведении 7 сентября всеобщих выборов в обычную скупщину. Днем позже появилось воззвание правительства о своей приверженности идее изменения конституции.

Все эти закулисные коллизии оставались, однако, тайной для сербского общественного мнения. Радикалы, имея в виду окончание полномочий скупщины, избранной в 1880 г., вполне резонно ожидали проведения в наступившем 1883 г. всеобщих выборов. Мало того, они всерьез рассчитывали на созыв Великой народной скупщины. Еще в октябре 1882 г., когда в Бел-

граде в очередной раз запахло правительственным кризисом, главный штаб радикалов в письме местным комитетам констатировал, что "если они (напредняки. - А.Ш.) останутся у власти, они должны будут созвать Великую скупщину"¹⁷³. Кабинет Пирочанца, как известно, устоял, и уверенность радикалов в созыве Великой скупщины укрепилась. В апреле 1883 г. Р.Милошевич писал Кулаковскому: "Выборы в Большую скупщину наверное будут, но едва ли раньше октября"¹⁷⁴. Уверенность радикалам придавала также вера в то, что постанова конституционного вопроса правительством Пирочанца серьезна и основательна. Только этим можно объяснить тот факт, что, начиная с конца марта 1883 г., радикальный Главный комитет начал ускоренно разрабатывать свой проект новой конституции¹⁷⁵, который, несомненно, должен был стать альтернативой проекту напредняков. На заседании Главного комитета от 26 июля было решено послать проект конституции в местные партийные комитеты для замечаний и обсуждения¹⁷⁶.

Радикалы всерьез взялись за подготовку ревизии конституции. Мало того, они подчеркивали, что именно изменение конституции является их главной задачей. В письме радикального центра местным комитетам от 8 февраля 1883 г. содержится прямое тому свидетельство: "Цель всей нашей политической борьбы сводится к тому, чтобы народ смог нормальным, законным путем изменить конституцию"¹⁷⁷. Под дефиницией "законный путь" следует понимать, естественно, созыв Великой народной скупщины - высшего органа, который, согласно действовавшему тогда в Сербии писаному праву, единственный имел полномочия для пересмотра основного закона.

Подготовка к выборам в скупщину стала, таким образом, основным содержанием деятельности радикальной партии в 1883 г. Персиани в донесении Гирсу от 25 мая 1883 г. подчеркнул, что "оппозиция ожидает с нетерпением указ о выборах. Она почти уверена в успехе своих кандидатов"¹⁷⁸. Ожидая подписания указа о выборах, Главный комитет радикальной партии организовал, выражаясь современным языком, общепартийную дискуссию по поводу возможного соглашения и союза

с либеральной партией Ристича. Этот вопрос имеет небольшую предысторию.

Как уже отмечалось, многие источники зафиксировали первые попытки контактов между руководящими деятелями радикальной и либеральной партий после покушения Е.Маркович II октября 1882 г.¹⁷⁹ Причем, все эти источники в один голос констатируют, что первыми вышли на контакт радикалы, страшась возможного государственного переворота и отмены конституции. Как пример приведем высказывание А.И.Персиани, который в донесении министру отметил, что "радикальная партия, опасаясь государственного переворота в смысле диктатуры, стала менее требовательна и начала заискивать перед господином Ристичем"¹⁸⁰.

Однако, события октября 1882 г. не привели к монархическому перевороту. Напредняцкий кабинет остался у власти. Конституция не была отменена. Тем не менее, несмотря на то, что непосредственная опасность, грозившая "достижениям парламентаризма", была отклонена, контакты между представителями либералов и радикалов не прекратились. Так, А.И.Персиани сообщал 27 ноября 1882 г. Н.К.Гирсу: "В настоящее время г-н Ристич вырабатывает с радикалами программу их совместной деятельности... Переговоры между г.Ристичем и радикалами продолжаются"¹⁸¹. Продолжались эти контакты и далее. Свидетельства тому мы находим в переписке видных либеральных деятелей с корреспондентами из России. Еврем Илич – профессор богословия – 20 декабря 1882 г. писал И.С.Пальмову что "идут переговоры между либералами и радикалами о фюзии (союзе. – А.Ш.)"¹⁸². В тот же день, 20 декабря, совершенно независимо от Е.Илича, Стоян Бошкович сообщал Кулаковскому: "Хорошо то, что оппозиционные фракции (либералы и радикалы) постоянно сближаются и ищут совместную основу для возможно более сильного отпора "напредняцкой партии" и ее ошибочной внешней и внутренней политике"¹⁸³.

Наличие контактов в начале 1883 г. признали сами радикальные лидеры в письме местным комитетам от 8 февраля 1883 г. Кстати, вызывает интерес трактовка взаимоотношений

радикалов и либералов, изложенная в этом послании радикального штаба: "Несколько раз либералы пытались вступить с нами в переговоры по поводу возможного соглашения особенно с тех пор, когда наша партия усилила свои позиции в народе... Несчастное событие, покушение на жизнь короля, усилило слухи о чрезвычайном положении... Либералы выразили желание серьезно обменяться мнениями, чтобы определить точки соприкосновения обеих партий. Через наших единомышленников либералы пригласили Главный комитет к переговорам, и он, имея в виду политическую ситуацию, наступившую после покушения... разрешил некоторым своим членам частным образом обменяться мнениями с либералами... Но вследствие того, что политическая ситуация позднее заметно изменилась, дальше этих переговоров дело не пошло. Сейчас, когда приближается время выборов, либералы опять желают услышать от нас, возможно ли в настоящих условиях соглашение между партиями"¹⁸⁴.

Как видим, определенные связи, существовавшие между двумя оппозиционными партиями, не прерывались по крайней мере с момента покушения Е.Маркович и до февраля 1883 г. Причем из цитированного письма очевидно, что Главный комитет радикалов скрыл от членов партии на местах тот факт, что либерально-радикальные контакты носили постоянный характер, представив их как эпизодические предложения к сотрудничеству, исходящие исключительно от либерального руководства.

Несмотря на то, что "большинство местных комитетов высказало мнение о том, что сейчас нет необходимости вступать в союз с либеральной партией" и что Главный комитет обязался, "придерживаясь партийного устава, не вступать ни в какие переговоры о заключении соглашения с либералами"¹⁸⁵, радикальные функционеры продолжали поддерживать определенные связи с либералами даже летом 1883 г., когда реальная сила и влияние радикальной партии достигли своего апогея. М.Миличевич отметил тогда в дневнике тот факт, что радикалы "вели переговоры и с либералами, и с нами (т.е. с напредняками.- А.Ш.)"¹⁸⁶. Свидетельство Миличевича подтверж-

дают протоколы заседаний Главного комитета радикальной партии. Из их уцелевших фрагментов видно, что по крайней мере на двух заседаниях – 13 и 14 августа, т.е. непосредственно перед выборами, вопрос о возможном соглашении с либеральной партией стоял в повестке дня¹⁸⁷. Из формулировок пунктов повестки можно понять, что речь идет о потенциальной предвыборной коалиции. Так, к примеру, 14 августа Главный комитет рассматривал "сообщение о переговорах с либералами о выборах"¹⁸⁸.

В конце концов, из переговоров ничего не вышло. Никакого предвыборного соглашения не последовало¹⁸⁹. Вероятно, поэтому на всеобщих выборах в скупщину 7 сентября единого списка кандидатов от обеих оппозиционных партий выдвинуто не было. Именно в этом контексте, как представляется, следует понимать, например, донесение Миты Радовича, начальника Валеvского округа, который 25 августа, т.е. почти накануне выборов, докладывал М.Гарашанину: "Коста Павлович, бывший начальник, с позавчерашнего дня находится здесь. Он уговаривает либералов не объединяться с радикалами и выдвигать от имени своей партии отдельных кандидатов"¹⁹⁰. Этот запрет особенно обращает на себя внимание, если учесть, что ранее и радикалы, и либералы на местном уровне нередко проводили совместные акции. А.Богич, начальник Чуприйского округа, к примеру, сообщал 30 ноября 1882 г. министру: "28 текущего месяца в Чуприи состоялись выборы члена общинного суда и нескольких членов комитета (общинного. – А.Ш.). Членом суда избран кандидат напредняков, а либералам и радикалам, которые действовали совместно, удалось добиться избрания всех своих кандидатов членами комитета"¹⁹¹. А А.Васильевич по поводу коллективной отставки радикалов и назначения дополнительных выборов отметил в свое время: "Либералы решили не участвовать в выборах, но голосовать за радикалов, вышедших в отставку"¹⁹².

Причины фиаско переговоров между лидерами двух партий лежат, вероятно, в чрезмерных амбициях прежде всего либерального руководства, желавшего фактически повторить комбинацию с использованием влиятельных в народе радикалов, как трам-

лина к власти, что, по мнению Ристича и его коллег, удалось напреднякам в 1880 г. Будучи уверенными в неизбежном крахе напредняков на предстоящих выборах, либералы полагали, что король, в силу обстоятельств, будет вынужден передать им мандат на формирование правительства, ибо радикалы, как возможная правящая партия, тогда еще не принимались во внимание ни ими, ни монархом. Союз же с потенциальными победителями выборов радикалами (а в их победе ристичевцы не сомневались) дал бы им шанс заработать некоторый политический капитал в глазах народа, у которого недавнее правление Ристича все еще вызвало одиозные ассоциации.

Либералы-русифилы не имели понятия о заключенной королем Миланом "Тайной конвенции" с Австро-Венгрией. И поэтому, считая себя единственными кандидатами на формирование правительства, отказались от предложения монарха войти в коалицию с напредняками после покушения Е.Маркович. Ристич не привык делить власть. Возможная комбинация с радикалами казалась ему предпочтительнее. На гребне радикальной победы на выборах либералам, по мнению Ристича, легче было прийти к единоличной власти.

Радикалы, естественно, не могли согласиться с подобной концепцией возможной коалиции и с уготованной для них либеральной режиссурой ролью в ней. Однако сам факт постоянных контактов с либеральной верхушкой и длительные переговоры с ней (даже после негативной реакции на них большинства местных комитетов партии) со всей определенностью показывают, что лидеры радикалов имели в этом деле свои скрытые резоны и преследовали определенные цели, о характеристике которых речь пойдет ниже...

Тем временем, как уже говорилось, 6 августа 1883 г. был опубликован королевский указ о проведении 7 сентября выборов в обычную Народную скупшину. Причиной созыва обычной, а не Великой, скупщины правительство объявило необходимость оперативной ратификации железнодорожной конвенции.

Острая борьба за победу на предстоящих выборах, которая велась и до указа¹⁹³, достигла своего пика. Характеризуя по-

литическое противостояние накануне выборов, Д.Тодорович справедливо подчеркнул: "В этот момент впервые после своей организации сошлись лицом к лицу две новые политические партии: одна правительственная, другая оппозиционная... Столкнулись две противоположные концепции, два различных подхода относительно путей развития страны как в аспекте политическом, так и экономическом, и национальном"¹⁹⁴.

Радикалы бросили на предвыборную агитацию всех своих активистов, всю свою силу и влияние. По описанию П.Тодоровича, "день и ночь работа шла со страшной энергией. Похожие на восточных фанатиков, которые идут в бой под святым знаменем пророка, мы с огромным энтузиазмом бросились в предвыборную агитацию"¹⁹⁵.

В ответ на всплеск активности радикалов правительство усилило полицейские репрессии. Широкий размах приняла чистка управленческих структур на местах от чиновников радикальной ориентации¹⁹⁶. Местные радикальные активисты арестовывались¹⁹⁷. Полиция и жандармы оказывали прямое давление на избирателей. Оппозиционная пресса также подверглась гонению. Многие материалы "Самоуправы" были запрещены, а ее ответственный редактор С.ПротиЧ в мае 1863 г. был приговорен к тюремному заключению за нарушение новой редакции закона о печати, принятой печально известной скупщиной "двогласцев"¹⁹⁸.

Волна насильственных увольнений чиновников из радикалов, а также многочисленные злоупотребления местных полицейских властей и жандармов только усилили напряжение в стране. Население в ряде мест начало оказывать прямое неповиновение властям, что проявилось, к примеру, при попытке составления чиновниками санитарного департамента кадастра наличия скота у населения пограничных районов Сербии¹⁹⁹. Эту тенденцию воинственно негативного отношения населения Сербии к любому решению властей не преминул в донесении в Вену отметить австрийский посланник в Белграде граф Кевенхиллер: "Признаки революционного настроения в Сербии множатся. Административные и судебные власти повсюду встречают открытое сопротивление"²⁰⁰.

И вот наступил день выборов — 7 сентября. По описанию С.Иовановича, "в тот день народ валом валил на избирательные пункты с такой решимостью, будто их надо было брать штурмом. Люди были готовы вступить в схватку с каждым, кто помещал бы им голосовать. Полицейские власти отказывались верить, что это те же самые люди, которые совсем еще недавно спрашивали капитана, за кого голосовать, и часто вообще стеснялись идти на выборы. Такая активность народа на выборах, такое движение масс никогда еще не наблюдались"²⁰¹. Эта беспрецедентная активность обернулась решительной победой радикальной партии на выборах в скупщину. А.И.Персиани писал Н.К.Гирсу: "Несмотря на все средства насилия, употребленные правительством, народная воля восторжествовала, причем побеждена была не только правительственная партия, но и партия Ристича"²⁰². Более чем убедительная победа давала радикалам стабильное абсолютное большинство во вновь избранной скупщине. "Если в Сербии действительно существует конституционный порядок, — записал П.Тодорович, — тогда наступил момент, когда власть должна быть передана радикалам"²⁰³. Однако его мечтам не суждено было сбыться.

Во время победной эйфории радикалов король Милан, находившийся в это время в Германии, в ответ на телеграмму Пирочанца о поражении напредняков на выборах и о том, что вследствие этого "правительство считает, что ему более невозможно оставаться у власти"²⁰⁴, решительно заявил: "Моя политика встречает самое горячее одобрение у среднеевропейских дворов и правительств (читай: Австро-Венгрии и Германии — А.Ш.), и за любовь деструктивных элементов (читай: радикалов. — А.Ш.) я ее не изменю, даже если она не встретит одобрения ни у одной из наших партий"²⁰⁵.

Таким образом, очевидно, что король Милан не желал и слышать о каком-либо сотрудничестве с радикалами. По возвращении из-за границы он, заручившись поддержкой императорских дворов Вены и Берлина, перешел в наступление: приняв отставку правительства Пирочанца, король поручил сформировать новый кабинет Николе Христичу, характеризуя которого П.Тодоро-

вич саркастически заметил: "Тогда, когда не было конституции, во главе правительства стоял Н.Христич. После принятия конституции Христич у власти уже не появлялся. Сам факт того, что он снова появился как глава правительства именно сейчас, говорит о том, что вполне возможна отмена конституции"²⁰⁶. Сам же Пера Тодорович и подвел итог ситуации, создавшейся в Сербии после приезда короля Милана из-за границы: "Таким образом, все стало ясно: король Милан выбрал конфронтацию и войну вместо сотрудничества и мира"²⁰⁷.

Первым же актом нового правительства Н.Христича стало быстрое закрытие только что избранной скупщины с радикальным большинством. Последовавшие вскоре мероприятия властей по изъятию оружия у народного ополчения явились последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. В ответ на эту акцию население восточных округов Сербии ответило восстанием, последствия которого хорошо известны.

x x x

Подводя итоги анализа политической борьбы в Сербии в бурные 1881–1883 гг. и участия в ней радикальной партии, необходимо отметить следующее.

1881–1883 гг. явились исключительно важным периодом политической истории страны. В эти годы в Сербии сложилась система политических партий, сам факт образования которых был следствием углубляющегося раскола сербского общества.

Радикальная партия, представлявшая собой в момент образования в январе 1881 г. фактически лишь клуб радикальных депутатов скупщины, за два года стала огромной, хорошо организованной силой общенационального масштаба, и уже в 1882 г. превратилась в один из решающих, наряду с королем Миланом Обреновичем, факторов политической жизни страны. Именно радикальная партия и монарх, который желал единолично управлять государством, оказались в 1882 г. во главе двух враждебных лагерей. Все иные политические структуры, как самостоятельные субъекты сербской политики, быстро теряли значение, как случилось, к примеру, с либеральной пар-

тием И.Ристича. Противоборство двух лагерей отличалось бескомпромиссностью и очень скоро превратилось в прямую конфронтацию. Каждый лагерь имел свою опору. Радикалы рассчитывали на поддержку народа, король надеялся на "Тайную конвенцию" и регулярную армию, которую он успел перестроить непосредственно перед развязкой. В подобных условиях антагонизм между двумя лагерями усиливался с такой пугающей быстротой, что буквально за два с небольшим года все мирные средства борьбы были исчерпаны и вооруженное столкновение оказалось неизбежным.

Что касается радикальной партии, то она, сумев сплотить вокруг своей программы большинство сербского крестьянства, фактически вела борьбу за власть, которая достигла своего апогея во время выборов в скупшину в сентябре 1883 г. Именно в этом контексте окончательно проясняется смысл на первый взгляд недостаточно логичной "перестраховки" радикалов, которые, несмотря на то, что в их успехе на всеобщих выборах не сомневался практически никто еще в 1882 г., вели тем не менее активную предвыборную кампанию. Внутренняя логика и мотивированность этой "перестраховки" становится полностью понятной, только если принять во внимание грандиозность цели радикалов.

Обратимся к свидетельству А.И.Персиани, который, анализируя предвыборную ситуацию в Сербии в 1883 г., также заметил определенную нелогичность в их поведении. В донесении Н.К.Гирсу он констатировал: "При таких обстоятельствах избирательная кампания казалась бы излишней, так как кабинет, служивший предметом нападков, сам собой удаляется, тем не менее оппозиция усиленно старается увеличить в будущей скупшине число своих приверженцев". Объяснение, данное Персиани этому факту, было, как представляется, единственно верным: "... оппозиция, уверенная в возможности самостоятельной политики, старается приобрести в скупшине силу, могущую победить своеволие короля"²⁰⁶.

В этих словах российского дипломатического представителя — ключ к пониманию тактики и стратегии радикалов. С по-

мощью обычной скупщины они стремились получить власть, или хотя бы разделить ее, чтобы сразу же поставить вопрос о пересмотре конституции, для чего был бы необходим созыв великой народной скупщины, в прорадикальном составе которой можно было бы не сомневаться. Великая скупщина была главной целью радикалов, ибо только она в условиях Сербии начала 80-х годов XIX в. могла легальным путем побороть "своеволие короля". Во имя ее созыва радикалы были готовы даже составить правительственный блок с либералами. Не зря одним из главных условий радикальных лидеров в переговорах с Ристичем был созыв Великой скупщины. Именно здесь, в возможной временной правительственной коалиции с Ристичем, лежат зоны радикалов. Однако, в противовес ему, отводившему радикалам подчиненную роль в коалиции, они сами считали как раз либералов своего рода желательным плацдармом для созыва Великой скупщины, где бы, вероятно, и иссякла тактическая необходимость их союза. Соглашение с партией Ристича должно было поднять репутацию радикалов в глазах короля Милана и облегчить созыв Великой скупщины. Только на ней "карты" должны были раскрыться. Именно поэтому проект конституции – главный свой козырь – радикалы готовили и обсуждали в тайне от властей²⁰⁹. А при этом Великая скупщина с радикальным большинством радикальный же проект конституции, и "своеволие короля" было бы обуздано, ибо, согласно этому проекту, он превратился бы в бесправный символ государства. Решающим политическим фактором в Сербии стала бы Народная скупщина. Такова высшая логика радикальных лидеров, так они планировали совершить "законным путем" перераспределение власти в стране, именно для этого они стремились к участию в правительстве.

Исходя из этого, понятным становится и желание радикалов всеми средствами сохранить в нестабильной обстановке начала 80-х годов действующую тогда конституцию, которая открывала для них путь к Великой скупщине. Только в таком свете возможно рациональное объяснение того факта, что тайная конференция радикальных лидеров, состоявшаяся в конце

сентября в Белграде, уже после фактического разгона радикальной по составу вкупщины, приняла решение об оказании вооруженного сопротивления только в случае, если "король формально отменит конституцию и провозгласит абсолютизм"²¹⁰. До того же радикальная партия, согласно решению конференции, должна была путем петиционной кампании показать и доказать королю, что подавляющее большинство сербского народа желает изменения конституции²¹¹. Главный смысл этой приверженности радикальных лидеров исключительно легальным средствам борьбы выразил Пашич в воззвании из Болгарии (где был в эмиграции), в котором подчеркнул: "Радикальная партия знала, что любое столкновение до созыва Великой скупщины могло бы свести на нет саму возможность изменения конституции"²¹².

Итак, очевидно, что стратегической целью радикальной партии в 1881–1883 гг. являлся созыв Великой народной скупщины. Tактической же ее задачей была защита действующего законодательства до созыва верховного органа народного представительства и борьба за власть.

Король Милан не позволил радикалам добиться поставленных целей. Он наконец-то дождался своего часа. Воспользовавшись Тимокским восстанием, он с помощью регулярной армии жестоко подавил это народное движение и рассчитался с руководством радикалов, обвинив их в подготовке мятежа. Радикальный Главный комитет был в полном составе арестован. Пашичу удалось бежать за границу. Радикальная партия, получив такой сильный удар, была значительно ослаблена. Монарх торжествовал. Однако его победа над радикалами в 1883 г. оказалась пирровой. Она не спасла его от окончательного поражения. В 1889 г. он все-таки вынужден был отречься от престола. Кроме того, "победный" 1883 год в какой-то степени оказался началом конца династии Обреновичей вообще. По справедливому замечанию В. Чубриловича, "король Милан победил народное ополчение с помощью регулярной армии, однако тем самым он ввел регулярную армию в политику. Двадцать лет спустя новое поколение офицеров переворотом 29 мая 1903 г. свергло и физически ликвидировало его сына Александра Обреновича"²¹³...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1937. Књ.2. С.313.
2. Стенографске белешке о седницама Народне Скупштине, која је држана у Београду 1880 и 1881 године. Београд, 1881. С.14-15.
3. Там же. Вице-председателем скупштине князь утвердил напредњак Милана Кујунџича, получившего 128 гласов.
4. Јовановић С. Политичке и правне расправе. Београд, 1908. Књ.1. С.147.
5. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.2. С.320. Подобне утверждения встречаются у ряда авторов как в мемуарной, так и в научной литературе. Приведем некоторые из них.

"Консерваторы настолько свысока отнеслись к молодой группе социалистов (радикалов. - А.Ш.), что не дали ей ни одного места в руководящих органах скупщины. Вследствие этого социалистическая группа обособилась и организовала отдельный... "Клуб радикальной партии" /Василевић А. Моје успомене. Београд, 1990. С.141/.

"В начале января 1881 г. была сформирована радикальная партия... Тогда много говорили о том, что одной из главных причин раскола была ошибка правительства, которое не уступило место заместителю председателя скупщины Н.Пашичу". /Христић К. Записи старог Београђанина. Београд, 1923. С.224/.

"Консерваторы одни составили правительство, а радикалы оказались "за бортом". Это послужило главной причиной того, что в 1881 г. радикалы обособились в отдельную партию". /Поповић М. Порекло и постанак Устава од 1888 г. Београд, 1939. С.53/.

"Князь утвердил в должности Председателя скупщины А.Поповича и ожидалось также, что он подтвердит волю скупщины относительно Вице-председателя. Однако этого не произошло... Можно утверждать, что отсюда берет начало соперничество напредњакво и радикалов". /Митровић Ж. Српске политичке странке. Београд, 1939. С.70/.

6. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.44. Л.14 об. Как предательство "общего" дела расценил выход "Самоуправы" другой видный деятель напредњаквој партији М.Миличевич: "... здесь наши братья радикалы показали, сколько у них искренности и такта. Без какой-либо договоренности с нами, игнорируя нашу программу, они на нас возлагают ответственность за свою". /Дневник М.Милићевића. Свеска II. 9 јануар 1881 г./

7. После решения младоконсервативного правительства распустить скупщину и назначить новые выборы лидера радикальной оппозиции во главе с Пашичем опубликовали в "Виделе" предвыборное обращение, в котором совершенно четко выразили свое отношение к правительству: "В новый кабинет вошли люди, которые были авторами программы "Видела" и которые высказались в ней за свободу печати, свободу слова и собраний, за подлинно конституционный порядок, за независимость судопроизводства и ответственность исполни-

тельных органов - т.е. за все те свободы, за которые мы давно боролись, считая их совершенно необходимыми для нормального развития страны..." Но вместе с тем, "пусть никто не думает, что мы авансом даем правительству нашу единодушную поддержку. Только конкретные дела могут вызвать наши симпатии и получить нашу поддержку". /Пријатељима народа // Ми-лошевић Р. Тимочка буна. Београд, 1923. С.17/.

8. АВПНИ. Ф. Лични архив Р.Ивановича. Оп.915. Д.26. Л.61.

9. Поповић М. Борба ^{за} парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С.52.

10. Видело. 1880. 9 март. Бр.32.

11. Так, наряду с общими положениями о свободе печати, собраний, независимости судопроизводства, ответственности министров и т.д., в программе Пашича сформулированы тезисы о необходимости ликвидации окружных управленческих структур, введения самоуправления в общинах и срезях, усиления народного ополчения, роспуска Государственного совета, упрощения и удешевления полицейского аппарата. /Видело. 1880. 2 мај. Бр.54; Милићевић Ј. Опозиција у Србији уочи стварања организованих политичких странака (1878-1881) // Историјски гласник. 1969. № 2. С.20/. Как видим, разлика существенная.

12. ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2811. Л.4.

13. ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2811. Л.67.

14. ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.2072. Л.12.

15. АВПНИ. Ф. Лични архив Р.Ивановича. Оп.915. Д.26. Л.163.

16. Пашич отметил по этому поводу: "Обе партии участвовали в выборах на основе предвыборного соглашения, однако сразу же после сообщения окончательных результатов, каждая из них попыталась максимально использовать в своих интересах достигнутый совместными усилиями успех". /Рад. Лист за науку и книжевност. Књ.1. Београд, 1881. С.86/.

17. Тодоровић Д. Народни трибун Ранко Тајсић Београд, 1983. С.123.

18. Рад. Књ.1. С.86.

19. Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини XIX века. Београд, 1924. Књ.2. С.161. В своем исключительно емком и содержательном предисловии к дневнику П.Тодоровича "Кровава година" Л.Перович вполне справедливо констатировала: "Не только отказ напредняков после ноябрьских выборов 1880 г. разделить власть с радикалами (т.е. дать возможность Н.Пашичу стать вице-председателем скупщины) привел к обособлению последних. Фундамент для своего политического самопределаения эта группа заложила значительно раньше, и поддержка ею напредняков изначально носила чисто тактический и условный характер". /Перовић Л. Предговор // Тодоровић П. Кровава година" Београд, 1991. С.25-26/.

20. Тодоровић Д. Радикална странка пре Тимочку буну од 1881 до 1883 године // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.29.

21. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.4. Л.5.

22. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Л. 44. Л. 14 об. / (П. А. Кулаковский - И. С. Аксакову, 14 января 1881 г.); Дневник Кулаковского. Л. 15 об. (запись 15 января 1881 г.)//.
23. Дневник М. Милићевића. Свеска II. (9 јануар 1881 г.).
24. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр. I.
25. АСАНУ, Бр. 7242. Бележнице Јована Мишкоковића. Свеска
14. Л. 61 об. (Далее - Бележнице Ј. Мишкоковића).
26. Јовановић С, Влада Милана Обреновића. Књ. 2. С. 318-319; Тодоровић Д. Народни трибун Ранко Тајсић. С. 127.
27. Там же.
28. Самоуправа. 1881. 20 јануар. Бр. 6.
29. Самоуправа. 1881. 8 јануар. Бр. I.
30. Видело. 1881. 18 јануар. Бр. II.
31. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 2. С. 319.
32. Дневник Кулаковского. Л. 15 об. (запись 15 января 1881 г.).
33. Јовановић-Стоимировић М. Силуете старог Београда. Београд. 1981. Књ. 2. С. 54.
34. Јовановић В. Успомене. Београд, 1988. С. 455.
35. Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији 1883-1903. Београд, 1910. С. 15.
36. Характерный пример подобного отношения Ристича и манеры его правления приводит И. Мишкович: "Когда я пришел к Ристичу..., мы говорили о новых министрах. Помимо всего прочего он заявил, что необходимо добиться полной ясности в вопросе взаимоотношений с монархом - если он мне полностью доверяет, пусть не мешает мне в правлении". (Бележнице Ј. Мишкоковића. Свеска 13. Л. 50 об. (4 јуни 1880 г.)//.
- Еще одно свидетельство. Кулаковский в письме Аксакову сообщал: "Представителем Сербии в России" будет Милосав Протиц, хотя князю очень хотелось бы, чтобы им был его дядя Катарджи". /ОР ГИБ. Ф. 14. Л. 8 об. (П. А. Кулаковский - И. С. Аксакову, 12 февраля 1879 г.)//.
37. Оценивая характер требований Австро-Венгрии, Ристич в письме сербскому посланнику в Вене и своему родственнику Филипу Христичу подчеркнул: "Для нас лучше экономическая война, чем такое безысходное состояние". /Письма Јована Ристића Филипу Христићу од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880 г. Београд, 1931. С. 281//.
38. Живановић М. Прилози за пручавање питања империалистичког продирања Аустро-Угарске у Србију - од Берлинског Конгреса (1878) до закључања трговинског уговора (1881) // Српска Академија Наука. Гржа. Књ. 12. Београд, 1956. С. 154, 157.
39. Там же. С. 164. Любопытно, что форма и менторский тон меморандума Ристича пришлись явно не по вкусу монархисту Кулаковскому. Он записал в своем дневнике: "Ристич с министрами составил меморандум..., в котором встречаются такие выражения, по словам Герсича, как "князь сербский Обренович IV должен поступать так и так", ил "не должен уступать Австрии в том-то и том-то" (подчеркнуто в оригинале. - А.Ш.)". /Дневник Кулаковского. Л. 11 (запись 12 октября 1880 г.)//

40. Dragulich Alex. The development of Parliamentary Government in Serbia. New York, 1978. P.69.
41. Чубриловић В., Чоровић В. Србија од 1858 до 1903. Београд, б/г. С.121.
2. Јанковић М. Ука .соч. // Српска Академија Наука. Граза. Књ.12. С.130.
43. Ђорђевић М. Уставна криза у Србији 1881-1883 г. // Зборник правно-кономског факултета у Нишу. Година 6. Ниш, 1967. С.16. Свој лицемерни карактер князь продемонстрировао уже буквално через неколико дана после сформирања новог кабинета. Австријски посланик, саопштава у Вени о разговору с њим, особо отменио његово изјављивање о томе, да "хотјели су (министри. - А.Ш.) и не будуће у стању реализације све идеје, које оне изјављивали, и им придется одбити се од илузија, све равно он не сумња у целом у успеху њиховој активности". /Там же/.
44. Ђорђевић М. Развитак политичких и државноправних институција Србије од краја XVIII до почетка XX века. С.215.
15. Поповић М. Порекло и постанак Устава од 1888 г. С.54.
46. На постојање две антагонистичке тенденције у политичком развоју Србије у општем облику обратио пажњу Ружича Лузина: "У процесу организације српског буржоаског државства, почињу са успонима за ослобођење, појављују се две тенденције - апсолутистичко-авторитарна и буржоаско-демократичка". /Лузина Р. Светозар Марковић и радикали // Социолошки преглед. Београд, 1971. № 3. С.284/.
- Немигуемост судара Милана Обреновића и радикала подчвркнуо у свом капиталном труду Владимир Дворниковић: "Крестьянская славянская демократическая волна гоним громко звучать уже под тяжелой рукой Милоша (Обреновича. - А.Ш.). Его тиранические инстинкты встречаются с сильной конституционной и самоуправленческой волной: абсолютистско-династический и народно-суверенный принципы в первый раз приходят в открытое столкновение... Обе эти тенденции оформляются в воле правления короля Милана становятся ясно выраженными, и как таковые вступают в кровавую борьбу: династическая, бюрократическая, военная форма государства на одной стороне, и "самоуправное", сельско-общинное славянско-демократическое движение (первые революционные радикалы) на другой". /Дворниковић В. Характер епохе Југословена. С.862/.
47. Јовановић-Стојмировић М. Силуете старог Београда. Књ. 2. С.52.
48. Вучковић В. Пад Генералне Уније и проглас Краљевине /1882// // Глас Српске Академије Наука. Београд, 1956. ССХУШ. Нова серија. Бр.4 С.50.
19. Там же.
50. Стенографске белешке Народне Скупштине 1880-1881 гг. С.1426-1718.
- Тодоровић Д. Указ.соч. // Тимочка буна 1883 ... Зборник радова са научног скуп. С.34.
51. Милошевић Р. Тимочка буна. Београд, 1923. С.28.
52. Стенографске белешке Народне Скупштине за 1881 г. (ошибочно; должно быт: за 1882 г. - А.Ш.). Београд, 1882. С.66,190.

53. Дневник Кулаковского. Л.19. (запись 6 марта 1881 г.)
54. ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2812. Л.84 об. (В.Джорджевич - Е.Кочовичу, 24 март 1881 г.).
55. Стенографске белешке Народне Скупштине 1880-1881. С.1718.
56. Дневник М.Милићевића. Свеска II (II март 1881 г.)
57. Јовановић С. Успомене. С.455.
58. Там же.
59. Новаковић С. Указ.соч. С.19.
60. ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2812. Л.84 об. (В. Ђорђевић - Е.Кочовићу, 24 март 1881 г.).
61. "Общественность озлоблена, - писал Кочовичу Джорджевич, - ... в стране растет негодование, а во время дискуссии в скупштине жандармы имели "много работы" с раздраженными гражданами". /ГА РФ. Ф.1167. Оп.3. Д.2812. Л.84- (В. Ђорђевић -Е.Кочовићу, 24 март 1881 г.)//.
62. Дневник Кулаковского. Л.23 (запись 25 марта 1881 г.).
63. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.44. Л.24 об. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 3 марта 1882 г.).
64. Јанковић Д. О настајању и нешто о унутрашњим односима радикалне странке у њеним првим годинама 1881-1883 // Анали правног факултета у Београду. Београд, 1986. Бр.1-3. С.73.
65. Дневник М.Милићевића. Свеска II/13 фебруар 1881 г./
66. Самоуправа. 1881. 19 март. Бр.34.
67. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.2. С.353.
68. Проект конституции, разработанный напредняками, см.: Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији 1883-1903 (прилог).
69. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.2. С.353; Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951. С.213-214; Продановић Ј. Уставни развитак и уставна борба у Србији. Београд, б/г. С.255-256.
70. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.2. С.254.
71. Стојић С. Тимочка буна и уставна реформа у Србији 1883 године // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.164.
72. Тодоровић Д. Указ.соч. // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.32.
73. Цит. по: Јакшић Г. Из новие српске историје. Абдикација Краља Милана и друге расправе. Београд, 1953. С.79-80.
74. Там же. С.79.
75. Странковић Д. Држане званичне Србије за време устанка у Херцеговини и Боки 1882 године // Братство. Београд, 1940. Књ. XXXI. С.209.
76. Там же.
77. Д.Тодорович отметил: "Добровольцев готовила и вооружала Россия, хотя, как известно, согласно тайному соглашению, она "уступила" Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии". /Тодоровић Д. Указ.соч. // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.33/. Как представляется, историк прав лишь отчасти. Действительно, к организации и оснащению добровольческих чет в Болгарии "приложил руку" российский представитель в Софии М.А.Хитрово, но делал он это, выполнив

план российских славянофилов во главе с И.С.Аксаковым и фактически игнорируя инструкции министра иностранных дел. Позицию же официального петербургского кабинета прекрасно иллюстрирует собственноручная помета Александра III на депеше А.И.Персиани о начавшемся в Боснии и Герцеговине восстании: "Очень хотелось бы им помочь, но не время теперь". /АВПРИ Ф.Политархив. 1882. Д.419. Л.31/.

78. АС. МГ-413. Л.4 (М.Пирочанац - М.Гарашанину, 6 мај 1882 г.).

79. АС. МГ-420. Л.15, 16, 20, 41, 42 (М.Гарашанин - окружным начелницама, 25, 26 април 1882 г.; окружни начелници - М.Гарашанину, 12, 13 мај 1882 г.).

80. Тодоровић Д. Указ. соч. // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.33; АС. МГ-420. Л.7 об. (М.Брадовић - М.Гарашанину, Ужице, 30 април 1882 г.).

81. АС. МГ-395. Л.33 (К.Радовановић - М.Гарашанину, Чачак, 9 мај 1882 г.).

82. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.44. Л.30.

83. Рад. Књ. I. С.89.

84. Пашич так оценил деятельность сербского парламента за 1881 г.: "В целом можно констатировать, что скупщина сделала много позитивного, однако еще больше она наделала ошибок, одобряя и поддерживая предложения правительства" /Рад. Књ. I. С.88/.

85. Рад. Књ. I. С.88-89.

86. АСАНУ. Бр.10133. Стојановић К. Слом и васкрсене Србије (рукопис). С.275.

87. Ђорђевић М. Указ. соч. // Зборник радова правно-економског факултета у Нишу. Ниш, 1967. С.20.

88. Стенографске белешке седница Народне Скупштине за 1881 г. (ошибочно, необходимо - за 1882 г. - А.Ш.). Београд, 1882. С.67 (далее - Стенографске белешке Народне Скупштине. Београд, 1882).

89. Дневник М.Милићевића. Свеска II (19 јануар 1882 г.)

90. Белешке Ј.Мишковића. Свеска 15. Л.20 (19 јануар 1882 г.).

91. Стенографске белешке Народне Скупштине. Београд, 1882. С.303.

92. Гузина Р. Општина у Србији 1839-1918. Београд, 1976. С.274.

93. Тодоровић П. Крвава година. С.92-93.

94. Вучковић В. Указ. соч. // Глас Српске Академије Наука. Београд, 1956. С.60.

95. Там же. С.69, 78.

96. ОР ГЛ. Ф.239. Папка 12. Д.3. Л.12 об. (П.А.Кулаковский - Н.А.Попову, 7 марта 1882 г.).

97. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ.3. С.40.

98. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.44. Л.23 об. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 3 марта 1882 г.).

99. ОР ГЛ. Ф.239. Папка 12. Д.3. Л.9 об. (П.А.Кулаковский - Н.А.Попову, 6 марта 1882 г.).

100. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.4. Л.23 об. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 3 марта 1882 г.).

101. Там же.

102. Бележнице Јована Мишковића. Свеска I5. Л.23 (23 февруар 1882).

103. Самоуправа. 1882. 23 февруар. Бр.36.

104. Рај. Књ.2. Београд, 1882. С.161.

105. Надо отметить, что реакция населения на провозглашение Сербии королевством была далеко не однозначна, на что рассчитывал кабинет. Кулаковский в письме Попову свидетельствует: "В селах и внутренних городах весть о сербском королевстве принята с восторгом, и селяки все присылают депутации к своему королю". Вместе с тем он в том же письме сообщает: "В первые дни провозглашения Сербии королевством кого не встретишь, всякий как-то иронически или сконфуженно улыбается, словно украдено что-то дорогое, словно замарано лучшее воспоминание, загрязнено лучшее платье". /ОР ГБЛ. Ф.239. Папка I2. Д.3. Л.9 об. (П.А.Кулаковский - Н.А.Попову. 6 марта 1882 г.).

106. Стенографске белешке Народне Скупштине. Београд, 1882. С.1376-1377.

107. Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зајчар, 1988. Књ.1. С.336.

108. Стенографске белешке Народне Скупштине. Београд, 1882. С.1412; Дневник М.Милићевића. Свеска II (4 март 1882 г.).

109. Самоуправа. 1882. 6 март. Бр.44. От имени 51 члена оппозиции прошение об отставке передали Р.Тайсич и Р.Милошевич.

110. Бележнице Ј.Мишковића. Свеска I5. Л.23 об. (5 март 1882 г.).

111. Тодоровић Д. Указ.соч. // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.36.

112. Бележнице Ј.Мишковића. Свеска I5. Л.24. (5 март 1882 г.).

113. Вучковић В. Указ.соч. // Глас Српске Академије Наука. Београд, 1956. С.79-81.

114. Ђорђевић М. Указ.соч. // Зборник радова правно-економског факултета у Нишу. Ниш, 1967. С.20.

115. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.44.

116. Там же. С.44-45.

117. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.44. Л.28 об. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 21 марта 1882 г.). От российской дипломатии также не ускользнул чисто агитационная цель поездки короля Милана. Персиани 1 апреля телеграфировал Гирсу: "Король предпримет на днях путешествие с целью повлиять на предстоящие выборы в скупшину". /АВПРИ. Ф. Политархив. 1882. Д.420. Л.10/. Александр III выразил свое отношение к этому вояжу кратким замечанием: "Посмотрим". После того, как предвидение Персиани относительно цели поездки короля полностью оправдалось, иными словами, после грозных филиппик Милана против радикальной оппозиции, мнение российского монарха стало значительно более определенным. На телеграмме Персиани о подробностях следования короля Милана от 18 ап-

редя Александр III начертал: "Постыдное странствование".
/АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д.419. Л.94/.

В целом же складывается впечатление, что Александр Александрович Романов, внимательно следивший за всеми перепитиями политической борьбы в Сербии, был настроен явно в пользу радикалов. Так, к примеру, на более раннем сообщении Персиани из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что "опозиция хотя в меньшинстве в скупшине, но ведет энергичную борьбу с министерством" и что "она отказалась подписаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец к князю", император оставил единственное, но емкое слово: "Утешительно". /АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д.420. Л.2/.

118. Кулаковский назвал высказывания короля "безумными речами". /ОР ПИБ. Ф.14. Д.191. Л.2. (П.А.Кулаковский - И.С.Аксакову, 21 мая 1882 г.)/.

119. Самоуправа. 1882. 6 април. Бр.56.

120. Игњин С. Ужице и околина 1862-1914 (Докторска дисертација). Титово Ужице, 1967. С.150.

121. Надо отметить, что не только радикалы и их сторонники осмеливались на открытое неприятие агитационной поездки короля. По сообщению секретаря окружного управления из Вранья, "Светомир Десимирович, председатель окружного суда, и Иван Вукичевич, судья ... отказались нести приветственные транспаранты в честь посещения Вранья Его Величеством... по причине того, что это, как они выразились, их унижает. Оба эти господина принадлежат к либеральной партии". /АС. МГ-345 (извештај од 28 априла 1882 г.)/. А.Раденич ошибочно подчеркнул их "принадлежность к радикальной оппозиции". /Раденич А. Радикална странка и Тимочка буна. Књ.1. С.353/.

122. Дневник М.Милићевића. Свеска II (13, 14 мај 1882 г.).

123. АС. МГ-395. (извештај од 9 маја 1882 г.).

124. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.53.

125. Дневник М.Милићевића. Свеска II /15, 16 мај 1882 г./; Бележнице. Ј.Мишковића. Свеска 15. Л.29. /21 мај 1882 г./.

126. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.54.

127. Дневник М.Милићевића. Свеска II (29, 30 мај 1882 г.)

128. Раденич А. Радикална странка и Тимочка буна. Књ.1. С.405.

129. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.76.

130. Министр внутренних дел М.Гаршанин в разговоре с М.Миличевичем заявил: "Не могу фабриковать людям обвинения, не могу бросать в тюрьмы невиновных: до тех пор, пока у меня на руках нет реальных доказательств, я не могу никого арестовать. Согласиться с военными судами, с фальсифицированными судебными процессами, другими словами, с тем, что я всегда осуждал в действиях других? Никогда!" /Дневник М.Милићевића. (Свеска II/17 октобар 1882 г.)/.

131. АСАНУ. Заоставштина Милана Пироћанца. Бр.9989. Дневник М.Пироћанца. Свеска I. (16 октобар 1882 г.). (Далее - Дневник М.Пироћанца).

132. АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д.419. Л.187 об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 27 октября 1882 г.).

133. Там же.

134. Бележнице Ј. Мишковића. Свеска I6 (24 октобар 1882 г.)
135. АСАНУ. Бр. 9777. Протоколи седница Главног комитета Народне Радикалне странке (седница I4 октобра 1882 г.).
136. АС. Ф. Поклони и откупи. Збирка Ристе Одавића. Кутија II. Бр. 28 (писмо Главног одбора Радикалне странке месним одборима, октобар 1882 г.). См. также: Самоуправа. 1882. Бр. 168. Вместе с тем, необходимо отметить, что, осуждая покушение как акт насилия, который мог подорвать и без того хрупкие основы сербского парламентаризма, радикалы давали совсем иную оценку самой Е. Маркович. Р. Милошевич в письме Кулаковскому отметил: "Процесс у нас по атентату кончен. Это не обыкновенный процесс, а тенденциозное стремление бросить хоть тень на радикальную партию. Но она, Елена, была настоящим героем; того достойного отношения к всем вопросам редко видеть... Жаль, что такие характеры гибнут из-за глупостей". /ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 175. Л. 28 об./.
- А. Петровић также с нескрываеомой симпатией вспоминал о Е. Маркович: "На допросе она заявила, что хотела убить короля Милана за то, что он убил ее ни в чем не повинного мужа. Героическая женщина и верная жена, достойная такого мужа". /Петровић А. Успомене. С. 96/.
137. АСАНУ. Бр. 9777. Протоколи седница Главног одбора Народне Радикалне странке (седница I4 октобра 1882 г.).
138. АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д. 419. Л. 187 об. (А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 27 ноября 1882 г.). Отметим, что четвертое требование радикалов, о придании кабинета Пирочанца суду, было секретным.
139. Дневник М. Пирочанца. Свеска I. (23 октобар 1882 г.).
140. Король Милан был крайне недоволен переговорами либералов с радикалами. Персиани, сообщая в министерство о состоявшемся у него разговоре с королем, отметил: "Король приступил к разговору огульными нападками на г. Ристича и его партию, которых он обвиняет в неблагодарности, в отсутствии патриотизма и, в особенности, в том, что они предпочитают союз с радикалами слиянию с правительственной партией" /АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д. 419. Л. 198. (А. И. Персиани - А. Е. Влангали, 20 декабря 1882 г.)/.
141. Стојичић С. Указ. соч. // Тимочка буна 1883 ... Зборник радова са научног скупа. С. 164.
142. Ђорђевић М. Значај скупштинске кризе 1881-1883 у политичком развоју Србије // Годишњак правног факултета у Сарајеву. Сарајево, 1967. Година XV. С. 474-475.
143. АС. МГ-346. Л. 3-4 (извештај од 4 новембра 1882 г.).
144. АС. МГ-420. (извештај од 10 маја 1882 г.).
145. Там же.
146. Марковић М. Моје успомене. Београд, 1909. С. 92. Мотивы столь тесного альянса короля Милана и напредняцкой партии приводит в своих мемуарах А. Васильевич: "Однажды я спросил его (короля. - А.Ш.), почему он идентифицирует себя с напредняцкой партией? На это последовал ответ: "Потому что это моя партия" /Васильевич А. Моје успомене. С. 146/.
147. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 28 об. (Ц. А. Кулаковский - И. С. Аксакову, 21 марта 1882 г.).
148. Дневник М. Пирочанца. Свеска I (16 октобар 1882 г.).

149. Московские Ведомости. № 167. 18 июня 1882 г.

150. АС. МГ-603. Л.2 (Испит Б.Петровића, 24 јануар 1883 г.)

151. Любопытно сопоставить одну деталь. Б.Петровић, говоря о возможной борьбе между напредняцким большинством и радикальнѣм меньшинством, отметил, что "если эта борьба начнется, то большинство будет располагать сорока тысячами, а меньшинство - восемнадцатью тысячами человек". /АС. МГ-603. Л.2 (Испит Б.Петровића)/. Речь, как представляется, идет о примерном количестве членов радикальной и напредняцкой партий. Р.Милошевич сообщает в своих мемуарах, что накануне Тимокского восстания радикальная партия насчитывала 45 тысяч членов /Милошевић Р. Тимочка буна. С.62/. Сопоставив приблизительные, естественно, цифры, можно с немалой долей вероятности заключить, что уже в 1882 г. в радикальную партию вступила большая часть общего количества членов, состоявших в ней накануне Тимокского восстания, т.е. осенью 1883 г.

О многочисленности радикальной партии уже в 1882 г. свидетельствует также и тот факт, что к декабрю этого года по всей Сербии было организовано 57 местных радикальных комитетов. /См. АСАНУ. Бр.9782/71/.

152. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.103.

153. ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.79. Л.8. (С.Божкович - П.А. Кулаковскому, 20 декабря 1882 г.)

154. ОР ГБЛ. Ф.156. Картон 5. Д.71. Л.29-29 об. (П.А.Кулаковский - В.В.Макушеву, 6 июля 1882 г.). Аналогичную мысль высказал другой хороший знаток балканской ситуации А.П.Хитрово. В письме Аксакову он констатировал: "...настроение в сербском народе опасное. Не шутку ждут чего-то страшного. Пахнет революцией". /ОР ИРБ. Ф.14. Д.378. Л.6 об. (А.П.Хитрово - И.С.Аксакову, Видин, 17 сентября 1882 г.)/.

155. В подтверждение этого тезиса приведем высказывание российского дипломатического представителя: "Соображения, побуждающие министерство настаивать на созвании Великой скупщины, следующие: оно надеется задобрить народ, даруя ему новую конституцию, более либеральную..." /АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д.424. Л.95 об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 3 августа 1883 г.)/.

156. АВПРИ. Ф. Политархив. Д.424. Л.84 об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 25 мая 1883 г.)

157. Там же.

158. Речь идет о разрешении баллотироваться в скупщину и чиновничеству, состоявшему по большей части из интеллигенции.

159. Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији. С.21.

160. АВПРИ. Ф. Политархив. 1883. Д.424. Л.92-92 об.

(А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 25 июня 1883 г.). Состояние, в котором находился король Милан в начале 1883 г., лучше всего характеризуют его собственные слова, сказанные германскому посланнику графу Бреу, который призывал короля в экстремальных условиях опереться на армию: "В Сербии в принципе невозможна всякая власть, опирающаяся на силу ору-

жия. Она обречена на непреломное падение". А так как он "из монархического принципа" не желал ни под какими условиями сотрудничать с "радикальными элементами", влияние которых постоянно росло, ему, по его собственному признанию, не оставалось ничего больше, как "добровольно или вынужденно, но в любом случае с высоко поднятой головой, покинуть страну". /Цит. по: Радичи С. А. Радикална странка и Тимочка буна. Заичар, 1988. Књ. 2. С. 551/.

161. АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 424. Л. 96 об. (А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 3 августа 1883 г.).

162. Рукописно Одељане Народне Библиотеке Србије у Београду. Бр. Р665/П/79. (М. Обреновић - Ч. Мијатовићу, 10 јул 1883 г.).

163. Там же.

164. Новаковић С. Указ. соч. С. 21.

165. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 3. С. 96.

166. Новаковић С. Указ. соч. С. 21.

167. АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 97. (А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 3 августа 1883 г.).

168. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 3. С. 97.

169. Там же. Л. 98 об. - 99.

171. Новаковић С. Указ. соч. С. 20.

172. Там же.

173. АС. Ф. Поклони и откупи. Збирка Ристе Одавића.

Кутија II, Бр. 27. (Писмо Главног одбора Радикалне странке месним одборима, 5 октобар 1882 г.).

174. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 175. Л. 29. (Р. Милошевич - П. А. Кулаковскому, 17 априла 1883 г.).

175. АСАНУ. Бр. 9778. Протоколи седница Главног одбора Народне Радикалне странке (седница 22 марта 1883 г.).

176. Там же. (Седница 26 јула 1883 г.).

177. АС. МГ-604. Л. I; АСАНУ. Бр. 9729. Л. I.

178. АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 86.

179. Бележнице Ј. Мишковића. Свеска Iб. Л. 54 (23 октобар 1882 г.); Дневник М. Пироћанца. Свеска I. (23 октобар 1882 г.); АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д. 419. Л. 180-180 об. (А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 8 новембра 1882 г.); Там же. Л. 187-187 об. (А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 27 новембра 1882 г.).

180. АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д. 419. Л. 187 об.

(А. И. Персиани - Н. К. Гирсу, 27 новембра 1882 г.).

181. Там же. Л. 188 об.

182. Архив Российской академии наук (Отделение в Санкт-Петербурге). Ф. 105. Оп. 2. Д. 104. Л. 6.

183. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 79. Л. 8.

184. АС. МГ-604; АСАНУ. Бр. 9779; Тимочка буна 1883 г. Грађа. Књ. I. Београд, 1954. С. 305-307. В этом письме Главный комитет радикальной партии поставил вопрос о дальнейших взаимоотношениях с либералами.

185. АСАНУ. Бр. 9730; Тимочка буна 1883 г. Грађа. Књ. I. С. 310-311. (Писмо Главног одбора Радикалне странке месним одборима, 4 март 1883 г.).

186. Дневник М. Милићевића. Свеска II. (12 јул 1883 г.).

187. АСАНУ. Бр. 9778. Протоколи седница Главног одбора Народне Радикалне странке (седнице 13 и 14 аугуста 1883 г.).

188. Там же. (Седница 14 августа 1883 г.).

189. Персиани в донесении Гирсу отметил по этому поводу: "Обе оппозиционные партии не сливаются в одно целое, каждая из них метит на успех, что затрудняет дело и облегчает министерству г.Пирочанца борьбу с ними на выборах". /АВНРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д.424. Л.104. (А.И.Персиани - Н.К. Гирсу, 26 августа 1883 г.)//.

190. АС. МГ-654. Л.15 об.

191. АС. МГ-489. Л.6.

192. Василевич А. Моје успомене. С.146.

193. Р.Милошевич еще в апреле 1883 г. в письме Кулаковскому отмечал: "Та партия, которая пропадет на выборах в Большую скупшину, может считать себя погибшей, поэтому вы поймете, какая борьба ведется. Вы поймете, что мы - самые сильные враги наших консерваторов, поэтому они все свои силы употребляют против нас. Но мне кажется, что они вполне пропадут". /ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.175. Л.29. (Р.Милошевич - П.А.Кулаковскому, 17 апреля 1883 г.)//.

194. Тодоровић Д. Указ.соч. // Тимочка буна 1883 ...
Зборник радова са научног скупа. С.36-37.

195. Тодоровић П. Крвава година. С.117. П.Тодоровић также приводит в своем дневнике испуганное письмо одного из местных напредняцких активистов своему "центру", которое красноречиво характеризует напряженную политическую обстановку в стране и показывает лихорадочную деятельность радикалов накануне выборов: "Радикалы здесь просто обезумели, все встало на дыбы... Они готовятся так, как будто уже завтра на Косово; они оценивают предстоящие выборы ни много ни мало, как событие, которое должно решить вопрос о жизни и смерти нашей или их. Они действуют с воодушевлением и фанатизмом, готовы на все. Они обрушатся на выборы как ураган, и, я думаю, этот ураган нас сметет, как сильный ветер подхватывает мелкую соломинку. Народ стал неуправляем, программа радикалов стала его Евангелием. Готовятся ко всему, будут готовы и драться... Мы будем иметь дело на выборах с фанатиками, против которых ничего не сможем предпринять. Не поможет ни власть, ни шпионаж, ни полиция, никто. Если такое положение везде, то радикалы непременно победят - это также очевидно, как и наш крах и отставка кабинета. Но, дай Бог, чтобы только этим все и закончилось". /Тодоровић П. Крвава година. С.117-118/.

196. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.107.

197. Игњић С. Ужице и околина 1862-1914. С.154-155.

198. Протић С. Одломци из уставне и народне борбе у Србији. Београд, 1911. Књ.1. С.113.

199. См.: Поповић Л. Побун - претходнице Тимочке буне // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.39-47.

200. Цит. по: Ивић А. Историја радикалне странке //
Време. Београд, 1928. 7 јул. Бр.2344.

201. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ.3. С.111.

202. АВНРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д.424. Л.127 об.

(А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 25 септембра 1883 г.).

203. Тодоровић П. Крвава година. С.124.

204. АСАНУ. Заоставштина Милана Пирочанца. Бр.10049/58. (телеграм од 8 септембра 1883 г.).

205. Там же. Бр.10049/59. (телеграм од 9 септембра 1883 г.). Надо отметить, что в первой половине августа 1883 г. король Милан отбыл в Австро-Венгрию и Германию с целью побывать на маневрах в Гамбурге. Однако эта поездка имела другой, более важный подтекст. "Сильно сомневаюсь, - писал Персиани Гирсу, - в искренности такой любознательности короля Милана, имею некоторый повод предполагать, что он жаждет лишь справиться как у Австрийского императора, так и у Германского о том, как ему поступить в данную критическую минуту. Нет сомнения, что дальнейшая судьба министерства и направление сербской политики будет зависеть от ответов, которые король получит". /АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д.424. Л.101. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 3 августа 1883 г.)/.

Решительный тон короля в телеграмме Пирочанцу однозначно показывает, какого рода ответы он получил.

206. Тодоровић П. Крвава година. С.129.

207. Там же. С.128.

208. АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д.424. Л.102 об.,

103 об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 26 августа 1883 г.).

209. Главный комитет радикальной партии посылал проект конституции местным комитетам для обсуждения, предписывал проводить его в строжайшей тайне под личную ответственность местных радикальных функционеров. Главный комитет на своем заседании 26 июля 1883 г. предполагал "раздать под расписку по одному экземпляру проекта доверенным представителям местных комитетов с тем, чтобы они возвратили Главному комитету тот же экземпляр со своими предложениями. Копирование запрещено. Тот, кто это сделает, - подчеркивается в протоколе заседания, - будет считаться предателем партии". /АСАНУ. Бр.9778. Протоколи седница Главног одбора Народне Радикалне странке. (седница 26 ула 1883 г.)/.

210. Тодоровић П. Крвава година. С.131.

211. Милошевић Р. Тимочка буна. С.140-141.

212. АСАНУ. Заоставштина Н.Пашића. Бр.7885/2. (0 устанку у Србији).

213. Чубриловић В. Тимочка буна 1883г. // Тимочка буна 1883. ... Зборник радова са научног скупа. С.4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале 70-х годов XIX в. в Сербии происходило обособление народническо-социалистической идеологии от господствовавшей тогда в общественной жизни страны либеральной традиции. Это обособление, а также оформление сербского социалистического движения проходили под руководством Светозара Марковича. В первой половине 70-х годов социалистическое движение стало заметным явлением общественно-политического развития Сербии. По определению В.Я.Гросула, оно "в середине 70-х годов было наиболее значительным социалистическим движением на Балканах"¹. Апогей его практической деятельности приходится на вторую половину 1875 – начало 1876 г., когда соратники скончавшегося в феврале 1875 г. С.Марковича, и в первую очередь Никола Пашич, попытались с помощью крестьянской радикальной оппозиции в Народной скупщине во главе с Адамом Богосавлевицем добиться изменения соотношения сил в сербском парламенте в свою пользу и использовать его для глубоких демократических преобразований и де бюрократизации сербского общества, что, в свою очередь, явилось бы, по их мнению, первым шагом на пути претворения в жизнь идей Марковича о крестьянском общинном социализме, сторонниками которых они в тот период оставались. Разразившееся в это время Боснийско-Герцеговинское восстание сербские социалисты попытались использовать для реализации своих целей.

Самым ярким показателем активности участников движения С.Марковича явилась знаменитая демонстрация, организованная Перой Тодоровичем и Перой Велимировичем 15 февраля 1876 г. в Крагуеваце и вошедшая в сербскую историю под названием "Црвени Барьяк" (Красное Знамя). Она была проведена в честь победы представителей парламентской радикальной оппозиции и социалистов на выборах в местные органы власти общины города Крагуеваца. Однако активность последователей С.Марковича и оппозиционной фракции А.Богосавлевица не увенчалась успехом. Милан Обренович, увидевший в этом смертельную опасность для престола и династии, стал невольным побор-

ником войны с Турцией. 18 июня 1876 г. последовало объявление ей войны. Для Сербии начался более чем двухлетний период военных поражений и побед, дипломатических успехов и разочарований...

Результаты сербо-турецких войн и особенно решения Берлинского конгресса коренным образом изменили условия деятельности последователей С.Марковича. Новые общественно-политические и международные реалии привели к постепенному слиянию обеих левых группировок, действовавших на сербской политической арене в предвоенные годы, в единое оппозиционное течение. Политически и организационно оно заявило о себе 8 января 1881 г. выходом первого номера газеты "Самоуправа", в котором была опубликована программа сербской народной радикальной партии.

Сербская радикальная партия начала 1880-х годов по менталитету ее создателей являлась организмом достаточно сложным и неоднородным. В руководстве партии накануне Тимокского восстания достаточно четко просматривается наличие нескольких течений. Во-первых, это течение крайних радикалов, настроенное весьма бескомпромиссно, персонифицированное в личности и деятельности П.Тодоровича. Во-вторых, это прагматичное, опирающееся на более трезвый анализ политических реалий, крыло, представленное Н.Пашичем, Рашей Милошевичем и др. В-третьих, это аутентичное крестьянское течение в лице бывших соратников А.Богосавлевича - Ранко Тайсича и Димитрие Катича. И наконец, это умеренная "соглашательская" фракция, представленная университетской профессурой - Светомиром Николаевичем и Гигой Гершичем.

Эти течения в руководстве радикальной партии представляли собой две тенденции развития раннего радикализма. Одна из них - левацкая, с ярко выраженными сектантскими чертами, не признающая законов политической борьбы и направленная на конфронтацию с режимом, в методическом арсенале которой, вследствие этого, содержались и безудержная демагогия, и элементы прямой спекуляции, и одержимая агитация с

целью фанатизации масс, и нежелание "поступаться принципами". Другая тенденция – более умеренная и взвешенная. Ее представители принимали складывавшуюся политическую ситуацию как объективную реальность и планировали свою деятельность, исходя из ее конкретных изменений. Их инструментарий поэтому – более или менее трезвый анализ обстановки, признание возможности компромиссов и тактических блоков.

Наиболее яркими представителями этих тенденций были П.Тодорович и Н.Пашич. Именно их наличие и сосуществование явилось главной причиной определенной и на первый взгляд трудно объяснимой двойственности в поведении радикальной верхушки: с одной стороны, безоглядная апелляция к широким крестьянским массам, т.е. поиски опоры в многочисленной избирательной аудитории в "глубинке", а с другой – попытки различных политических комбинаций и компромиссов, не санкционированные, добавим, партийными организациями на местах. И это все при общей, единой установке радикалов на приход к власти в стране. Можно утверждать, что основным содержанием ранней истории радикальной партии и являлись "единство и борьба" двух названных выше тенденций.

Идеологическая доктрина ранней радикальной партии представляет собой явление достаточно оригинальное и самостоятельное. Определенное воздействие на ее формирование и развитие оказали как предшественники слева в лице С.Марковича и А.Богосавлевича, так и справа – в лице сербских либералов. Г.В.Плеханов в свое время сформулировал плодотворный методологический принцип, согласно которому, "идеологи каждого данного времени всегда стоят в теснейшей – положительной или отрицательной – связи с идеологиями предшествующего времени"². Пример радикальной партии – яркое тому подтверждение.

Ранние радикалы восприняли главную идею А.Богосавлевича о демократическом, народном государстве, значительно модифицировав и радикализировав ее в духе С.Марковича, и доведя до крайней формы в виде требования безоговорочного обеспечения суверенитета народа через всевластие и всепроникающий авторитет Народной скупщины – верховного органа народного пред-

ставительства. Вместе с тем, радикальные идеологи вкладывали в саму идею народного государства иной, более широкий смысл, чем А. Богосавлевич. Их трактовка этой идеи не укладывалась в прокрустово ложе его крестьянской социальной утопии, основанной на узко классовом прагматизме. Оставаясь воинствующими демократами, радикалы внесли в нее трезвое государственное начало, отражавшее общенациональные интересы в тех противоречивых условиях становления независимого сербского государства.

Идеология радикальной партии в первые годы ее истории, по определению Л. Перович, не была "идеологией торговой или промышленной буржуазии. Это народническая доктрина; ее социальный стержень - эгалитаризм"³. И это действительно так. Сербский путь к прогрессу, по мысли радикальных идеологов, лежал вне западной либерально-капиталистической традиции. Капитализм с его расслоением общества на враждебные классы, с его культом индивидуалистического начала оставался для сербских радикалов системой суждой, враждебной и, как следствие этого, не достойной подражания. Потому и стремились они к сохранению изначальной социальной "гармонии" сербского общества, лишённого аристократической и буржуазной надстроек, рассматривая сербский народ как единый социальный и национальный организм и разделяя его приверженность традиционным ценностям солидаризма.

Отсюда вытекают и становятся понятными мотивы и пафос острой, бескомпромиссной борьбы радикальной партии против австрофильского курса короля Милана и правительства напредняков, которые, по словам Пашича, "желали бы сразу обратить Сербию в западную маленькую державу, не обращая внимание ни на что сербское и славянское"⁴. Для лидера радикалов Австро-Венгрия - это не только и не столько главное препятствие на пути удовлетворения сербских национальных амбиций (особенно, что касалось Боснии и Герцеговины); экономическую и политическую экспансию Дунайской монархии он и целый ряд его коллег по радикальному руководству рассматривали как наступление того самого западного капитализма, западной цивилизации,

которая грозила уничтожить сербскую самобытность, сам менталитет народа. Против этого – то наступления радикалы и боролись. "Главное стремление в нашей политической борьбе, – писал Пашич в марте 1887 г., – состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые могли бы разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное развитие и жизнь"⁵. Эта борьба, добавим, вызвала к жизни и установку радикалов на экономическую модернизацию своей страны, что явилось бы, по их мнению, надежным заслоном на пути индустриального проникновения Австро-Венгрии. Гарантом неповторения западного социального опыта при ее проведении и должно было стать задуманное ими "народное государство" с мощными рычагами политического и экономического воздействия.

Отсюда же проистекает и стремление Пашича и его "фракции" к установлению тесных связей с Россией. Петербург, в качестве антагониста Вены и противовеса ей, помог бы, по логике умеренного крыла радикалов, нейтрализовать и отразить массивное политическое давление, оказываемое на Сербию ее могучей северной соседкой, и стать международным гарантом подлинной ее независимости. Потому – то, по точной оценке Л.Перович, "Пашичу была любезна всякая Россия"⁶, что, как мы помним, расходилось со слишком левой позицией П.Тодоровича. Именно здесь лежат истоки прочного русофильского определения лидера радикалов, определения, скажем так, цивилизационного, а не только политически-конъюнктурного. "Наша партия, – указывал он, – во внешней политике держалась славянской и православной России, а во внутренней политике – сербских обычаев и духа. Вот откуда происходит для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же стал на нашу сторону..."⁷.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что сербские радикалы начала 80-х годов – это "народники" куда более умеренные, чем С.Маркович, а тем более, чем его русские "учителя". Теория революционного скачка через капитализм к крестьянскому

социализму была заменена ставкой на глубокие реформы, в первую очередь политические, и эволюционное развитие. Главной целью радикальной партии стал приход к власти в Сербии посредством всеобщих выборов. Используя российские параллели, можно, наверное, заключить, что пафос Н.Г.Чернышевского и П.Л.Лаврова с их конечной установкой на крестьянскую революцию в России сменился в сознании их сербских современников пафосом Н.К.Михайловского, который подчеркивал: "Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия нынешним собственникам их собственности"⁸.

Однако и тут не все так просто. В первые годы своей истории радикальная партия не была лишена элементов былого революционаризма, отклики которых ярко проявились в Тимокском восстании. Предельная конфронтационность и манипулирование анархической стихией поднятых радикалами масс отнюдь не способствовали успеху взятого ими же курса на реформы. Что же, "идеологии легко не меняются"⁹. К чести радикалов заметим, что им в конечном итоге удалось обуздать эту стихию и канализировать ее в русло "органической работы". Но это произошло позднее, после того как они (правда, не все и не сразу) сумели обуздать сами себя. Тимокский "нокдаун" радикальной партии подействовал на нее явно отрезвляюще...

Главной тактической целью радикальной партии в 1881-1883 гг. была, как уже упоминалось, борьба за власть в стране. В отличие от двух других партий - либеральной и напредняцкой, которые приходили к власти, заручившись расположением монарха, радикальная партия "могла надеяться на приход к власти только в том случае, если бы ей удалось убедить короля, что поддержка широких масс на ее стороне"¹⁰. Своей агитационной деятельностью радикалы хотели превратить политизированные массы в реальный фактор политической жизни Сербии, способный самим эффектом своего единогласного прорадикально-

го определения сломить "своеволие короля" и заставить его вручить им мандат на формирование правительства.

Стремление радикалов создать массовую армию избирателей имело своим следствием то обстоятельство, что радикальная партия отнюдь не являлась организацией узко классово-крестьянской по составу; ее компромиссная программа способствовала объединению всех демократических сил – партия была открыта для каждого недовольного режимом, невзирая на социальную принадлежность. Мало того, именно представители "иных сословий": священники, учителя, мелкие чиновники, торговцы составляли, как правило, средний уровень партийного руководства, являясь партийными функционерами на местах – агитаторами и проповедниками в крестьянской среде, привносящими в массы радикальные идеи, которые они нередко трактовали упрощенно и однобоко – "понятно" для крестьян. Сербская радикальная партия начала 80-х годов являлась, таким образом, массовой политической организацией, которая, по справедливому определению М.Протича, "скорее походила на широкое политическое движение, чем на обычную политическую партию в узком смысле этого слова"¹¹.

х х х
х

Появление в 1881 г. сербской народной радикальной партии имело огромное значение для последующей истории страны. Для сербской истории XIX в. "было характерно опережающее развитие политических отношений, в том числе и институтов... государства, по сравнению со становлением капиталистических отношений в сфере экономики"¹². Менее чем за два поколения, т.е. с середины XIX в. и до 1903 г., политический строй в Сербии разительно изменился: административная олигархия сменилась конституционной монархией. Главное отличие нового парламентского устройства от старого олигархического заключалось в том, что народ, наряду с королем и политическими партиями, стал одним из важнейших факторов политической жизни страны. Его значение как субъекта политики возросло неиз-

меримо.

Главная заслуга сербской радикальной партии состоит в том, что она, "объединив массы, в первую очередь крестьянство, придала их движению невиданную силу и внесла в него элементы сознательности, способствуя осознанию массами собственных возможностей"¹³. Повернув крестьянство к проблемам собственного национального государства, радикалы в течение считанных десятилетий подняли его на высокий, редко где в Европе встречавшийся, уровень политического сознания, и когда в начале XX в. пришла пора решающих переломов, сербский крестьянин храбро вступил и в Освободительные войны 1912-1913 гг., и в первую мировую войну, причем, "будучи исключительно политизированным, он знал, за что воюет - в первую очередь за освобождение своих еще неосвобожденных братьев сербов, а затем и за освобождение остальных братьев и за объединение с ними"¹⁴. Начало этим историческим для Сербии процессам было положено 8 января 1881 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874-1880). М., 1980. С.272.
2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т.1: С.666.
3. Перовић Л. Предговор // Тодоровић П. Крвава Година. Београд, 1991. С.31.
4. АВПРИ. Ф. Политархив. Д.437. Л.197. об.
5. Там же. Л.199.
6. Перовић Л. Друштвене идеје у Србији у другој половини XIX века. /Специјални курс/. С.118.
7. АВПРИ. Ф. Политархив. Д.437. Л.198.
8. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1906. Т.1. Столбец 719.
9. Перовић Л. Предговор // Тодоровић П. Крвава Година. С.35.
10. Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зайчар, 1988. Књ.2. С.735.
11. Протић М. Ст. Радикали у Србији. Идеје и покрет. 1881-1903. Београд, 1990. С.87.
12. Карасев А.В. Сербское государство на пути к парламентаризму. 1858-1878 гг. // Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII - 70-е годы XIX века). М., 1986. С.157.
13. Самарчић Р. Идеје за српску историју. Београд, 1989. С.255.
14. Станковић Ђ. Искушена југославенске историографије. Београд, 1989. С.251.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. СЕРБСКИЙ СОЦИАЛИЗМ НА ПЕРЕЛОМЕ. 1875-1881 гг.	
1. Краткий очерк истории социалистического движения в Сербии до 1875 г.	15
2. Сербские социалисты в 1875-1876 гг.	20
3. Наследники С.Марковича в 1878-1881 гг... ..	34
Глава II. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА СЕРБСКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ В 1881-1883 гг.	63
1. Политическая концепция радикалов	67
2. Экономическая доктрина радикальной партии	80
3. Взгляды радикалов на проблемы внешней политики	86
4. Радикальная партия и социализм	104
Глава III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СЕРБИИ В 1881-1883 гг. И РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ	
1. Парламентская борьба в Сербии в 1881 г..	139
2. Обострение конфронтации и кризис власти в 1882 г.	157
3. Углубление конституционного кризиса в 1883 г. и решающее столкновение	175
Заключение	204

А. Л. Шемякин

РАДИКАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕРБИИ
Зарождение, становление, первые шаги
(1875–1883)

**Монография и оригинал-макет
подготовлены к печати
в редакционно-издательской группе
ИСБ РАН**

Подписано в печать 19.10.93. Формат 60 X 84/16.

Усл. печ. л. 11,9. Тираж 300 экз.

Заказ № 56 Цена договорная

**Участок оперативной полиграфии
Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19**

74893

RU